

11-563
АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. XII

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ТАДЖИКОВ И УЗБЕКОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Сталинабад
1954

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, том XII

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ТАДЖИКОВ И УЗБЕКОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Сталинабад
1954

АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАҶРИХ, АРХЕОЛОГИЯ ВА ЭТНОГРАФИЯ

АСАРҲО, ҷилди XII

МАТЕРИАЛҲО ОИД БА ТАҶРИХИ
ТОҶИКҲО ВА УЗБЕКҲОИ
АСИЁИ МИЁНА

БАРОРИШИ I

НАШРИЁТИ АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН
Сталинобод
1954

А. А. СЕМЕНОВ

**К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
И СОСТАВЕ УЗБЕКОВ ШЕЙБАНИ-ХАНА**

ВВЕДЕНИЕ

Нашествие кочевых узбеков и подчинение ими Средней Азии и Хорасана в самом начале XVI в. явилось последней волной огромных народных переселений, которыми была так богата предшествующая история этих стран. Поэтому узбеки являются как бы последним компонентом в этногенезе современного узбекского народа.

Буржуазные историки Востока считали этих кочевых узбеков выходцами из Золотой Орды, получившими свое название от золотоордынского хана Узбека, и полагали, что из-за внутренних распрей часть узбеков, отделившись от общей массы, откочевала в пределы р. Чу и образовала ядро казахского народа, ибо эти отделившиеся узбеки стали «вольными людьми», казахами. Все такие взгляды не подкреплялись никакими серьезными аргументами, основанными на первоисточниках. Не разрешена проблема происхождения названия народа узбеки и в последней исторической работе «Золотая Орда и её падение» (М. — Л., 1950) наших крупнейших советских историков, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского. Ссылаясь на мое сокращённое изложение первой из нижеприводимых работ «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана»,¹ авторы полагают, что из мн. персидского (и таджикского) узбекиан — узбековцы возник впоследствии термин узбек, «который и стал собирательным именем для целой группы тюрко-монгольских племен Ак-Орды». Термин же «Улус Узбека» стал применяться не ко всему Улусу Джучи, а лишь к его акордынской части».² (К этому следует сделать небольшую поправку. В персидском тексте Хамдуллаха Казвини и его сына Зайнуддина словами мамлак- и узбеки, т. е. узбеково государство называется не Улус Джучи, а вообще владения Узбек-хана). Затем авторы (стр. 301) утверждают, что по моему мнению нет связи терминов узбек и узбеки с терминами узбекй и узбекиан. Этого я не мог сказать, потому что от существительного узбек происходит персидское и таджикское прилагательное узбекй (узбекский), как не мог я сказать и того, что термин узбек не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к термину узбекй (та же стр.). Очевидно, следовало сказать, что по моему мнению родившийся в обстановке Ак-Орды и там бытовавший термин узбек «не имеет ни прямого, ни косвенного отно-

¹ Помещено в «Рабочей хронике Института востоковедения». II, Ташкент, 1944 г.

² Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю., Золотая Орда и её падение, стр. 302.

шения к термину *узбекӣ*, т. е. относящийся к *Узбек-хану*, *узбековец* — иначе не понятно. И дальше авторы говорят: «Нам представляется, что эта точка зрения историческими фактами не оправдана и не может опровергнуть гипотезы о прямой связи двух этих наименований (что из термина *узбекӣ* возникло слово *узбек*). Ведь на самом деле современники именovali войска *Узбек-хана* «узбекианами» и все его государство «государством *Узбека*». Надо только внимательно вчитаться в источники, чтобы представить, какую огромную роль играло левое крыло в *Улус-джучиевом* войске.

Тюрко-монгольские кочевники *Ак-Орды* были отборными воинами-конниками. Они-то, по видимому (курсив мой — А. С.), и были главной частью *золотоордынского* войска. Их-то сначала (?) и называли «узбекианами», «узбековцами». Постепенно термин «узбеки» сменился термином «узбек», который и стал собирательным именем для целой группы тюрко-монгольских племён *Ак-Орды*. Термин же «*Улус Узбека*» стал применяться не ко всему *Улусу Джучи*, а лишь к его *акордынской* части».

Но из всего этого следует, что авторы вместе со мною связывают происхождение термина *узбек* тоже с *Ак-Ордою*, но их предположение («по видимому»), что *ак-ордынцы* составляли «главную часть *золотоордынского* войска» и дальнейшее догматическое утверждение, что «их-то сначала» называли «узбекӣ», «узбекианами» («узбековцами»), ничем не обоснованно, как неосновательно и утверждение, что из термина *узбекӣ*, *узбекиан* образовался потом этнический термин *узбек*. Дело в том, что термины *узбекӣ*, *узбекиан*, т. е. *узбеков* (*узбекский*) и *узбековцы* употребляли только *заграничные персидские* авторы по отношению вообще к войскам *Узбек-хана*, совершенно не разбираясь в их племенном составе. И термины эти только *персидские* и *таджикские* и чтобы именно от них произошло слово *узбек* в *народной тюркской* массе, надо допустить невероятное предположение, что или обе эти формы свойственны также *тюркским* языкам или же, — что все население *Ак-Орды* и других частей *Джучиева улуса* говорило на *персидском* или на *таджикском* языке.

В свое время предположение *А. Вамбери* о происхождении названия народности *узбеки* в честь *золотоордынского хана Узбека* вызвало резкую отповедь со стороны известного историка Востока, профессора *В. В. Григорьева*. В своей обширной рецензии на книгу *А. Вамбери* «*История Бухары*», вышедшую в 1873 г. в Лондоне на английском языке, проф. Григорьев писал: «...и это народное имя (*узбеки* — А. С.) г. *Вамбери* считает усвоившими его себе *тюркскими* родами — в память *золотоордынского хана Узбека*, как утверждает это и *хивинский историк Абульгази*. Но, ведь, *Абульгази* верит и тому, что *Турки* произошли от *Турка*, сына *Иафетова*, а нам повторять такой вздор непозволительно. Если допустить, что *Узбеки* приняли это имя в память о хане *Узбеке*, то придется допустить и существование *благодетельного хана* по имени *Казак*, от которого должен был заимствовать имя свое нынешний народ *Казацкий* (нами неправильно называемый *Киргиз-Кайсаками* или просто *киргизами*). Дело в том, что *Абульгазию*, как и нам до сих пор, вовсе не было известно, когда именно и вследствие каких обстоятельств возникло в степях, к северу от *Сыр-Дарьи* и *Аральского моря*, имя *Узбеков*, под которым население этих степей стало упоминаться у *мусульманских историков* с *половины XV столетия*. Как *Азиатец*, не имевший понятия об истори-

ческой критике, Абульгази не задумался отнести происхождение этого имени к хану Узбеку; но нам в XIX в. следует быть осмотрительнее татарских умников XVII века, и если мы не знаем чего положительно, так и говорить следует, что не знаем, а не придумывать или повторять нелепые басни, «нелепые», говорю я, потому что в Золотой Орде, где властвовал Узбек-хан, никаких узбеков никогда не было, а появились Узбеки в Синей орде, на которую власть Узбек-хана не простиралась, и появились не ранее, как через сто лет после его смерти. Выходит по Вамбери, что надо было пройти целому столетию, пока население Синей орды разжевало заслуги хана Узбека и вздумало признать их усвоением себе его имени. Да, ведь, это настолько же возможно, насколько вероятно было бы, чтобы в начале текущего столетия Поляки, проникшись уважением к заслугам Петра Великого, прозвались вдруг Петровцами. Впрочем, по г. Вамбери, имя Узбеков упоминается уже современником Узбек-хана, знаменитым арабским путешественником Ибн-Батутою, но как ухитрился наш историк открыть у Ибн-Батуты места, где это упоминается, остается тайною, так как он их не указывает; а мы таких упоминаний у Ибн-Батуты не находим, а уверены, что и быть их не может».¹

Разумеется, хронологические рамки появления названия народа узбеки теперь приходится значительно отодвинуть назад, но главное положение проф. В. В. Григорьева, что в Золотой Орде никаких узбеков не было, а появились они в Синей орде (иначе в Белой орде) на которую власть Узбек-хана не простиралась, остается, несомненно, в силе и по сей день.

¹ См. рецензию проф. В. В. Григорьева на *History of Bokhara from the earliest period down to the present, composed for the first time, after oriental known and unknown historical manuscripts, by Arminius Vambery...*, London, 1873. В «Журнале Минист. народн. просвещ.» за 1873 г., стр. 105-137 отдельного оттиска. Цитируемое место — на стр. 123.

Старший сын Чингиз-хана, Джучи, получил в удел от отца земли с населявшими их племенами, простиравшиеся от Иртыша до западных границ Монгольской империи. Второй сын Джучи, Бату или Батый русских летописей, своими завоеваниями в Восточной половине Европы расширил пределы Джучиева улуса далеко на Запад, обеспечив лично себе обладание тюркскими племенами половецких степей. Вся остальная часть Джучиева улуса была поделена между братьями Батыею, Ордою и Шейбаном. Шейбан управлял степями к северу от Сыр-Дарьи, известными у мусульманских авторов под названием Дешт-и-Кипчака (Кипчакской степи), а позже у русских — под названием Киргиз-Кайсацких или просто Киргизских степей. Орда правил кочевниками в низовьях Сыр-Дарьи с прилегающими горами. На этих просторах искони жили различные тюркские племена, старинные перечисления которых мы находим в трех памятниках восточной литературы: в арабском труде по тюркскому языку Махмуда Кашгарского (вторая половина XI в. н. эры)¹ и в персидских исторических сочинениях Абу-Са'ид-Абдулхайй-бен аз-Заххак-бен Махмуда Гардизи (в промежутке 1048-1052 г. н. э.) и Мубарак-шаха (начала XIII в. н. э.). В свое время акад. Бартольд издал в тексте и в переводе по-русски главу из Гардизи о тюркских народах Средней Азии, заключающую в себе, по его оценке, «много совершенно новых географических сведений и ряд интересных легенд о происхождении различных племен».² Труд Мубарак-шаха был издан и подробно описан в конце 20-х гг. текущего столетия английским ученым Денисоном Россом.³ В эти же годы акад.

¹ كتاب ديوان لغات الترك сост. Махмуд-бен-ал Хусейн бен-Мухаммед ал-Кашгари. 3 т. Констант. 1330. К нему — Brockelmann, C. Mittel türkischen Wörterschatz nach Maht. al-Kasgh. Divan Lughat at-Turk. Budar. — Leipz., 1928.

² Бартольд В., Отч. о поездке в Ср. Азию с научн. целью 1893-1894 гг., Спб., 1897; стр. (Приложение) 78-125. Текст труда Гардизи, изданный Мухам. Назимом в Берлине в 1928 г. в «E. G. Browne. Memor. Series — 1», этой главы не имеет, так как издание это неполное, начинающееся с 81 л. издаваемой рукописи.

³ Ta'rikh-i Fakhru'-d-Din Mubarakshah. Ed... by D. Ross. London, 1927. Подробное описание этого труда в статье D. Ross'a: The General of Fakhru'-d-Din Mubarakshah в *عجب نامه* A. Vol. of Orient. Stud. Present. to E. G. Browne. Cambridge, 1928, pp. 322-324.

По-русски см. рецензию Умнякова И. И. «История Фахреддина Мубаракшаха» Ta'rikh-i Fakhru'-d-Din Mubarakshah being etc. «Вестник древней истории», № 1-(2), Москва, 1938, стр. 108-115.

Бартольд дал науке превосходную и популярно написанную картину расселения тюркских племен Азии, снабдив ее в надлежащих местах своими эрудитными замечаниями.¹ Вследствие этого историческая наука обладает теперь более или менее точными данными, где именно и какие турецкие племена жили в средней части Азии, что очень важно, как отправная точка для всех последующих изысканий в области этнографии и истории тюрков.

Несомненно, во владениях Шейбана были и монгольские племена и роды, пришедшие с сыновьями и внуками Чингиза на Запад, а потом ассимилировавшиеся с местными кочевниками тюркского происхождения. Если Шейбан должен был кочевать на пространстве между Уральскими горами и реками Илек и Иргиз, зимой — в области, орошенной Сыр-Дарьей, Чу и Сары-Су,² то эти границы удела Шейбана, или приближающиеся к ним, долго оставались такими же, хотя при крайней подвижности кочевников стабильность каких-либо границ вообще немыслима. Улус Шейбана не оставался неизменным и в своем этническом составе; на протяжении длительного периода его существования в нем происходили миграции кочевников с отливом одних и с приливом других из разных мест, тем более, что смуты в Золотой Орде, начавшиеся уже со второй половины XIII в. и в Восточном Кипчаке, в Белой Орде, нередко побуждали подданных тюрко-монгольского происхождения покидать пределы своего кочевого государства и целыми аулами и племенами откочевывать на юго-запад или на восток от Сарая и на север и северо-восток от Белой Орды. Характерным примером этого может служить история золотоордынского царевича Ногай из нецарствовавшей ветви (из огланов) Джучиева дома, происходившей от побочного сына Джучи. В борьбе золотоордынского хана Берке или Беркая (654/1256-664/1266) со своим двоюродным братом, персидским ильханом Хулагу (654/1256-663/1265), Ногай принял деятельное участие в качестве командующего золотоордынскими войсками. После смерти Берке Ногай становится всесильным временщиком в Золотой Орде, «неограниченно распоряжавшимся Берковичами, смещая тех из царей их, кто ему не нравился и ставил (тех), кого сам выбирал».³ В связи с обширностью сферы его политического влияния, охватившего территорию от Дуная до Урала, и с его неограниченной властью на этой территории русские летописи и некоторые восточные авторы называют Ногай царем. С принятием мусульманства и браком с дочерью византийского императора, Ногай усилил свои политические позиции; опираясь на поддержку египетских султанов и Византии, Ногай ведет войны с Польшей, Венгрией, с Болгарией и Сербией. Низвержение его тестя с византийского престола дает Ногаю повод вступить в войну с греками, но его автократическая власть в Золотой Орде начинается, наконец, тяготить хана Тохту (689/1290-712/1312) и тот вступает в борьбу с Ногаем, которая кончается тем, что Ногай был разбит и погиб в бою (699/1299-300 г.) в Дешт-и-Кипчаке; победители забрали множество пленных, которых распродали едва ли не по всем частям

¹ Бартольд В. В., Ист. тур.-монгол. народов, Ташкент, 1928, стр. 10-16.

² Лен-Пуль С., Мус. династии, Перев. В. Бартольда, Спб., 1899, стр. 198.

³ См. извлечение из *زبدہ الفقہ فی تاریخ الہجرہ* «Сливки размышления в отношении истории хиджры», Рукнуддина Байбарса (ум. в 725/1325 г.) (в «Сбор. матер., относящ. к истор. «Золотой Орды», т. I, Извл. из сочин. арабск. СПб., 1884, стр. 87 араб. текста и 110-111 русск. перев.).

света, особенно их много было перепродано в Египет.¹ Ногаево племя мангыт и некоторые союзные тюрко-монгольские роды, получившие общее название ногаев, в Восточной половине Европы, вследствие почти непрерывных передвижений за своим вождем к Дунаю, Крыму и Дешт-и-Кипчаку, в конце концов оказались рассеянными по равнинам юго-восточной Европы и по степным пространствам к северу и северо-востоку от Сыр-Дарьи. Старый историк Сибири, Фишер, упоминающая Ногай «основавшего собственное государство», замечает, что хотя оно «с сыном его Джикюю пропало, но имя названных по нем ногайцев велось после его еще несколько сот лет, и весьма вероятно, что сей народ распространился от Волги до Яика, а оттуда до Иртыша. Ибо в уезде города Уфы находится также так называемая Ногайская дорога, а у Иртыша есть страна, называемая Ногайская степь. Они во времена уже Россиян, будучи выгнаны калмыками из степей около Иртыша, Тобола и Яика, назад отступили. Некоторые из них находятся в черте города Астрахани; прохожие пристали к кубанским и крымским татарам, с которыми ныне один народ составляют».²

Во второй половине XV века это отуреченное монгольское племя Ногай мангыты, как увидим ниже, кочевало в прилегающих к Сыр-Дарье степях и в его руках находились такие города-крепости, как Дженд, Сыгнак и др.

Русские и сибирские источники II-ой половины XVI века хорошо знали этот б. улус Шейбана под именем Шибанской земли, а потомков Шейбана под именем «Шибанских царевичей»; так, например, в отписке возвращавшегося из казахской орды посла царя Феодора Ианновича, помеченной 3 октября 1595 г., г. Тетюши, мы читаем следующее:

«А шел, государь, я из Казани на Яицкие верхи да на Чергиз де мимо Шибанскую землю Бухарского царя города, а Ногайские, государь, улусы обоих больших ногай да Шти братьов отшел...».³

Известный противник Ермака, сибирский хан Кучум, в грамоте сибирского вассала Иоанна Грозного, князя Едигера, именуется «Шибанским царевичем».⁴

Узбеки, как народ в целом, не был однообразен по своему составу, как бы не пытались объяснить название этого народа, от имени ли золотоордынского хана Узбека (712/1313-741/1340) или как самодовлеющее название народа, взятое само по себе. Интересным обстоятельством, во всяком случае, является то, что ни арабские авторы, современные Узбекхану и последующие до XV столетия, ни ближайšie по времени к ним персидские источники ни разу не упоминают об узбеках в составе племен Золотой Орды, хотя сношения Узбек-хана с современным ему мамлюкским султаном Египта, ал-Малик-ан-Насыром Мухаммедом (709/1309-741/1341), были весьма оживлёнными. Узбек-хан по вступлении своем на престол (в рамазане-январе 711/1313 г.) со всем одушевлением новообращённого мусульманина и с пылом молодости, повидимому, очень крутыми мерами вводил ислам в своем государстве, истребляя упорных

¹ См. подробности о всем этом в труде Н. И. Веселовского «Хан из темников Золотой Орды», Ногай и его время» (в «Зап. Рос. Акад. Наук» Отд. Ист. наук и фил. т. XIII, № 6 и последний. Петроград, 1922, Отд. оттиск, 58 стр.).

² Фишер И. Е., Сибирская история с самого откр. Сибири до завоевания сей земли Рос. оружием. СПб., 1774, стр. 91, прим. 68.

³ См. «Матер. по истории Узб., Тадж. и Турк. ССР», ч. I, Ленинград, 1938, стр. 294.

⁴ Миллер К. Ф., История Сибири, т. I, Ленинград, 1937, стр. 197 и 209.

эмиров, волшебников и чародеев, составлявших сильную и силовую организацию у его шаманствующих предков. Далёкий Египет тогда был во власти так назыв. мамлюков, буквально «находящихся во владении», иначе «рабов», невольников, как называлась правящая династия египетских султанов, происходивших от купленных тюркских и черкесских рабов, из которых состояла гвардия известного по истории крестоносцев Саладина (564/1169-589/1193). Помимо, так сказать, некоторого племенного родства египетских султанов с многочисленными тюркскими племенами Узбекова государства, Узбек-хан и его мусульманское окружение видели в Египетском султани высшего представителя правоверия, ибо Аббасидский халифат был уничтожен в 656/1258 г. соперником золотоордынских ханов, Хулагу, внуком Чингиз-хана. И потому религиозному рвению золотоордынских неопитов крайне льстило установление тесных отношений с Египтом. Поэтому татары очень охотно и по самым различным поводам сносились с мамлюками. Так, например, на следующий же год своего вступления на престол Узбек-хан прислал в 713/1314 г. посольство к ал-Малик-ан Насыру с поздравлением его с распространением ислама от Китая до крайних пределов западных стран. Узбек-хан попутно извещал султана, что «в его государстве еще осталась шайка людей, неисповедывавших ислама, но что он (Узбек-хан), воцарившись, предоставил им выбрать или вступление в мусульманскую религию, или войну, что они отказались (от принятия ислама) и вступили в бой, что он напал на них, обратил их в бегство и уничтожил их посредством избияния и пленения». С посольством были отправлены султани несколько человек этих пленных.¹ За этим первым посольством Узбек-хана последовал ряд других татарских посольств в Египет и из Египта в Золотую Орду, начиная с вышеназванного посольства 713/1314 г. по 741/1341 г., бывший последним годом правления султани ан-Насыр Мухаммеда (таких посольств из Золотой Орды было десять)². Весьма важным событием в этих сношениях с Египтом было стремление и египетского султани, и Узбек-хана породниться между собою, что и закончилось браком ан-Насыра с племянницей Узбек-хана (в 720/1320 г.).³ Правда, султани очень скоро развелся с нею, а на просьбу Узбека (в 737/1336-7 г.) выдать за него одну из дочерей султани («которую он, Узбек, мог бы славиться и заключить братство и дружбу») ан-Насыр ответил, что дочери его еще малолетние;⁴ тем не менее отношения между обоими мусульманскими странами, самую северную и самую южную, продолжали оста-

¹ См. извлечения из **نهايه الارب في فنون الادب** «Крайность потребности по части отраслей образованности», иначе **منتهى الارب في علم الادب** «Крайний предел необходимости по части науки благовоспитанности», Шихабуддина ан-Нувейри, в «Сборн. матер.», относящихся к ист. «Золотой Орды», В. Тизенгаузена, т. I, стр. 141 араб. текста и 163 рус. перев.

² См. извлечения из берлинской рукописи арабского труда **تاريخ الملك** «История государя ан-Насыра Мухаммед-бен-Калауна и его сыновей», предположительно приписываемого Шамсуддин-аш-Шуджа-ал Мисри в том же «Сборн. матер.», стр. 256-259 ар. текста и стр. 265-268 рус. перев.
³ См. извлечения из труда ан-Насыра в том же «Сборн. матер.», стр. 146-148 араб. текста и стр. 167-170 рус. перев.

⁴ См. извлечения из **كتاب التواريخ السلاطين و الملوك و العساكر** «Книги летописи султанов, царей и войск», анонимного автора, заключающей жизнеописание султани ал-Малик-ан-Насыра Мухаммеда, в том же «Сборн. матер.», стр. 254 ар. текста и стр. 262-263 рус. перев.

ваться весьма тесными и дружественными, что и подчеркивает секретарь султана ан-Насыра, Ибн-Фадлуллах ал-Омари. По его словам «между государями этого царства и между нашими (т. е. египетскими) царями не прекращалась старинная связь, дружба и любовь с первых дней (ал-Малик) аз-Захира Бейбарса до последнего времени».¹ Столь же часты были и египетские посольства в Золотую Орду, причем с татарскими послами выезжали туда мамлюкские, как и с возвращавшимися послами султана отправлялись Узбек-ханом в Египет и татарские послы.

Столь регулярные и частые сношения Золотой Орды с Египтом, естественно, давали наблюдательным арабским историкам того времени богатый материал по быту и этнографическому составу владений Узбек-хана, который они черпали не только от бывавших в Золотой Орде египетских послов, но и от самих татарских послов, с которыми приезжали мусульманские ученые харезмского происхождения, подданные Узбек-хана, встречавшие и в государстве мамлюков своих коллег и соотечественников, подданных египетского государства. Сообщение этих историков вместе с описанием Золотой Орды знаменитого арабского путешественника Ибн-Баттуты (ум. в 779/1377 г.), прожившего относительно долго в царстве Узбек-хана, лично общавшегося с последним и его двором и оставившего нам массу интереснейших сведений бытового и экономического характера о Золотой Орде, — дают нам достаточное представление о главнейших народностях этого татарского царства. Все эти арабские сведения XIV века не говорят ни о каких других золотоордынских народностях, кроме монголов и тюрков, реже о кипчаках. Даже в начале писем к Узбек-хану египетского султана, писем, писанных золотом и чернилами на большом листе багдадской бумаги с богатой заставкой в начале, в титуле Узбек-хан именовался «султаном монголов, кипчаков и тюрков».²

Помимо этого, мы не находим никаких указаний у современных Узбек-хану арабских авторов, чтобы расположенные к нему племена, как к справедливому монарху и просветившему их светом «истинной веры», стали бы называть себя в честь его узбеками. Арабские авторы весьма хвалят Узбек-хана за его личные качества. Наиболее ранний его современник, Аламуддин ал-Бирзали, говорит, что Узбек-хан — «юноша красивой наружности, прекрасного нрава, отличный мусульманин и храбрец. Он умертвил несколько эмиров и вельмож, умертвил большое количество уйгуров, т. е. лам и волшебников, и провозгласил исповедание ислама».³ Другой арабский деписатель почти в тех же выражениях характеризует Узбек-хана, говоря, что «он — красивый молодой человек, отличного характера, прекрасный мусульманин и храбрый, и

¹ См. извлечения из كتاب المسالك الابصار في ممالك الامصار

«Книга путей взоров по государствам разных стран», Ибн-Фадлуллах-ал-Омари (ум. в 749/1348-49 г.) в том же «Сборн. матер.», стр. 228 араб. текста и стр. 250-251 рус. перев.

² См. извлечения из توقيف التعريف بالمصطلح الشريف

Исправление «Определения по части высокой терминологии», Такиуддин-Абдурахмана ал-Мухибби (в эскуриальской рукописи этого труда автором названо другое лицо, Ахмед-бен Мухаммед ал-Мисри ум. в 778/1376-77 г.), секретарь египетского султана Мухаммед-бен Калауна (693/1293-694/1294), в том же «Сборн. матер.», стр. 334 ар. текста и стр. 343 рус. перев.

³ См. извлечения из تاريخ البرزلي «История ал-Бирзалия», Аламуддин ал-Бирзалия (ум. в 739/1339 г.) в упомянутом «Сборн. матер.», стр. 173 араб. текста и стр. 174 рус. перев.

энергичный; он умертвил несколько эмиров и знатных лиц и убил множество бахшей (=лам) и волшебников».¹ Третий арабский историк тоже называет Узбек-хана «храбрым героем, красавцем и мусульманином, уничтожившим множество эмиров и волшебников».² Личный секретарь упомянутого египетского султана ан-Насыр Мухаммеда, родственника по жене Узбек-хана, ал-Омари, говорит, что «Узбек-мусульманин чистейшего правоверия... при всем его расположении к подданным и обращающимся к нему (лицам) рука его не щедра на подарки».³ Ибн-Баттута приводит интересный факт чрезмерного смирения благочестивого Узбек-хана перед высокомерным с ним мусульманским прелатом.⁴

Подобного рода свидетельства арабских авторов, современников Узбек-хана, отлично знавших области Золотой Орды, вследствие весьма оживлённых с ней сношений Египта, естественно, должны бы были упомянуть и об узбеках, как о господствующем, скажем, племени или, если это соответствовало фактическим данным, о том, что именем Узбек-хана стало называться, допустим, ближайшее к его ставке или к Сараю то или иное племя, потому что его заслуги в деле насаждения ислама и действия как государя, в духе идеального мусульманского правителя, были бесспорны. Повидимому, при жизни Узбек-хана ни одно «благородное племя» его улуса не называло себя его именем. Введение им ислама, как мы видели, сопровождалось избиением нескольких упорствующих эмиров и истреблением множества бахшей и волшебников, этих столпов его языческих отцов, так что новая религия, как упомянуто, насаждалась мерами жестокими и насильственными и едва ли такая деятельность государя заслужила признательность народной массы.

То же самое положение мы находим и у других арабских авторов, писавших уже после Узбек-хана в течение столетия (со второй половины XIV в. по первую половину XV столетия); так, арабский историк Ибн-Дукмак (ум. в 790/1388 г.) и знаменитый Ибн-Хальдун (ум. в 808/1406 г.) называют Узбек-хана и вообще золотоордынских ханов «татарскими царями» (ملوك الططر—ملك التتر) и совсем не упоминают об узбеках;⁵ ал-Кашканди (ум. в 821/1418 г.) называет известного хана Тохтамыша

¹ См. извлечения из النهج السيد و الدرالفريد في ما بعد تاريخ ابن عميد «Прямой путь и единственная жемчужина в том, что случилось после летописи Ибн-Амида», ал-Муфаддала, в том же «Сборн. матер.», стр. 186 араб. текста и стр. 197 рус. перев.

² См. извлечения из تاريخ الاسلام «История Ислама», Шамсуддин-Абдуллах аз-Захабия (ум. в 748/1348-49 г.), в том же «Сборн. мат.», стр. 20 араб. текста и стр. 206 рус. перев.

³ См. извлечение из مسالك الابصار في ممالك الامصار в том же «Сборн. матер.», стр. 209, араб. текста и стр. 230 рус. перев.

⁴ См. извлечения из تحفه النظاري غرائب الامصار و عجائب الاسفار «Подарок наблюдающим в отношении диковин стран и чудес путешествия», Абу-Абдуллах-Мухаммеда Ибн-Баттуты в вышеназванном «Сборн. матер.», стр. 307.

⁵ См. извлечения из труда Ибн-Дукмака نزهه الانام في تاريخ الاسلام «История Ибн-Дукмака» в вышеназван. «Сборн. матер.», т. I, стр. 322 араб. текста и 329 рус. перев. и извлечение из труда Ибн-Хальдуна كتاب العبر و ديوان المبتدا و الخبر «Книга назидательных примеров и собрание подлежащего и сказуемого по части истории арабов, персов и берберов», там же, стр. 366 араб. текста и 377 рус. перев.

«Государем Узбековых стран» (صاحب بلاد اوزبك)¹, ал-Макризи (ум. в 845/1441-42 г.) именует золотоордынцев татарами, а Узбек-хана — «царем татарским».²

Историк Ибн-Шохб ал-Асади (ум. в 850/1446-47 или в 851/1447-48 г.), говоря об Узбек-хане и повторяя о нем и об обширности его земель данные своих предшественников, называет его «обладателем земель тюркских».³

Из персидских историков наиболее ранний современник Узбек-хана, Хамдуллах Казвинский, автор известной *تاریخ گزیده* «Избранной истории», составленной им в 730/1330 г., называет золотоордынских ханов (в том числе и Узбек-хана) «царями тюркскими и монгольскими». В продолжении же этого труда, составленном самим Хамдуллахом и находящимся в ркп. Ленинградского государственного университета за инв. № 153, автор, говоря о походе Узбек-хана в 736/1335 г. через Кавказ на Иран, против своего соперника монгольского ильхана Абу-Са'ида (716/1316-736/1335), в самый год его смерти, называет владения Узбек-хана «Узбековым государством» (املکت اوزبکی), а участников похода, воинов Узбек-хана, называет «относящимися к Узбеку», «узбековцами» (اوزبکیان)⁴, т. е. так, как спустя лет полтора после Хамдуллаха Казвинского Шейбани-хана и окружавших его лиц, как увидим ниже, называли по-персидски «шейбанианами», т. е. «шейбановцами», относящихся к Шейбану, сыну Джучи, и его потомкам. Так что термин узбекиан, употреблённый Хамдуллахом Казвини, ни в какой мере не решает вопроса, из кого же именно состояла следовавшая за Узбек-ханом его армия.

Таким образом, современные Узбек-хану и более поздние, но близкие к его времени, восточные источники, арабские и персидские, ничего не говорят о том, что народы его улуса стали называться в честь его общим именем узбеков, как не говорят об этом, насколько мне известно, и русские летописи.

Несомненно лишь одно, что при Узбек-хане происходил бурный процесс отуречения живших в его улусе монголов. Вышеупомянувшийся ал-Омари говорит об этом совершенно определенно: «В древности это государство (т. е. Узбек-хана) было страной кипчаков, но когда овладели ею татары, то кипчаки стали их подданными; затем (когда с течением времени) татары смешались с ними и породнились, то земля одержала верх над всеми природными качествами и расовыми особенностями татар и все они стали совершенно, как кипчаки, как будто они одного с ним рода, ибо монголы поселились в земле кипчаков, вступили в браки с их женщи-

¹ См. извлечения из его *صبح الاعشى فى كتابه الانشا* «Рассвет слеповатого по части писания посланий» в том же «Сбор. мат.» т. I, стр. 402 араб. текста и 414 рус. перев.

² См. извлечения из его *کتاب السلوک لمعرفة دول الملوک* «Книга путей для познания царских династий» в том же «Сборн. матер.», т. I, стр. 418 и сл. ар. тексты и стр. 428 и сл. рус. перев. и стр. 427 араб. текста и 441 рус. перев.

³ См. извлечение из его труда *اعلام بتاريخ اهل الاسلام* «Извещение по истории людей ислама» в вышеупомянутом «Сборн. матер.», т. I, стр. 344 араб. текста и стр. 447 рус. перев.

⁴ См. извлечения из «Тарих-и-Гузиде» и из продолжения «Тарих-и-Гузиде», составленного Хамдаллахом Казвини, в том же «Сборн. матер.», т. II, М.—Л., 1941, стр. 219 и 221-222 перс. текста и стр. 91 и 93 рус. перев.

нами и остались жить у них и в их земле. Таким образом, долгое пребывание во всякой стране и земле заставляет человеческую природу уподобляться ей и изменять свои прирождённые черты согласно природе этой страны, как мы выше сказали. Лишь иногда замечается большая или меньшая разница в цвете (кожи) по другой (впрочем) причине, чем влияние страны.¹ Этого же рода соображения высказал в XVIII в. Фишер. Говоря о татарах, «как о многочисленном народе между всеми турецкими поколениями», он отмечает, «что по времени имя татар смешалось с Монголами и верх одержало, то может быть произошло от того, что Татара, по приведении Чингиз-ханом всех их поколений под одну власть, в войсках его и наследников его, служили в гораздо большем числе, нежели самые Монголы. Сие можно заключить из того, что во всех тех завоеванных землях, которые прежде имели собственный свой язык, и не знали Монгольского, ни Татарского, взошел в употребление только Татарский язык с исключением Монгольского, что не могло бы учиниться, когда б Татара гораздо числом не превосходили Монголов. Таким образом, для несравненно большого числа Татар пропало Монгольское имя в западных землях».² Крупнейший монголист, советский ученый, акад. В. Я. Владимирцов, также подчёркивает, что «ушедшие на запад монголы довольно скоро подверглись отуречению, вообще растворились в окружающей этнографической среде более или менее им близкой». И лишь для Средней Азии он делает некоторую оговорку, что здесь «процесс усвоения монголами «мусульманской» культуры... протекал медленнее, чем в Персии, так как в Средней Азии монголы оказались, отчасти, посреди этнически близких им тюркских кочевников».³

Сведения о том, что народ удела Узбек-хана стал называться узбековым народом или узбеками, появляются у немногих авторов Ирана и Средней Азии, писавших лет через 100-300 после эпохи Узбек-хана, когда образ этого насадителя ислама в Золотой Орде был уже овеян некоторой легендой. Так, например, анонимный автор таджикского сочинения «Генеалогическое древо тюрков» *شجره الاتراك*, составленного, во всяком случае, не ранее середины XV в., весьма неопределенно говоря об этническом составе владений Узбек-хана, безоговорочно указывает причины, в силу которых племена владений этого золотоордынского хана стали называться в честь его узбеками. Позволю себе дать здесь свой дословный перевод этого места по тексту, взятому из единственной рукописи *شجره الاتراك* названного труда, имеющейся в Британском музее, и не столь давно опубликованному у нас в СССР.⁴

«Узбек-хан по восшествии на престол в течение восьми лет проводил свою жизнь в северной части (ارفا) Дешт-и-Кипчака вместе со своим племенем и народом, потому что ему нравился климат этой страны и обилие охоты. Когда с начала его правления прошло восемь лет, то по духовному руководительству шейха шейхов и мусульман, полюса веры, святейшего Зенги-ата, — да озарит Аллах его могилу! — и господина убежища сейдского достоинства, отмеченного высокими титулами, во-

¹ См. извлечения из вышеупомянутого труда ал-Омари «Китаб ал-Масалик уа-л абсар» в том же «Сборн. матер.», т. I, стр. 213-214 араб. текста и стр. 235 рус. перевода.

² Фишер, Сибирская история, стр. 89-90.

³ Владимирцов В. Я., Обществен. строй монголов. Ленинград, 1934, стр. 125.

⁴ «Сборн. матер.», относящ. к истор. «Зол. Орды», т. II, М—Л., 1941, стр. 262-268 тадж. текста и 202-209 рус. перев.

лителя заблуждающихся, по воле господа миров духовного наставника шествующих мистическим путем и проводника ищущих (высшую истину), святейшего Сеййид-ата, — да осветит Аллах его гробницу! — заместителя Зенги-ата, — да будет над ними обоими милость Аллаха! — в месяцы 710 г. хиджры (1310-1311 гг. н. э.), соответствующего тюркскому году Курицы, Узбек-хан удостоился чести принять ислам. Святейший Сеййид-ата, — да будут над ним милость и благоволения Аллаха! — вместо имени Узбек-хана, которым его наименовали отец и мать,¹ назвал его Султан-Мухаммед-Узбек-хан. И оттого, что народ его племени и удела (ایل و الوس), бывший в той стране, в большей своей части сподобился счастья принять ислам, о чем подробно описано и упомянуто в (книге) مقامات حضرت سيدآتا («Духовные подвиги святейшего Сеййид-ата»), и так как Султан-Мухаммед-Узбек-хан вместе со своим племенем и уделом достиг божественного счастья и милости, то по не подлежащему сомнению указанию из потустороннего мира святейший Сеййид-ата всех их привел в страны Мавераннахра. Оттого же, что несчастные, отвернувшие головы от расположения к святейшему Сеййид-ата, — да почуют над ним мир и благоволение! — остались на своих местах (букв. там), они стали называться калмак, что значит (по-тюркски) подлежащий оставлению (на-месте). Вследствие того, что народ, который в сопутствии святейшего Сеййид-ата, — да будет ему милость и благоволение! — и Султан-Мухаммед-Узбек-хана, выступив в путь, приходил (куда-либо), то каждый, которого спрашивали: «кто эти пришельцы?» принимал имя своего военачальника и государя, которым был Узбек. По этой причине пришедший (в Мавераннахр) народ стал называться узбеками, а оставшиеся на своих местах калмаками (т. е. калмыками). Когда (узбеки) достигли районов Туркестана, то по прошествии известного времени, жившие в тех местах народности тюркского происхождения, ввиду их коренной близости (к узбекам) вошли в улус узбеков. Признаком же народа, пришедшего с севера вместе с Узбек-ханом и в сопровождении святейшего Сеййид-ата, — да почует над ним милость и благоволение Аллаха! — служит то, что он (весь) — муриды Сеййид-ата, да будет над ним милость Аллаха! А тот народ, который не является таковым, то только по той причине, что пришел (сюда) прежде (узбеков) или присоединился к ним впоследствии. Что касается Султан-Мухаммед-Узбек-хана, то время правления его до принятия ислама 30 лет. Смерть его последовала в месяцы 750 г. (22 мар. 1349 г. — 10 мар. 1350 г. н. э.), соответствующего году Барса, — милость Аллаха да почует над ним!».

Однако, несмотря на всю стройность изложения этой истории, вся она совершенно легендарна и полна анахронизмов. Зенги-ата, весьма известный в Средней Азии патрон пастухов, мазар которого подле Ташкента до недавнего времени весьма почитался,² умер в 656/1258 г., т. е.

¹ Курьезно, что явное искажение текста этого места не заметили ни издатели, ни переводчик (С. Г. Волин); они напечатали **مسیر آب ورمش اوزبک خان** и пояснили, что это «непонятные слова» (стр. 206, прим. 2), и тут же добавили, что у Майльса (Miles), переводчика, в сокращённом виде этого труда «Генеалогическое древо тюрков» — (The Shajarat al-Atrak..., London, 1838): given him by his parents. Несомненно, что это «непонятное» место должно читаться как **مسمى ازاب و امش اوزبک خان** (Названный от своего отца и матери Узбек-ханом), как, надо полагать, читал его и Майльс.

² См. Шишкин В. А., Мазары в Зенги-Ата (в сб. «В. В. Бартольд». Ташкент. 1927, стр. 165-170).

слишком за 50 лет до принятия Узбек-ханом и его народом ислама. Ученик и преемник Зенги-ата действительно был Сеййид-ата (собственное имя его было Сеййид-Ахмед). Алишер Навои говорит о нем, что он был из числа родственников известного Ходжи Ахмеда Есеви (ум. в 562/1166-7 г.) «и в тюркских улусах его называл Сеййид-ата» **ترك الوسى لاریده سيد آتا ديرلار** что «он пользовался громкой известностью и оставил молитвенные воззвания» (**دعوى آميز سوزلارى**) повидимому, зикрального характера.¹ Позднейший бухарский источник сообщает, что по указаниям Сеййид-Ата, его сын, Сеййид-Омар, и его халифа, или заместитель, Исхак-ата, принимали деятельное участие в войнах с неверными булгарами (т. е., повидимому, с приволжскими языческими тюркскими племенами) и возвращались отягчённые добычей, что сам Сеййид-Ата, переселившись в Хорезм, тоже в течение семи лет вел священную войну «с неверными востока», умер и погребён в Арале близ р. Аму-Дарьи, в ее низовьях, в 691/1291-2 г.,² т. е. за двадцать лет до вступления на престол Узбек-хана, каковое событие по вышеупомянутым арабским источникам того времени имело место в рамазане 712 года Х., т. е. в январе 1313 г., ту же дату 1313 г. дают и русские летописи.³ Относительно же принятия Узбек-ханом ислама автор сообщает две даты, находящиеся в непримиримом между собою противоречии: в начале он говорит, что Узбек-хан принял ислам в 710/1310-11 г., т. е. года за три до вступления на престол, а в конце утверждает, что Узбек-хан до принятия ислама правил тридцать лет, иначе говоря, принятие им мусульманства произошло, примерно, около 1343 г. Судя по известиям арабских историков, Узбек-хан стал мусульманином еще в очень юные годы, до вступления на престол, и его расправа над «инакомыслящими» своими соплеменниками сейчас же по вступлении его, почти мальчиком, на престол была произведена, по всей вероятности, по совету его мусульманского окружения, духовенства и сановников. Характеристика Узбек-хана этой ранней поры его жизни, имеющаяся у единственного русского историка Карамзина, совершенно справедлива. «Хан Тохта умер, — пишет Н. М. Карамзин, — сын его, юный Узбек, воцарился славный в летописи Востока правосудием и ревностью к вере Магометовой, восстановленной им во всех монгольских владениях; ибо Тохта был, кажется, язычником и не следовал учению Алкорана».⁴

Не соответствует действительности и дата смерти Узбек-хана «в месяцы 750/1349-50 г.», потому что он умер в 741/1340-41 г. или по русским

¹ Алишер Навои **نسایم المحبه من شمایم الفتوه** «Зефиры любви (доносящиеся) от ароматов благородства». Ркп. Инст. восток. АН УзССР, за инв. № 1415, л. 221 -а; см. также Али бен-Хусейн ал-Ваиз-ал Кашефи **رشحات عين الحيات** Лукнов, 1323/1905, стр. 12-13.

² Насируддин ал-Ханафи ал-Хусейни **تحفه الزائرین** Бухара, 1328, стр. 74-77.

³ Софийский Временник, Изд. II, Строева, ч. I, М., 1820, стр. 295. В соответствии со всем этим должна быть исправлена ошибка двух главнейших европейских указателей по мусульманским династиям Лен-Пуля («Мусульм. династии» стр. 19) и Zambaur E. de (Man. de Généalogie et de Chron. pour l'Histoire de l'Islam, Napovre, 1927, p. 244), приводящих дату вступления на престол Узбек-хана в 712/1312 г. (вм. 712/1313 г.).

⁴ Карамзин Н. М., Ист. Гос. Рос. т. IV, стр. 108, прим. 216.

летописям определенно в зиму 1341 г. («То еже зимы умре поганый Царь Озбек»)¹. В равной степени отпадает и последнее утверждение нашего автора, что Узбек-хан со своим народом был приведен Сеййид-ата в Мавераннахр в силу не только вышесказанных анахронистических данных, но и потому, что золотоордынский хан Узбек в Мавераннахре никогда не бывал, и калмыки — не соплеменники с его народом. Таким образом, это сказание представляет сплошное баснословие, не подтверждаемое ни одним историческим фактом, единственным, может быть, вероятным в нем зерном истины является то, что ислам в Золотой Орде Узбек-хана был насаждён мусульманскими миссионерами Хорезма.

Хорезмийцы в ту эпоху, повидимому, играли большую роль не только в Золотой Орде, но и в Египте мамлюков, будучи связаны между собой не только религией, но и единством своего племенного происхождения и общностью своих интеллектуальных (а может быть и политических) интересов. Так, в числе сановников египетского султана ан-Насыр-Мухаммеда, вышеупоминавшегося современника Узбек-хана, упоминается эмир Алауддин ал-Хорезми и Сайфуддин «токсаба» ат-Тахери (от хорезмийского города ат-Тахерия), ездившие послами в Золотую Орду. От Узбек-хана приезжал в Сирию (в Дамаск) и в Египет (в Каир) старший врач больницы в Хорезме, Алауддин-Нуман ал-Хорезми (родившийся в 657/1259 г.)². Ибн-Баттута упоминает жившего в столице Узбек-хана «правоведа и ученого имама Нумануддин ал-Хорезми», бывшего «одним из отличнейших шейхов прекрасного нрава, благородной души, чрезвычайно скромного и чрезвычайно строгого к обладателям мирских благ. Султан Узбек каждую пятницу приходит навещать его, но он не выходит к нему навстречу и не встает перед ним. Султан садится перед ним, говорит с ним самым ласковым образом и смиряется перед ним, шейх же (поступает) противоположно этому. Обхождение его с факирами, нищими и странниками было иное, чем обхождение его с султаном: он относился к ним снисходительно, говорил с ними ласково и оказывал им почёт».³

Другой источник *زبدہ التواریخ* (Сливки летописей) или иначе *مجمع التواریخ* (Собрание летописей), в просторечии же просто *تاریخ حیدری* (Хайдарова история), также говорящий об Узбек-хане, был составлен в Индии в течение 1020/1611-12 — 1026/1627 гг. Хайдар-бен-Али Хусейн-и-Разием на таджикском языке и сохранился в единственном списке Берлинской государственной библиотеки. Он представляет собой историческую компиляцию в двух больших томах. Главными источниками автору этого труда служили такие известные труды, как *جامع التواریخ* (Собрание летописей), Рашид-дина, *تاریخ حافظ آبرو* (История, Хафиз-и Аbru), *روضۃ الصفا* (Сад чистоты), Мирхонда, *حبيب السیر* (Друг биографии), Хондемира и *تاریخ الفی* (История,

¹ Софийск. Временник, ч. I, стр. 325. Повидимому, соответствующее исправление надо внести и в вышеназванные труды Лен-Пуля (стр. 191) и Zambaur'a (p. 224).

² См. у араб. авторов ан-Нувейри и ал-Бирзали в вышеупомянутом «Сборн. матер.», т. I, стр. 145 и 173-174 араб. текста и стр. 167 и 175 рус. перев. О городе ат-Тахерия см. у ал-Омари в том же «Сборн. матер.», т. I, стр. 221 араб. текста и 243 рус. перев.

³ См. извлечение из вышеназванного труда Ибн-Баттуты в том же I т., «Сборн. матер.», стр. 307.

оканчивающаяся тысячным [а л ф] годом), обширная компиляция по всеобщей истории, составленная в XVI в. в Индии. Труд Хайдара цитировался некоторыми европейскими учеными (вроде Wilken'a в его *Historia Garnevidarum*, Quatremère'a в его *Histoire des Mongols*, preface, 83).¹ Автор, говоря об Узбек-хане, между прочим, указывает, что он «до конца дней Абу-Са'ида был государем всего улуса Джучи-хана. В 728/1327-28 г. у него не осталось соперников. Улус Джучиев после него стал называться улусом Узбека».² Упомянув Абу-Са'ида, автор, несомненно, имел в виду персидского ильхана Абу-Са'ида (716/1316-736/1335), бывшего современником и соперником золотоордынского Узбек-хана; улус же Джучиев весь в целом и после смерти Узбека продолжал называться Джучиевым улусом, во всяком случае, насколько нам известно, никто из персидских историков не называет его Узбековым улусом, по крайней мере, области на восток и северо-восток от низовьев Сыр-Дарьи, составлявшие исконное владение дома Шейбана, сына Джучи, всегда называются у всех историков только Джучиевым улусом.

Еще с большей догматичностью по этому поводу говорит известный хивинский хан-историк Абулгази (1053/1643-1074/1663) в своем «Родословном древе тюрков и монголов» (*کتاب شجره ترک و مغول*) «По смерти Токтогу-хана ханом стал Узбек-хан в возрасте тринадцати лет и управлял сообразно уставам своих отцов. Оказывая каждому благоволение, соответствующее его достоинству, он награждал его. Народ своего удела он ввел в религию ислама, весь народ при посредстве этого счастливого государя удостоился принять священный ислам. После того весь Джучиев народ назвали Узбековым народом и до дня страшного суда так его и будут называть».³

Это известие о происхождении названия узбеков по имени Узбек-хана повторяет и наш историк Карамзин: «Абулгази пишет, что многие Татары, в знак особенной любви к сему Царю, назвались его именем или узбеками, донныне известными в Хиве и в землях окрестных».⁴ Весьма обстоятельный Соловьев ничего не говорит в этом роде и упоминает об узбеках, когда пишет о Хиве и о ее сношениях с Россией, начиная с XVI в.; иначе говоря, он имеет в виду узбеков, как поздних поселенцев Хивинского ханства, без всякого отношения их к Золотой Орде и к Узбек-хану.⁵ Но при всем этом эти русские историки нигде не ссылаются на свидетельство русских летописей, что в Золотой Орде населявшие ее народы тюрко-татарского происхождения после Узбек-хана

¹ См. Rieu Ch. Cat. of the Persian mss. in the Brit. Mus., vol. III, London, 1883, pp. 887-888.

² См. извлечение из *تاریخ حیدری* в вышеупомянутом «Сбор. матер.», т. II, стр. 272 тадж. текста по рукописям 213 рус. перев.

³ *شجره ترک* Aboul-Ghazi Behadour Khan. *Histoire des Mogols et des Tartares*, publ., trad. et annoté par le bar. Desmaisons, T. I Texte. SPb., 1871, pp. 174-175. Также «Родосл. древо тюрков. Соч. Абуль-Гази, хив. хана., Перев. и пред. Г. С. Саблукова» с послесл. и прим. Н. Ф. Катанова. Каз., 1906, стр. 154. В этом переводе почему-то сказано, что Узбек-хан стал ханом в возрасте тридцати лет, тогда как в тексте Абулгази (по изд. Desmaisons) — «в возрасте тринадцати лет».

⁴ Карамзин Н. М., *Ист. Гос. Рос. т. IV*, стр. 108, прим. 216.

⁵ Соловьев С. М., *Истор. России с древн. времен. Изд. Тов. Общ. Польза. СПб., (без даты). Книга II, стр. 100; кн. IV, стр. 1, 46-651 и 1543; кн. V, стр. 628-629.*

стали называться узбеками. Можно думать, что для русских летописей такой факт не существовал, иначе едва ли бы они не упомянули об узбеках, как о народе, населявшем столь хорошо им известную Золотую Орду.

Тем не менее термин *узбеки*, как обозначение народа в широком смысле слова, все же встречался у восточных авторов за несколько десятилетий до того, как узбеки Шейбани-хана начали своё движение на юг, к аму-дарьинским оазисам. Но кого же понимали эти авторы под узбеками, какой народ был известен им, как *узбеки* в собственном смысле? Прежде всего следует отметить, что такими авторами были таджикские историки Средней Азии того времени, когда она была центром почти что мировой политической истории, главнейшим образом, в эпоху Тимура. И если мы у его историка Ибн-Араб-шаха не встречаем никаких данных, свидетельствующих о том, что золотоордынские народности назывались узбеками, ибо Тохтамыш он называет «Султаном Дештским и Татарским», а Дешт-и-Кипчак — «областью исключительно татарской», племя кунград, из которого происходил враг Тохтамыша в его улусе, эмир Идику (Едигей), Ибн-Араб-шах относит к тюркским племенам,¹ — то едва ли не впервые упоминающим узбеков автором является составитель, так сказать, официальной истории Тимура, написанной в 1425 г., Шерефуддин Ездский. Сообщая подробности похода Тимура против Тохтамыша с Кавказа в направлении Золотой Орды весною 373/1395 г., когда разбитый Тимуром Тохтамыш бежал к Волге, Шерефуддин пишет следующее:

«Счастливей монарх, покоритель мира, полученный в этой августейшей победе скот и разного рода добычу, которые и счесть было невозможно, оставил при своей главной ставке (*у г р у к*), где оставил также и царевича Мираншаха, который перед этим в сражении упал с лошади и сломал обе свои благословенные руки. Эмира Ядгар-барласа и эмира Хаджи Сейфуддина задержал при нем (Мираншахе). (Сам же Тимур), взявши войско и отдав приказ выступить налегке в поход, пустился преследовать Тохтамыш-хана. Он гнался за ним с наивозможной быстротой день и ночь. Когда (Тимур) достиг до переправы через Атиль (Волгу), каковую переправу называют Туратур, он присоединил к сыну Урус-хана, Куйричак-оглану, бывшему из тех, что находились при счастливом монархе (*м у л а з и м*), отряд бахадуров-узбеков,² которые входили в ряды августейших *м у л а з и м о в*. Приготовив царские инсингии, (Тимур) удостоил (Куйричак-оглана) пожалованием шитого золотом халата и золотого пояса и переправил его через Атиль, препору-

¹ См. извлечение из *عجائب المقدور في نواب تيمور* «Чудеса predetermined в судьбах Тимура», Ибн-Араб-шаха (ум. в 854/1450 г.) в вышеназванном «Сборн. матер.», т. I, стр. 456-457-458 и 459.

² Русский перевод слова *бахадур* — храбрец, удалец (как это сделано в вышеназванном «Сборн. матер.», т. II, стр. 300) ни в какой мере сюда не подходит, ибо бахадур составляли в войсках Тимура наиболее привилегированную часть и их значение скорее можно было охарактеризовать понятием собственного конвоя Тимура, а может быть и более того. О значении слова *бахадур* у монголов эпохи Чингиза см. у Владимирцова В. Я. *Общ. стр. монголов*, стр. 74-75. Высокое звание *бахадур* носили внуки и сыновья Тимура, полагая это слово после своего имени, то же мы видим и у бухарских эмиров династии мангыт и у хивинских ханов, где слово *бахадур* ставилось после их собственного имени. В позднейшей Бухаре мангытов «бахадуром» назывался также первый чин, в восходящем порядке, в служебной иерархии ханства.)

чив ханствование в Джучиевом улусе.¹ Смысл слов историка Тимура в отношении бахадуров-узбеков вполне ясен. Эти аристократы-дружинники были из соплеменников Куйричак-оглана, отец которого, Урус-хан (762/1361-777/1395), был одним из могущественных ханов Белой Орды в Восточном Кипчаке, которая была уделом старшего сына Чингиза Джучи. Старший сын Джучи, Орда, наследовал удел отца и пользовался особым почётом, как наследственный глава рода, хотя его брат Батый был самым могущественным из сыновей Джучи, имел своим уделом так назыв. Западный Кипчак или Синюю Орду (Кёк-Орда), Белый же цвет считался у монголов выше синего и потому Синяя Орда, она же Золотая Орда (Сыр-Орда), считалась в номинальной зависимости от Белой Орды. Урус-хан, замечательный своими личными качествами неоднократно разбивал войска Тимура,² и после его смерти наступившие в Восточном Кипчаке настроения, вызванные поведением Тохтамыша заставили вышеназванного сына Урус-хана, Куйричак-оглана, искать приюта у врага отца, Тимура, который после жестокого поражения Тохтамыша, как мы видели, сделал Куйричак-оглана государем всего Кипчака и, вместе с тем, своим вассалом, предварительно дав ему отряд бахадуров-узбеков, бывших в составе его, так сказать, испытанного гвардейского корпуса... Что же это были за узбеки? Несомненно, не из золотоордынцев, сражавшихся на стороне Тохтамышхана и территориально далеко отстоявших от владений Тимура. Из истории Тимура, написанной предшественником Шерефуддина Езди, Низамуддином Шами, при жизни Тимура и забраккованной последним, мы узнаем, что в Мавераннахре владения Урус-хана (иначе — Восточный Кипчак) в эпоху Тимура в XIV в. называли областью узбеков, Урус-хан именовался узбекским ханом.³ Последующие исторические сочинения XV в., вроде трудов Абдурраззака Самаркандского (ум. в 887/1482 г.) Мирхонда (ум. в 903/1498), Хондемира (ум. в 942/1535 г.) и др., уже совершенно определено, как видимо нечто очень прочно сложившееся в представлении народа, называли узбеками все те тюркско-монгольские племена, которые кочевали к северу от Сыр-Дарьи или к северу, к северо-западу и северо-востоку от владений тимуридов на необозримых степных пространствах, составлявших территорию Джучиева улуса. С ними представители правящего класса Джагатаева улуса, тимуриды, то были во враждебных отношениях, то втягивали узбеков в свои династические распри, то вступали с ними в родственные отношения. Едва ли не последней кульминационной точкой таких близких отношений джагатаев с узбеками было появление в ставке Абулхайр-хана последнего тимурида Султан Хусейн-мирзы, незадолго до овладения им престолом Герата когда он надеялся получить в этом предприятии помощь узбеков. Историк того времени оставил нам любопытное известие о приёме узбеками этого тимурида, тогда просто странствующего рыцаря, и о длительных

¹ См. ظفر نامہ Шерефуддина Езди (ум. в 858/1454 г.). Принадлеж.

мне рукопись, повидимому, XVI в., л. 151-а.

² Лен-Пуль С., Мусульман, династии; стр. 188.

³ Текст истории Тимура Низамуддина Шами (называемой, как и труд Шерефуддина Езди, «Зафар-намэ» — Книга побед) вышел в 1937 г. в Праге, изданный F. Tauer'ом под названием *Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafar-namé par Nizamuddin Shami avec des additions empruntées au Zubdatu-t-Tavarih-Baisunguri de Hafiz-i Abru, T. I. Texte persan du Zafarnama* (все, что вышло). Извлечение из этого издания в русском переводе в вышеупомянутом «Сборн. матер.» т. II, стр. 105-125.

переговорах с узбеками Султан-Хусейна, не желавшего подчиниться унижительной церемонии, с точки зрения джагатаев, исполнения чисто узбекского обычая табуг, когда представлялись их ханам чужеземные послы и владетельные особы, и о последовавшей потом грандиозной попойке в ставке главы узбеков.¹

Если при распределении Джучиева улуса между его сыновьями Восточный Кипчак, как выше упомянуто, включал низовья Сыр-Дарьи и горы Улуг-таг и Кучук-таг, прилегая на западе к Золотой Орде, на востоке к улусу Джагатая, на юге к Кызыл-Кумам и Александровскому хребту, а на севере к кочевьям племен Шейбана (брата Батыя), лежавшим между рр. Уралом и Чу,² то в эпоху тимуридов строгого разграничения Западного Кипчака от удела Шейбана, повидимому, не было и термин узбеки прилагался одинаково к тем и другим кочевникам.

Но все же, кто такие были узбеки в XV в. и в начале XVI столетия, которые во главе с Шейбани-ханом покорили владения тимуридов и прочно осели в оазисах Средней Азии? Что они собою представляли в этническом отношении и как рассматривали сами себя в этом отношении соратники Шейбани-хана и сам Шейбани? Потому что, казалось бы, кому как не им знать, кто именно назывался у них узбеками. В значительной мере мы находим ответы на эти вопросы в тех немногих исторических памятниках, которые были написаны при Шейбани-хане и его ближайших преемниках и вышли из кругов этих ханов, сохранились в очень редких рукописях и до сих пор не привлекали надлежащего внимания ученых. Среди них наиболее примечательна «Книга о бухарском госте» *مهمان نامه بخارا* составленная Рузбеханом Исфаганским (Фазлулла ал-Амин бен-Рузбехан ал-Хунджир-аш-Ширази ал-Исфагани, известный под именем «Ходжа Мулла Исфагани»). Автор был перс-суннит шафьитской школы и после объявления в Иране шиизма господствующей религией при шахе Исмаиле I, сефевиде, повидимому, должен был покинуть родину и окончательно переселиться в суннитские владения Шейбани-хана, только что покоровшего земли тимуридов. Он стал близким человеком к вождю узбеков и непременным членом всех ученых собраний, устраиваемых этим образованнейшим человеком своего времени. Сам Рузбехан, как ученый теолог и законовед, автор ряда персидских и арабских трудов,³ сопровождал Шейбани-хана в его весьма тяжелом зимнем походе в марте 984/1509 г. против казахов, делил с ним все невзгоды этого похода, подробно описал всё предшествовавшее последнему и причины вызвавшие его; текстуально записал слова Шейбани-хана, подробно отметил всё им виденное, до бытовых подробностей включительно. Получились чрезвычайно любопытные записки современника и близкого к Шейбани-хану человека, которые, к крайнему сожалению, до сих пор не были известны в науке и потому не оценены по достоинству. Единственным экземпляром этого труда до сего времени считалась Константинопольская рукопись,⁴ другой экземпляр, судя по

¹ См. *حبيب السیر* (Друг биографий), Хондемира. том. III, часть 3, Тегеран, 1271, стр. 247.

² Лен-Пуль С., вышеуказ. труд, стр. 188 и 198.

³ Их перечень см. у Storey C. A., *Persian Literature. A Bio-Bibliogr. Survcy.* Sect. II, fasc. 2, London, 1936, pp. 300-301.

⁴ Storey, Названный труд, p. 301.

палеографическим признакам, по вставкам на полях, по зачеркнутым фразам и вместо них написанному другому тексту, несомненно, автограф автора, оказался в Инст. востоков. АН УзССР (инв. № 1414).¹ Из этой рукописи, между прочим, усматривается, что (л. 22а) Рузбехан составил специальную «Книгу родословия его величества, наместника всемирнолюбивого, Шейбани-хана» (کتابِ نسبِ نامۀ حضرت خلیفہ الرحمن), которая до нас не дошла или пока не отыскана. Второй труд — «Книга о Шейбани-хане» (شیبانی نامہ) повидимому, Муллы Бенаи, впервые открытый в библиотеке хивинского хана — русским ученым и им подробно описанный.² Эта уникальная рукопись, ныне находящаяся в Инст. востоков. АН УзССР (за инв. № 844), любопытна в том отношении, что она переписана двумя лицами: самим Шейбани-ханом и его личным секретарем Мирзой Мумин-«мунши», и, как мною установлено, представляет сокращённую версию более обширного и более витиевато написанного труда того же поэта и прозаика эпохи последнего тимурида, Бенаи, который при нашествии узбеков перешел к Шейбани-хану и стал его придворным поэтом. Эта последняя редакция истории Шейбани-хана имеется в единственном дефектном (нет начала и конца) списке Инст. востоков. АН УзССР (за инв. № 14/1) и называется «Ханские победы» (فتوحاتِ خانى).³ Третий труд — «Абулхайр-ханская история» (تاریخ ابو الخیر خانى), всеобщая история, составленная Мас'уд-бен-Осман-и-Кухистанием по распоряжению шейбанида Абдуллатиф-хана (947/1540-959/1551); в последней части этого сочинения заключаются малоизвестные в науке, но очень важные, сведения по истории узбеков эпохи Абулхайр-хана (ум. в 874/1469-70 г.). Труд этот существует в редких списках, насколько мне известно, лишь в Британском Музее в Лондоне⁴ и в Инст. востоков. АН УзССР и, кажется, обычно незаконченных. Я пользовался списком из собрания В. Л. Вяткина, находящимся в названном Институте за инв. № 5392.⁵

В свете этих рукописных источников состав узбекского народа, осевшего с владениями тимуридов в эпоху Шейбани-хана, и границы расселения его представляются в следующем виде.

«Три народа, — пишет Рузбехан, — относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владениях (у л у с) Чингиз-хана. На сегодняшний день (один из них) — все (племена), относящиеся к Шейбану (шейбанион), и его величество через целый ряд предков был и есть их прирожденный хан, второй народ — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третий народ — мангыты, кои суть цари астраханские. Одна граница области узбеков оканчивается у океана, другая доходит до Туркестана, третья до Дербента, четвертая до Хорезма и пятая до Астрабада. Все эти земли целиком составляют летовки и зимовки узбеков. Ханы всех этих трех народов находятся между собой в

¹ Опис. этой рукописи см. в «Собр. восточн. рукоп. АН УзССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 60-61.

² См. Самойлович А., Шейбани-намэ. Персидский уписит библиотеки Хивинского хана в «Зап. В. О. И. Р. Арх. О-ва», т. XIX, СПб. 1910, стр. 0164-0176.

³ Список, повидимому, XVIII в. содержит 70 лл. разм. 12,5×20.

⁴ Rieu, Ch. Cat. of the Pers. mss en the Brit. Mus., vol. I, London, 1879, pp. 102-104.

⁵ Он включает лишь историю Абулхайр-хана и переписан в раби-ус-сани 1318, (июль-август 1900 г.).

постоянной вражде и каждый (из них) посягает на другого. И когда побеждают, то один другого продает (в рабство), забирает в плен; (вообще) скот и людей (противника) в своей среде считают дозволенной военной добычей и никогда от этого (правила) не отступают. Если кто-либо прекословит им в этом, говоря: «зачем же ты продаешь (в рабство) свой собственный народ». Они удивляются (такому вопросу) и говорят: «да этот человек сумасшедший! Он не признает военной добычи». Кто же дерзнет сказать им: «это мои люди», после такого (категорического) подтверждения, что это есть (их) военная добыча?! У них широко распространена продажа (в рабство) победителями побеждённых без (всякого) запрета со стороны того, кто мог бы это воспретить, и без всякого противодействия того, кто воспрепятствовал бы этому. У всех (узбекских) племен очень много уважаемых ханов; каждое племя великих и именитых потомков Чингиз-хана называет султанами, а того, кто больше их всех, именуют ханом, то есть великим из государей и правителем их, в повиновении которому они были бы непоколебимы».¹

Я позволю себе остановиться на этом свидетельстве Рузбехана, которое он приводит в своих мемуарах в главе, посвящённой объяснению причин похода против казахов Шейбани-хана,² которого он сопровождал в этом походе в качестве ученого собеседника хана. Едва ли может быть сомнение в том, что в приводимое Рузбеханом столь точное определение главнейших этнических групп, называемых в начале XVI в. общим именем узбеков, входят тюрко-монгольские племена бывшего улуса Шейбана, простиравшегося от Урала до рр. Ишима и Сары-Су и севернее, в направлении к Ледовитому океану (нельзя забывать, что из дома Шейбана, вышли тюменские цари, подчинившие себе значительную часть Сибири), такие же племена Восточного Кипчака или улуса Орды и низовья Эмбы, Урала и Волги до Кавказа, занятые мангытами или ногайцами. Последние, впрочем, как увидим ниже, в начале XVI в. в значительном числе прочно расположились на сырдарьинских равнинах, по соседству с казахами, и значительно севернее их. И если даже несколько скептически отнестись к границам территории страны узбеков, которые приводит Рузбехан со слов самих вождей этого народа, то все же приводимые им пограничные вехи оказываются довольно точными. Действительно, в описываемое время граница узбекской территории доходила до восточных районов Туркестана включительно.³ Хорезм не был исконным узбекским владением, а степные просторы до Астрабада были заняты преимущественно этими подвижными кочевниками, потому что еще при преемнике Тимура, Шах-Рухе (807/1405-850/1447), по словам Абдурраззака Самаркандского, ставшие казахами узбеки совершали набеги даже на Мазандеран,⁴ проникая туда через Астрабад.

¹ کتاب مهمان نامه بخارا، ркп., л. 22 а-б.

² Она в подлиннике называется ذکر اموری که داعی شد بغزای قزاق (л. 22а и сл.).

³ Из другого места мемуаров Рузбехана видно, что в восточной части Туркестана находились такие города, как Еси (Туркестан), Сайрам и др. (л. 45а).

⁴ См. извлечение из مطلع السعدين Абдурраззака Самаркандского (ум. в 887/1482 г.), в вышеупомянутом «Сборн. матер.», т. II, стр. 258 тадж. текста и 199-200 рус. перевода.

Из каких же племён состояли вышеназванные три народа, называемые ими самими общим именем узбеков? Ответ на это мы находим в обстоятельствах вступления на престол деда Шейбани-хана, Абулхайр

Оно произошло следующим образом. Во время правления степям Джамадук-хана некто Гази-бий, мангыт, из потомков Идикуй-хана, сделавшись главою своего племени после своего отца, стал безмерно прилежно заботиться о народе, так что последний до отчаяния, поднялся в Гази-бия и убил его. Главари мангытов отправились к Джамадук-хану в надежде, что вступив в ряды его приближённых, они добьются благоприятного положения для своего народа, но Джамадук ровно ничего не сделал в этом отношении; тогда эмиры мангытов бежали в местность Джайтар-Джадкин и стали подстрекать мангытов и других к восстанию против Джамадук-хана. Услышав об этом, хан с войском поспешил на упомянутое урочище и там в жаркой схватке с мятежниками потерпел поражение и был убит.¹ После этого представители, повидимому, главных племён всех трех народов выдвинули кандидатом на ханский престол потомка Шейбана, семнадцатилетнего Абулхайра, сына Даулат-Шейх-султана. Выбравшие его ханом были главами племён: кият, мангыт, байлы, кунграт, тангут, йиджан,² дурман, кушчи, утарчи, найман, угриш-найман, тубай, таймас, джайхитай, барак (а м. б. бёрк), уйгур, карлук, кенегед, уйшун, курлаут, имчи, туман и минг. Эти племена поддерживали юного Абулхайра-хана в его первых шагах на поприще расширения и упрочения своей власти. Когда же он подошёл к городу Таре (и Иртыше), то правитель города, Адаб-бек буркут и Кепек-би буркут, со всеми эмирами, начальствующими лицами и командирами войска выказали полную покорность Абулхайру, и с того времени племя буркут мы также видим в числе тех племён, которые поддерживали не только Абулхайра, но и его внука Шейбани-хана, мать которого кстати сказать, была из этого племени. Торжественно посаженный (в 833/1429-30 г.) на престол в Таре представителями упомянутых племён, Абулхайр сделал своей столицей этот город, где упрочилось и окрепло его господство над узбеками, султаны которых выразили ему полную покорность и повиновение.³ С их помощью он начал и победоносно закончил войну против Махмуд-Ходжи-хана, который, по выражению историка «был одним из выдающихся государей своего времени»⁴ и известен из истории Шах-Руха, с которым он, как «государь узбекской страны», был в дружественных отношениях и в 825/1421-22 гг. обменялся с ним подарками. Махмуд-хан был разбит на берегах реки Тобола, попал в плен к Абулхайру и по его приказанию был предан смерти. Победителям досталась огромная добыча, состоявшая из множества скота, пленников, женщин и детей побежденных; все это по степному обычаю

¹ Вышеназванная рукопись **تاریخ ابوالخیر خانی** за инв. № 5392 по разметкам В. Л. Вяткина, стр. 6-7.

² На полях названной рукописи истории Абулхайр-хана, рукою покойного В. Л. Вяткина против племени написано алман. (المان).

³ Тот же список, стр. 7-15.

⁴ Тот же список, стр. 15. Также **مطلع السعديين** Абдурраззак Са-маркандского (Извл. в «Сб. матер.», т. II, стр. 256 тадж. текста и стр. 196 рус. перев.)

⁵ Тот же список, стр. 17-18.

было роздано в добычу воинам от рядовых до начальников. Любопытной иллюстрацией к этому является взятие Хорезма Абулхайром при Шах-Рухе (в 839/1435-36 г.). Население г. Ургенча, видя, что ему не отстоять от узбеков города, и не желая подвергаться ужасам расправы кочевников, решило выразить им покорность. Отправленная горожанами к Абулхайру мирная делегация была им обласкана и хан пощадил город и жителей. Но нужно было вознаградить как-то войско, доставившее в руки Абулхайра такой богатый город. По этому поводу вот что рассказывал потом автору «Абулхайр-ханской истории» сын Абулхайр-хана, Суюндж-Ходжа-хан: «Мой отец после покорения Хорезма приказал открыть казну, которую прежние правители собрали с таким трудом и заботами, и отдал распоряжение двум эмирам, из числа великих, чтобы они сели у дверей казнохранилища, а все командиры, люди из свиты хана и простые солдаты по двое входили бы в нее; брали бы там то количество, которое они без труда могли бы взять, и выходили обратно. Сообразно этому ханскому распоряжению, все военные входили (по-двое) в сокровищницу, каждый брал столько, сколь мог (без напряжения) унести, и выходили оттуда. Вследствие этого по ханской милости войско обогатилось золотом и драгоценными камнями».¹

Хотя Абулхайр-хану пришлось скоро покинуть Хорезм ввиду эпидемии чумы и спешно вернуться на просторы родных степей, тем не менее честолюбивое стремление подчинить своей власти и своему величию новые области кочевников заставило хана обратить свое внимание на владение и племена джучидов, Махмуда-хана и Ахмед-хана, которые оказали ему неповиновение и стали к нему во враждебные отношения. На большом совещании подвластных Абулхайру глав узбекских племён и некоторых степных сейидов было решено выступить походом против упомянутых ханов прямо на их ставку на урочище И к р и-Т у р, повидимому, где-то в сырдарьинских степях. В этом походе принимали участие почти все те же эмиры со своими племенами, которые упоминались в начале правления Абулхайра, т. е. найманы, уйгуры, кунграты, дурманы, тангуты, чимбаи, буркуты, уйшуны, кенегесы, кушчи и пр. Ханы были разбиты и едва спаслись в поспешном бегстве; в погоне за ними победителям досталось множество скота и кибиток побеждённых со всяким добром, и большинство противников попало в плен; все это, как полагалось, было разделено между всеми, принимавшими участие в этом степном походе-набеге. Эта победа доставила Абулхайру возможность овладеть, своего рода столицей кочевников Дешт-и-Кипчака, Орду-Базаром, где когда-то была ставка Батыя (Саин-хана). Здесь, после прочтения х у т б ы на имя Абулхайра и чеканки монеты с его именем, всем главам племён, принимавшим участие в последнем походе, были пожалованы ханом лошади, верблюды и проч. скот, новые кибитки, боевые доспехи и оружие, а рядовым воинам — разного рода подарки; «населению Орду-Базара, — по выражению историков, — было дано место под тенью (ханского) покровительства и (оказаны) прочие милости и насаждение справедливости, а равно укорочены были руки тиранам и насильникам». Однако эти победы и расширение сферы власти и влияния Абулхайра вызвали недовольство отдельных глав племён, стремившихся к отпадению

¹ Тот же список Т а р и х-и А б у л х а й р-х а н и, стр. 24-25.

от него, так, главарь мангытов Ваккас-бий, соединившись со степных ханом Мустафой, восстал против Абулхайра со своим племенем. Но Абулхайр, опираясь на вождей племён киятов, йиджанов, кушчиев, кунгратов уйшунов, джатов, чимбаев, карлуков и др., разбил в бою на берегах Атбасара (в ркп., впрочем, не совсем разборчиво *آب یسر*)¹ мятежни-

ков, обратив их в бегство. Около 4500 мятежников было перебито. Все их имущество и скот, жены и дети со всеми родственниками и зависимыми от них людьми попали в руки Абдулхайровых воинов; все это было подсчитано и поделено между султанами, начальниками и рядовыми участниками битвы «в зависимости от положения каждого из них». Это было весной, а осенью того же года (не указано в источнике — какого) Абулхайр, в целях наилучшей зимовки, предпринял поход на юг «бывшего улуса Орды, против крепости Сыгнак, опираясь на помощь великих племён», по выражению его историка; в числе их мы видим и мангытов с тем же до сего мятежным главарем своим, Ваккас-бием, несомненно, помирившихся с Абулхайром. Сыгнак сдался главе узбеков добровольно, а за ним последовало занятие таких присырдарьинских крепостей, как Ак-Курган, Аркук, Сузак и Узгенд;² все они были розданы в управление разных лиц, а Узгенд — упомянутому эмиру мангытов, Ваккас-бию. С вождями названных племён, присоединяя к ним еще племена канглы, масит и кудаган, Абулхайр впервые вмешался в династические распри тимуридов, откликнувшись на просьбу правнука Тимура, Абу-Са'ид-мирзы (855/1452-873/1469), помочь ему утвердиться на престоле Самарканда. Эти же племена узбеков участвовали в последовавшей за этим войне с калмыками, двинувшимися от р. Чу на улусы Абулхайра; их хан Оз-Тимур-тайши нанёс Абулхайру под Кёк-Кесене (Кёк-Кашанэ в ркп.)³ страшное поражение, сильно разграбив и разорив аулы узбеков. Абулхайр укрылся за стенами Сигнака и вынужден был заключить с калмыками мир на предлагавшихся ими условиях. И долго потом, по уходе калмыков за Чу, пришлось ему успокаивать и приводить в порядок свои степи, столь сильно пострадавшие от такого погрома. Узбеки Абулхайра (в 860/1455 г.) помогали сыну отцеубийцы, Абдуллатиф-хана (сына Улугбека), Мухаммеду Джуки, добиваться самаркандского престола в правление возведенного ими на престол Абу-Са'ид-мирзы.⁴

Все подобного рода успехи Абулхайра в создании сильного кочевого ханства вызывали разные миграции кочевников, уход из родных степей в другие места, вообще для многих племён сопровождалась сильными потрясениями не только вследствие их разгрома и увода в рабство побеждённых. Стремление предотвратить анархию в пользовании даже необозримыми пастбищами испокон веков установило обычай кочевков обще-

¹ Если это р. Атбасар, то — правый приток Ишима, если же следует читать Аб-е-Сыр — то Сыр-Дарья (и то, и другое по отметкам на стр. 35 ркп. рукою В. Л. Вяткина).

² Эти города-крепости, принадлежавшие к древнейшим, находились на пространствах нижнего течения Сыр-Дарьи (исключая Сузака, если иметь в виду Сузак к северу от гор. Кара-Тау, на правом берегу среднего течения Сыр-Дарьи).

³ Кёк-Кесене (по позднейшему казахскому произношению) лежал в 8 км. к югу от Сыгнака. (См. Каллаур В., Древ. города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) в Перовск. уезде в «Прот. и сообщ. член. Турк. кр. люб. арх.». Год V, Ташкент, 1900, стр. 6-16.)

⁴ См. ркп. *تاریخ ابو الخیر خانی*, стр. 27-78.

ствами только одного рода, допуская в свои аулы из других родов лишь родственников по женской линии или бедняков, нанимающихся в работники. И потому даже самые пути кочёвок были определены для каждого племени (рода) и каждое имело свои определённые места для зимних стойбищ и для летних и осенних кочёвок. Разведчик того или другого общества, находя, например, незанятый никем колодец, ставил около него особый знак (копье или вещь или чертил на земле тамгу своего племени, или клал подле связанный пучок травы). Видя такой знак, другие уже не выбирали это место своим стойбищем. Если вожак кочующего общества выбрал место, не отметив его знаком, и уезжал для осмотра других мест, а по возвращении находил, что вожак другого рода занял это место, то заявление первого не принималось во внимание. Если одновременно подъезжали два кочевника к облюбованному месту, то их спор, кому оно достанется, ими решался в пользу того, кто был почетным лицом или старшим по летам, а при равенстве того и другого принималось во внимание старшинство племени, рода или колена. На летовках одного рода не допускались кочевники другого и с постороннего скота, случайно заходившего на чужую летовку, взимались штрафы. Все это сохранилось в степях и до недавнего времени и являлось ярким подтверждением того, что у кочевников с их необъятными степными просторами, существовали свои определённые и строгие законы, направлявшие перекочёвки и пользование колодцами и выпасами в определённых рамках неписанного и извечного степного кодекса (хотя, конечно, нарушения его бывали нередки). Легко себе представить, какой беспорядок вносило, например, передвижение победоносных племён Абулхайра из пределов Тобола и Ишима на юг к прибрежным равнинам Сыр-Дарьи; и перемещение их кочёвок на новые места в корне нарушало интересы бытовавших здесь кочевников, вносило расстройство в их жизнь и создавало атмосферу крайне напряжённых и враждебных отношений между родственными по существу племенами улуса Шейбана и улуса Орды. С другой стороны, и побеждённые султаны, и ханы этих улусов из того же Джучиева потомства весьма легко пользовались в своих честолюбивых замыслах настроением притесняемых племён и родов и увлекали их в борьбу с более счастливым своим противником. В то время обижаемые роды лелеяли надежды поднять свое благосостояние, ограбив и разорив противника, потому что по искони существовавшему степному праву (а д а т у) все преступления суть только дурные поступки и притом лишь в глазах обиженных, а с точки зрения тех, которые совершили эти поступки, они являются геройством (б а т ы р л ы к), иначе говоря, встаёт тот же вопрос о безграничном пользовании военной добычей, о которой говорит Рубехан.

Абулхайр-хан умер в 874 г. х., соответствующему году Мыши (март 1468 — март 1469 г. н. э.), в возрасте 57 лет.¹ Если при жизни его могущество и власть над многими сильными племенами Дешт-и-Кипчака оспаривались другими потомками Джучи, особенно из тех, которые владели степями и племенами Восточного Кипчака (б. улуса Орды) и не могли простить Абулхайру подчинение их наследственных ю р т о в (обиталищ), то после смерти Абулхайра родовые династические и племенные захватнические притязания разгорелись с необычайной силою; претенденты на сильную власть в степях подняли головы, и кочевья окончательно потеряли свой покой. Всё затем происшедшее отлично можно охарак-

¹ Та же рукопись Т а р и х-и А б у л х а й р-х а н и, стр. 79-80.

теризовать немногими словами историка, хорошо знакомого со степными делами той эпохи, от людей которой его отделяло лет сорок. Вот что пишет двоюродный брат султана Бабура, Хайдар-мирза из племени дуглат:

«Абулхайр-хан владычествовал во всем Дешт-и-Кипчаке. Некоторые из султанов Джучиева потомства (живо) ощущали носами предвидения исходившие от него запахи интриг и войн (с ними) и каждый желал предотвратить это. Группа (таких) султанов, как Кирай-хан, Джанибек-султан¹ и другие с небольшим числом народа бежали от Абулхайр-хана в Моголистан.² В Моголистане же пришла пора ханствовать Исен-Бугахану, который хорошо принял беглецов и назначил им для обитания один угол в Моголистане, где они нашли (для себя) безопасность, и время для них прошло спокойно. После смерти Абулхайр-хана в узбекском улусе возникли такие неурядицы, что степной обитатель ради своей безопасности и благополучия искал убежище у Кирай-хана и Джанибек-хана, так что последние усилились (этим наплывом беглецов). А так как вначале они, а после того еще многие убежав, отделились (от своего улуса) и некоторое время были людьми неимущими и скитальцами, то их назвали к а з а к а м и и это прозвище так за ними и утвердилось».³

При преемнике Абулхайра, Шейх-Хайдар-хане, выбранном всеми главами племён, поддерживавшими его отца, по выражению источника времени самого Шейбани-хана, «управление государством пошло не так, как это было раньше, и потому в преданности Шейх-Хайдар-хану у начальников племен обнаружилась слабость»; этим воспользовались султаны враждебной стороны, Сеййидак Айбек-хан, сын побежденного и убитого Абулхайром вышеупомянутого хана Дешт-и-Кипчака, Ходжи-Мухаммеда, и прикочевавшие в родные степи из Моголистана Джанибек-хан, сын Барак-хана, и Бурке-султан, сын Кирай-Аббас-хана и некоторые эмиры мангытов. В разгоревшейся войне Шейх-Хайдар-хан не был поддержан всеми теми кочевниками, к кому он обращался за помощью, и погиб;⁴ все близкие к нему лица и родственники или были перебиты, или захвачены в плен, или рассеялись в разные стороны. Опекун двух молодых внуков Абулхайра, Шахбэхта (будущего Шейбани-хана) и его брата Махмуда, бежал с султанами в Астрахань к мангытам, где нашел приют у астраханского хана Касима, из потомков Тимур-Кутлук-хана.⁵

Когда впоследствии Шейбани выступил на путь военных авантюр и захватов чужих земель, появившись в южной части родных степей из тимуридских владений, он нашел сильную поддержку в мангытах, в руках

¹ Джанибек-хан был внуком того Куйричак-хана, сына Урус-хана, которого Тимур, как мы выше видели, сделал вместо Тохтамыша ханом Джучиева улуса.

² Северную границу Моголистана, т. е. сев.-восточной части Джагатаева улуса, составляли озеро Балхаш и Каратал. Балхаш отделял страну узбеков от Моголистана (Вельяминов-Зернов В. В., Исслед. о Касим. царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 154, прим. 20).

³ تاریخ رشیدی Мухаммед-Хайдара, ркп. Инст. востоков. АН УзССР за инв. № 1490, лл. 173б-174а.

⁴ شیبانی نامه ркп. Инст. востоков. АН УзССР, за инв. № 844, л. 26-4а.

⁵ Та же рукопись, л. 4а-б. О Касим-хане, как Астраханском царе, см. у Вельяминов-Зернова, Исслед. о Касим. царях и царевичах, ч. II; стр. 236-237, прим. 81. В ркп. Инст. востоков. АН УзССР, شیبانی نامه Касим-хан также называется сыном Тимур-Кутлук-хана (ум. в 1399 г.), внука Восточно-Кипчакского Урус-хана; я заменил этот анахронизм словами «из потомков Тимур-Кутлук-хана».

которых находился ряд присырдарьинских крепостей до Сыгнака включительно. Все они легко и в значительной степени добровольно подчинились Шейбани, тем более, что мангыты находились во враждебных отношениях с прочими узбеками. Дальше, в следующем очерке, мы увидим, в каких дружеских отношениях с Шейбани был правитель этой части Дешт-и-Кипчака, Муса-Мирза, сын вышеупомянутого соратника Абулхайра, Ваккас-бия мангыта.¹

Как видно из перечисления эмиров, оставшихся верными Шейбани во время его скитальческой жизни (در زمان قزاقی) он опирался на помощь шести узбекских племён: кушчи, найман, уйгур, курлаут, ички и дурман, а после завоевания Средней Азии (да, вероятно, и в период первых успехов Шейбани) к нему присоединились эмиры киятов, кунгратов, туманов, тангутов, хитаев, чимбаев, шункрайев, шадбакиев и йиджанов, которые, так сказать, завершили триумф Шейбани-хана; и с имён этих пятнадцати узбекских племён, чьей помощи Шейбани был обязан в своих военных успехах, его историк не напрасно начинает свою «Книгу о Шейбани».²

Если экспансия Шейбани на юг от Дешт-и-Кипчака по Хорасан включительно была блестяща по своим результатам, то всего менее удачны были войны со своими узбекскими соплеменниками, кочевавшими в районах степей от Урала до Чу к северу от Сыр-Дарьи, в бывшем царстве его деда Абулхайра, и не пошедшими за Шейбани в Среднюю Азию. Шейбани долго и упорно воевал с сыновьями вышеупомянутого Джанибек-хана, врага его деда, и особенно с Бурундук-ханом, самым могущественным из степных ханов «и одним из великих людей улуса»,³ нередко терпел от них поражения и побеждал их, но подчинить своей власти области б. Восточного Кипчака и улуса своего предка Шейбани не мог. Населявшие их узбекские племена, называвшиеся теперь казаклами (казахами), управлялись своими ханами из того же потомства Чингиза от его сына Ючи (как писали и, повидимому, произносили при Шейбани-хане) и уже с самого первого периода существования империи Шейбани-хана явились для него весьма опасными врагами.

Но сознавал ли сам Шейбани-хан и его ближайшее окружение свое кровное родство с этими узбеками, оставшимися на своих старых местах и теперь называвшимися казахами? Исторические данные того времени говорят об этом совершенно утвердительно и определённо.

В самом начале месяца шевваля 914 г. х., т. е. в конце января 1509 г., Шейбани-хану пришлось в Бухаре объявить «священную войну» против казахов, напавших на области Бухары и Самарканда и уведших массу людей в рабство, «а поскольку их султаны соглашаются на такие дела, то это служит признаком того, что у них этот тяжкий грех является делом дозволенным».⁴ 5 шевваля (28 января) Шейбани выступил походом на казахов. Сопровождавшему его в походе Рузбехану показалось всё же странным выступление хана со священной войной против своих соплемен-

¹ См. Вельяминов-Зернов, Вышеуказ. труд, ч. II, стр. 242-245, прим. 32.

² شیبانی نامه ркп. Инст. востоков. АН УзССР, за инв. № 844, л. 16-2а.

³ مهمان نامه بخارا ркп. Инст. востоков. АН УзССР, за инв. № 1414, л. 73-б.

Тот же труд, л. 23 а.

ников и он заявил об этом племяннику Шейбани, Убайдулле, известному впоследствии своими перманентными опустошительными походами против шиитского Хорасана, и победителю объединённых сил Бабура и персов под Гидждуваном в 1512 г. Ссылаясь на хадис Мухаммеда — «узы родства удлиняют жизнь», — Рузбехан говорил: «Предположим, что у казахского войска действия несогласны с велениями божественного закона, но ведь тем не менее казахи вам родственны». Убайдулла, не отрицая последнего положения, ответил Рузбехану следующей, весьма характерной, фразой: «что касается соблюдения обязанностей родства, о которых вы говорите в отношении казахов, то между нами столь ясно проявились побуждения к вражде и предпосылки к соперничеству и неприязни, что источник родства совершенно иссяк. Распри и войны между нами и ими так засыпали прахом (взаимного) неудовольствия поверхности страниц (наших) душ, что мы стряхнули с подола сердца пыль взаимной любви. Да кроме того, если бы соблюдение этих (родственных) связей и было бы возможно, то только со стороны его величества хана, убежища халифата, а мы, рабы, положили голову на черту его приказания и не знаем, и не имеем другого пути, кроме пути повиновения и служения ему. Если вы находите возможным для себя, то доложите на высоком ханском собрании слова о мире (с казахами), наполненные тонкими изречениями пророка и приличествующими рассказами из Корана и преданий».¹ Рузбехан, однако, не решился сделать это.

Сам Шейбани-хан на стоянке на берегах Сыр-Дарьи, против Отрара, рассказывая Рузбехану о Дешт-и-Кипчаке в необычайно восторжённом тоне, чрезвычайно хвалил приволье степи, ее тучную почву, неизъяснимую красоту степей весной, превосходные травы и пастбища, покой и благоденствие ее кочевых обитателей «в большей степени, чем всех сынов Адама»; подчёркивал, что «все эти обширные степи суть летовки у збеков, и в летние дни, когда наступает июльский зной и время сильных жаров казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степей. Вследствие массы скота и нужды в пастбищах все эти обширные степи занимают ими (узбеками-казахами) и каждый из их султанов имеет в своем владении и подчинении определённый район из общей территории степей».² Говоря далее о том, что в каждом знаменитом племени есть свой султан-чингизид, который со своим народом пребывает в своем древнем наследственном «юрте» и там сидит, по словам хана, «со времён Ючи-хана и Шейбан-хана до наших дней», — Шейбани-хан отмечает, что «между узбекскими ханами постоянно происходят распри и раздоры, особенно между ханами из дома Шейбана и казахскими ханами. В прежние времена большинство наиболее великих ханов бывало из рода шейбановцев (از قبیله شیبانیان) и в ближайшее к нам время наиболее великим из ханов обоих улусов (т. е. узбеков и казахов) был Хызр-хан, дед Хамзы султана и брат Шейх-Даулат-султана, который является отцом в бозе почившего Абулхайр-хана».³

¹ Тот же труд Михман-намэ-йи Бухара, л. 32-а.

² Тот же труд, л. 70-а-б.

³ Тот же труд, л. 71-б. Хызр-хан-бен-Бадакул, Шейбанид — как значится в указателе у Zambaur E. Manuel de Généalogie et de Chonol. pour l'Histoire de l'Islam, p. 346 со ссылкой на стр. 246 этого его труда, в действительности он на этой странице не значится.

Иначе говоря, Шейбани-хан, не делая в начале всей тирады никакого различия между казахами и узбеками и обобщая их в один народ узбеки, дальше отделяет последних от казахов в том смысле, что под узбеками подразумевает племена б. улуса Шейбана, а под казахами — племена б. Восточного Кипчака или улуса Орды.

С другой стороны, и сам дееписатель Шейбани-хана, Рузбехан, не отличается строго казахов от узбеков и, например, говоря о сражении между Шейбани и Джаниш-ханом казахским, он отмечает, что «узбеки казахского происхождения старались отразить войско узбеков-шейбановых, осыпая его стрелами».¹

Говоря об этом, позволительно остановиться и на таком вопросе: совпадает ли значение слова казак, употребляемого историками в смысле скитальца, лишённого постоянного жилища, находящегося без средств, и производное отсюда к а з а к й — к а з а ч е с т в о, с подобным ему термином к а з а х в приложении к целому народу? Ведь как мы видели выше, из свидетельства Абдурраззака Самаркандского, в правление Шах-Руха узбеки, ставшие казахами, совершали набеги на Мазандеран, что Султан-Хусейн-мирза во время своего казачества, т. е. во время своей скитальческой жизни, прибыл к Абулхайр-хану, что Шейбани-хан «во время казачества» опирался на помощь шести узбекских племен и т. п., — выражают по существу совсем иное значение, чем слово к а з а х в приложении к целому кочевому народу, занимающему обширные степи и владеющему бесчисленными стадами скота, среди которого, по словам Шейбани, даже самые бедные владели тысячами голов. Не означает ли в этом случае термин к а з а х в приложении к народу, состоящему из многочисленных племен кочевников, просто кочевника, вроде того, как в древности русские называли кочевые племена тюрок-команов одним словом половцы, возможно, от глагола «полевать», а предков позднейших русских казаков, бездомных степных скитальцев русского происхождения, именовали б р о д н и к а м и? Ведь у узбеков Шейбанова улуса были какис ни на есть города, вроде Тары или Туры и некоторых сибирских укреплений, мангыты — «цари астраханские» — владели Астраханью и рядом крепостей-городов по Сыр-Дарье, а узбеки б. улуса Орды в эпоху Шейбани никаких городов не имели и лишь кочевали, были к а з а х а м и.

Так или иначе, но во всяком случае вышеупомянутый Хайдар-мирза, двоюродный брат Бабура, уделяя в своей истории много места узбекам, не отделяет их от казахов и, говоря о последних в отличие от узбеков Шейбани, всюду именует их узбеками-казахами и это обстоятельство, повидимому, несколько странное для русской науки 60-х годов XIX в., дало повод академику В. В. Вельяминову-Зернову сделать в своем известном «Исследовании о касимовских царях и царевичах» (часть вторая, СПб, 1864; стр. 228, прим. 28) такую оговорку: «Киргиз-кайсаками я зову казаков Мухаммед-Хайдера для избежания всякого недоразумения. Казаки (узбеки-казаки) Мухаммед-Хайдера, положительно, ничто иное, как нынешние казаки, которых мы русские привыкли звать киргиз-кайсаками, а иногда и просто киргизами, хотя общего с настоящими киргизами (Черными или Дикокаменными) они ничего не имеют».

Касаясь вопроса о времени принятия узбеками-казахами ислама, Рузбехан говорит следующее: «как прежде упомянуто, казахи составля-

¹ Тот же труд Михмая-намэ-йи Бухара, л. 95-б.

ли один народ с узбеками; из улуса Чингиз-хана и его детей, которые создали мировое государство, из первых поколений никто не принимал ислама до Газан-Мухаммед-хана, сына Аргун-хана, сына Абака-хана, сына Хулагу-хана, сына Тули-хана, сына Чингиз-хана. Газан в государстве Ирана первый из государей стал мусульманином, а после него — его брат, Улчжайту-султан Худабэндэ, и другие, бывшие в улусе Чингиз-хана, в Иране. После принятия ислама Газаном (там) уже все были мусульманами. Что касается Джагатаева улуса, то первый (из ханов), ставший мусульманином, был Барак-хан (664/1266—670/1271 А. С.), (почти) современник Газан-хана (694/1295—703/1304 А. С.). Предки его величества, высокодостоинного хана, тоже близко ко времени Газан-хана удостоились принять ислам. О его величестве, высокостепенном хане, рассказывали, что он изволил сказать следующее: «наш предок в пятом поколении со стороны Чингиз-хана сподобился принять ислам, поспешив созерцать красоту истинной веры. В то время, когда его величество (мой предок) принял ислам, весь улус Ючи-хана, составляющий часть узбекского народа, обратился в мусульманство...». Отсюда можно сказать, — заключает Рузбехан, — то, что казахский народ тогда же принял ислам... и казахи возвысили знамя правоверия ввиду того, что они стали обладателями мусульманства во всех своих странах и районах. Таково было утверждение основ ислама в среде казахского народа в начале возникновения ислама в государстве Чингиз-хана. (Но) после того в отношении их, как это подтверждается достоверными сведениями, стало определённо известно, что среди них распространены некоторые обычаи неверия». ¹ Эти «обычаи неверия» и были причиной объявления «священной войны» Шейбани-ханом против казахов со включением в фетву, что они поклоняются идолам. По словам Рузбехана главным божеством у казахов было солнце. «Впервые как казах берет чашу с кумысом, — пишет Рузбехан, — он прежде, чем выпить ее, обращает свое лицо к солнцу и выплескивает из нее некоторое количество напитка по направлению к востоку и затем совершает земной поклон всему солнцу». ² «Надежные люди передавали, — продолжает дальше Рузбехан, — что среди них существует образ некоего истукана (بشکل صنعی), которого они чтят и совершают ему поклонение». ³ Ссылаясь на вышеупомянутые слова Шейбани-хана, что его предок в пятом поколении по линии Чингиз-хана удостоился принять ислам, а с ним и весь узбекский народ, следовательно, и казахи, — Рузбехан замечает, что потом больше, чем в течение двухсот лет степи непрерывно посещали учёные богословы из Туркестана, Мавераннахра, из Астрахани и Дербенда Ширванского, из Хорезма, Джурджании и Хивы, из Астрабада, а равно из Хорасана и Ирака, что купцы казахов постоянно посещали и посещают страны ислама, равно как и купцы мусульманских стран ездят в степи, — тем не менее казахи коснеют в язычестве. Но поскольку они всё же мусульмане, читают Коран, исполняют обряды ислама и т. п. — их следует считать не невежественными язычниками, непонимающими, что они делают, а отступниками от ислама, которых надлежит убивать. ⁴ Вместе с тем казахам

¹ مهمان نامه بخارا

вышеназванная ркп, ИВАН УзССР, лл. 846-85а.

² Тот же труд, л. 89-б.

³ Тот же труд, л. 85-б.

⁴ Тот же труд, л. 86 а-б и след.

вменялось в грех и преступление обращение к колдунам и волшебникам, наводящим при помощи магического камня я да или д ж а да дождь и снег на врагов или применяющим его с полезной целью, вроде получения урожая, зелени трав и пастбищ и с целью предотвращения жаров. Иначе говоря, среди казахов, несомненно, существовали такие же волшебники и чародей, которых, как упомянуто выше, в большом количестве истребил золотоордынский Узбек-хан по вступлении своем на престол *ad majorem Allahi gloriam*.

Рузбехан, видимо, со слов Шейбани-хана и его ближайшего окружения, приводит сведения о способах казахов отражать неприятельские на них нападения, угрожающие угоном их стад и уводом в плен их семей. «Когда делается на них набег, — говорит он, — то каждый род (т а и ф э), составляющий один улус, располагается в одном месте и для предотвращения (доступа неприятеля) к своим семьям и имуществу со всей пылкостью и отвагой пускает в ход острые шашки, вступая в бой во всеоружии и с (необходимыми) припасами. Всякое колено (ф и р к э), состоящее из нескольких семей-кибиток (х а н э в а р), стоит во главе своих семей и имущества. Если же всё казакское войско объединится и соберется в одном месте для отражения неприятеля, поднявши знамя сопротивления, то опрокинуть его является делом весьма трудным».¹

Бытовую особенность казахов, по словам Шейбани-хана Рузбехану, было передвижение их по степи на колесах целыми домами. Говоря о бесчисленности их стад, Шейбани отмечает, что «в середине осени, когда воздух Дешт-и-Кипчака становится холодным, выпадает масса снега и наступает время подумать о зимовках, казаки направляются к своим зимним обиталищам. Так как на путях их передвижения нет никаких вод, которые бы могли в достаточном количестве удовлетворить их огромные стада, то они по необходимости стремятся поскорее пройти покрытые снегом пространства степей. Их телеги (ارابهای ایشان), поставленные на колеса, вполне пригодны для передвижения по степям и даже для того, чтобы пройти по снежному насту, в противном случае казакам угрожала бы гибель от жажды и безводья». «Достоверные люди говорили, — продолжает Рузбехан, — что дома казахов построены по форме арб и поставлены на колёса, будучи перевозимы верблюдами и лошадьми; следуя от остановки к остановке, они вытягиваются в пути гусем, как ряд верблюдов в караване, следуя один за другим и вытягиваясь на пространстве в сотню монгольских фарсангов,² причем интервал между такими движущимися домами не превышает одного шага. Каждый такой дом принадлежит одному человеку (его владельцу), потому что у наиболее бедных из казахов число лошадей, верблюдов и овец исчисляется тысячами».³

Когда Шейбани-хан разгромил казахов в вышеупомянутый поход 914 г. и забрал бесчисленные стада скота, массу пленных обоего пола и прочую несметную добычу, то в числе ее были и дома-повозки казахов. Рузбехан видел их в г. Еси, куда Шейбани свёз отнятое у казахов, причем одних повозок-домов было больше десяти тысяч; на них узбеки навалили награбленное добро побеждённых. По описанию Рузбехана остов этих

¹ Тот же труд Михмаи-намэ-йи Бухара, л. 95-а и след.

² В рукописи سنگی مغلی

³ مهمان نامه بخارا вышеупом. ркп. ИВАН УзССР, лл. 70-б, 71-в.

передвижных кибиток у богатых людей и султанов состоял из тополя, а самые стенки из камыша, все затем сверху покрывалось кошмами, внутри кошмы были с узорами, а все вообще было сделано чрезвычайно искусно и красиво. Внутри каждой такой перевозной кибитки помещалось человек двадцать или больше и притом так, что все могли совершенно спокойно сидеть, не стесняя друг друга. Дома-кибитки рядовых казахов имели продолговатую форму с дверцами спереди и сзади, чтобы находящиеся внутри люди могли смотреть через ниху наружу; и такие кибитки были сделаны тоже очень тщательно и искусно, но они были значительно меньше кибиток богатых людей, ибо возились даже одним или несколькими верблюдами.¹

Эта особенность быта узбеков-казахов начала XVI в., употребление подвижных домов-кибиток, которых современные казахи забыли совершенно, роднит их с половцами XII в., когда по «Слову о полку Игореве», «половци неготовыми дорогами побегоша к Дону великому, крычат телеги полунощи, рци-лебеди распущени»² весьма сближает этих кочевников с монголами XIII века, подробное описание которых оставили нам очевидцы Рубрук и Плано-Карпини;³ об этом говорит «Сокровенное сказание», монгольский эпос 1240 г., различая также два вида таких домов-повозок: одни хага'утай (или хага'уту) tergen, другие — хасаг (хасах) tergen.⁴ Об обычае кочевников Дешт-и-Кипчака «ездить на телегах с уверенностью, незнающей страха», говорит историк Тимура, Ибн-Араб-шах.⁵ Что повозки в Золотой Орде у кочевников употреблялись в XIV и XV вв., мы знаем из описания Ибн-Баттуты, когда он путешествовал из Керчи в Крым, из Сарая в Хорезм; и у историка Тимура, Шерефуддина Езди, в описании возвращения Тимура в 1391 г. из Золотоордынского похода, когда им были увезены телеги с поставленными на них юртами.⁶

Все эти особенности в верованиях и в быте относятся Рузбеханом к казахам, но он нигде не говорит, было ли то же самое свойственно и узбекам Шейбана. Можно думать, что поскольку оба эти племени составляли один народ, то те же черты быта и религиозных воззрений были свойственны и узбекам улуса Шейбана, которые едва ли были ревностными мусульманами. Если казахам ставилась в вину вера в магическое действие камня я да и колдование с ним, то эта вера была широко распростра-

¹ Тот же труд Михман-на-мэ-йи Бухара, л. 100-а-б.

² Пекарский П., Слово о полку Игореве, по списку, найден. между бумагами им. Екатерины II. Прил. к V т. «Зап. Имп. Акад. Наук», № 2, СПб., 1864, стр. 11 отд. оттиска.

³ Плано-Карпини И. де. История монгалов. Рубрук, Вил. де. Путешеств. в восточные страны. Введ., перевод и примеч. А. Н. Малеина, СПб, 1911, стр. 6-7 и 69-71.

⁴ «Сокровенное сказание» в ссылке на монг. текст у Владимирцова В. Я., «Общ. строй монголов», стр. 41-42.

⁵ См. извлечение из عجائب المقدور في نواب تيمور в «Сборн. матер.», ч. II, стр. 459.

⁶ Бартольд В. В., О колесном и верховом движении в Ср. Азии (в «Зап. Инст. Востоков. АН СССР», VI, Л., 1937, стр. 6-7). Ввиду приведенного нами свидетельства Шейбани-хана и Рузбехана о более чем благоприятном экономическом благосостоянии казахов их времени, должна быть внесена и соответствующая поправка в правильный, впрочем, по существу вывод акад. Бартольда, что «главной причиной исчезновения повозок, повидимому, должен быть признан экономический упадок среди кочевников после XV в.». Этот упадок, надо думать, наступил позже этого времени.

нена и среди узбеков. При тимуриде Султан-Абу-Са'ид-мирзе (855/1452-873/1469), во время битвы его с султаном Абдулла-мирзою в Джизакской степи, находилось несколько узбеков, которым Абу-Са'ид приказал посредством камня яда произвести тучи, дождь и снег.¹ Когда Абулхайр воевал с казахскими султанами Махмуд-ханом и Ахмед-ханом, он приказал кудесникам, действующим с камнем яда (яда чи'ям) вызвать во время сражения тучи и проливной дождь, чтобы затруднить действия неприятеля.² То же самое употребление камня яда было и у моголов (джетэ) эпохи Тимура: историк последнего, Шерефуддин Езди, описывая известное поражение Тимура, нанесенное моголами на берегах р. Бадама (притока Арыси) в так называемой «битве в грязи», говорит, что страшный ливень, превративший поле битвы в сплошную топь, был вызван употреблением монголами чудодейственного камня яда.³

Отсутствие сведений о языческих обычаях узбеков могло быть со стороны Рузбехана известной данью уважения к его всегдашнему царственному собеседнику, главе узбеков, Шейбани-хану, и к его народу, а сам Шейбани ничего не говорил по этому поводу, потому что он, смотревший на себя, как на стоявшего во главе истинных мусульман и как на наместника самого Аллаха, охраняющего ислам во всей чистоте и уничтожающего еретиков и отступников от правоверия (он сам себе присвоил титул *имам уз-заман ва халиф ат-ур-Рахман*), не мог говорить о языческих пережитках у своего народа, который должен быть при таком своем вожде строго правоверным. А если бы он упоминал об этом, то у близких к нему лиц, естественно, возник бы недоуменный вопрос, зачем объявлять «священную войну» против казаков, когда мы сами такие же неверные?

Можно лишь отметить, что и в языческих верованиях узбеков-казахов, как и в их «домах на колёсах», мы видим черты, сближающие их с религиозными воззрениями древних монголов. «О набожном поклонении солнцу, луне и огню, а также воде и земле» монголов XIII в. с посвящением этим светилам и стихиям начатков пищи и питья и преимущественно утром, раньше, чем станут есть и пить», говорят Плано Карпини и Рубрук. Оба эти путешественника, как и Марко Поло, рассказывают о поклонении монголов войлочным идолам.⁴ И если бы подобное было присуще узбекам-казахам, то может быть недалеко был от истины Рузбехан, обронивший в своем интересном труде фразу, что «казахское войско в минувшие времена, когда появился на сцене истории Чингиз-хан, назывался татарским войском и (под этим названием) оно известно и упомянуто (в сочинениях) на арабском и персидском языках».⁵

Таким образом, из всего сказанного следует, что 1) узбеки не были выходцами из Золотой Орды и не доказано, что они получили свое имя

¹ См. извлечения из вышеназванного (в прим. 4 на стр. 23) труда Абдураззака Самаркандского в «Сборн. матер.», т. II, стр. 258 тадж. текста и стр. 199-200 русск. перевода.

² *تاریخ ابوالخیرخانی* ркп. ИВАН УзССР, за инв. № 5392, стр. 29-30.

³ *ظفرنامه* Шерефуддина Езди, принадл. мне рукопись, повидимому, XVI в., лл. 266-276.

⁴ Плано Карпини, Ист. монгалов. Рубрук. Путеш. в Вост. страны; стр. 7-8 и 71. Миннаев И. П., Путешеств. Марко Поло. Перев. старо-франц. текста, СПб., (без о. г.); стр. 88-89.

⁵ *مهمان نامه بخارا* ркп. ИВАН УзССР, л. 96а.

от золотоордынского Узбек-хана, как полагали некоторые. Составляя с так называемыми казахами один народ, узбеки искони жили в степях Дешт-и-Кипчака, поэтому противоречит истине и утверждение других, что вследствие внутренних смут и распрей откочевавшие на восток, к р. Чу, узбеки, отделившись от общей массы, стали называться к а з а к а м и (казахами), т. е. вольными людьми. Между тем это был, как мы видели, лишь один эпизод в истории узбеков-казахов и они от Чу опять прикочевали в свои степи; событие же это вовсе не охватывало весь народ, а лишь его небольшую часть. Поэтому упрочившееся значение слова к а з а к, как «вольный человек» в приложении к целому народу, должно быть пересмотрено, как сомнительное. При всем этом, как нам кажется, следует обратить внимание и на древнее монгольское обозначение повозок для перекочевок термином *hasag* (*hasax*) *tergen*, оставленным акад. Владимирцовым без перевода, каковому термину в турецко-османском (анатолийском) языке, повидимому, соответствует слово *quzaq* — сани, салазки.¹ Не отразился ли этот термин на обозначении имени народа к а з а к (казах)?

2) Никакого союза узбекских племён, как полагают третьи, не существовало, ибо весь уклад жизни узбеков и их общественные воззрения, как вольнолюбивых кочевников, находился в непримиримом противоречии с такою концепцией.

3) Некоторые тюрко-монгольские племена еще задолго до появления узбеков Шейбани-хана в Мавераннахре и Хорасане жили как в степях Дешт-и-Кипчака, так и в Мавераннахре, например, уйгуров мы видим и во владениях Абулхайр-хана, и в государстве тимуридов, где известный Алишер Навои вёл от них свой род;² хитаев склонны были некоторые рассматривать как племя, жившее в Мавераннахре задолго до появления узбеков и монголов, между тем хитаев мы видим среди племён Абулхайра и Шейбани-хана, так же как и карлуков, и других. С другой стороны, некоторые из узбекских племён Шейбани-хана, вроде шинкарлы, шадбаклы и др. не встречаются ни среди тюркских племён доузбекского периода Средней Азии, ни среди узбекских племён последующего, после Шейбани, времени. Можно думать, что они или слились с другими, более сильными, племенами, или по малочисленности своей растворились в остальной массе узбекских племён. Во всяком случае пришедшие в Мавераннахр узбеки нашли в нем ряд тех же самых тюрко-монгольских племён, которые имелись и у них, и тем самым было весьма облегчено слияние пришельцев с некоторыми племенами, обитавшими здесь.

4) Непрестанные распри между узбекскими племенами владений Шейбана и Орды, переходившие в кровопролитные войны с колоссальными ограблениями побеждённых и обращением их в рабов, в XV в. н. э. вылились в более определённую форму борьбы узбекских ханов из дома Шейбана с ханами узбеков-казахов из потомков Чингиза по другой линии. И окончательное обособление узбекских племён Дешт-и-Кипчака, так назыв. узбеков-казахов, от узбекских племён Шейбани-хана совершилось в правление последнего, о чем свидетельствует вся политика Шейбани-хана по отношению к своим соплеменникам, не пошедшим за ним в Среднюю Азию и оставшимся в Дешт-и-Кипчаке.

¹ Bianchi, T. X., et Kieffer, J. D. *Diet turc-francais*, T. II, Paris, 1850, p. 472. Магазаник Д. А., Тур.-русс. словарь, М., 1931; стр. 411.

² تاریخ رشیدی ркп. ИВАН УзССР, за инв. № 1430, л. 127а-б.

«После того, — пишет Рузбехан, выражая взгляды Шейбани, — как пришли в равновесие знамена власти его величества, солнцеподобного хана, и прекратилось существование власти и государства моголов и джагатаев, у ханов Дешт-и-Кипчака начала пульсировать жила зависти. На самом деле им стало очевидно, что вследствие крайней нужды в платье и одежде, основой которой является хлопчатобумажная ткань (каربول), — одежда же и саван необходимы для людей, — им нужно вторгнуться в пределы владений его величества хана, потому что последовал августейший приказ, чтобы население Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало и чтобы между ними и жителями их земель не было общения и посещения купцов. А в другое время даже состоялось повеление ограбить казахских купцов в некоторых районах Туркестана и в городах Хорезма. Его величество, издавая этот приказ, имел в виду полезные и мудрые соображения».¹

Этими соображениями руководился Шейбани-хан в своих опасениях, что его сильные противники, ханы Дешт-и-Кипчака, объединившись, могут вырвать из его рук власть над перешедшей к нему империей тимуридов, польстившись на богатые города и цветущие владения, как на ценнейшую и огромную добычу, которой они могут воспользоваться. Об этом совершенно определённо говорит Рузбехан в нескольких местах своих интересных мемуаров.

¹ محمان نامه بخارا ркп. ИВАН УзССР, л. 77-б.

II

А. А. СЕМЕНОВ

ШЕЙБАНИ-ХАН И ЗАВОЕВАНИЕ ИМ
ИМПЕРИИ ТИМУРИДОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящий очерк, касающийся биографических данных Мухаммеда Шейбани-хана и завоевания империи тимуридов, является только изложением политических событий без всякого специального анализа тех внутренних противоречий, в том числе и причин феодального распада, которые привели к гибели владения тимуридов в самом начале XVI в., сделав их добычей кочевого народа, пришедшего из Дешт-и-Кипчака. Материалы, бывшие в моем распоряжении, хотя и относились, в основном, ко времени описываемых здесь событий, всё же, по моему мнению, были недостаточны для того, чтобы на основании их дать совершенно ясную картину внутреннего состояния империи тимуридов, Султан-Али-мирзы (в Мавераннахре) и Султан-Хусейн-мирзы (в Хорасане и Хорезме). И представлять это состояние, исходя из собственных предположений, неоснованных на фактах, мне казалось делом рискованным. К тому же причина вызывает обычно следствие, в данном случае — нашествие узбеков. Между тем, в биографии виновника образования в Средней Азии узбекского государства, Мухаммеда Шейбани-хана, есть места весьма тёмные, представляющие широкое поле для всяческих предположений и гипотез. К ним, например, относится такое непонятное явление, когда и откуда получилось у Шейбани-хана столь широкое образование, хотя бы и в мусульманско-схоластическом духе? Хорошо известно, что помимо своего родного узбекского языка он отлично знал таджикский язык и литературу, писал хорошим почерком; повидимому, очень хорошо разбирался в богословских вопросах, любил устраивать учёные собрания и вести на них беседы на разные учёные темы, в которых тонкости мусульманского богословия и философии стояли на первом плане. Не мог Шейбани-хан получить такое образование в кочевьях своего деда Абулхайр-хана или на седле своего коня в своей последующей бранной, полной тревог, жизни, даже проживя за это время два-три года в Бухаре и Самарканде. Его постоянный неразлучный спутник, брат Махмуд-султан, принес в 1487 г. своего новорожденного сына к известному самаркандскому шейху Ходже Ахрару (ум. в 1490 г.) с просьбой благословить и наречь его. И Ходжа-Ахрар нарёк ребёнка «по безмерному благоволению к нему» своим собственным именем, Убайдуллоу. Здесь все неясно. Выходит, что брат Шейбани-хана, если не был в числе муридov Ходжи-Ахрара, то, во всяком случае, был в какой-то степени связан с самой влиятельной в Мавераннахре дервишской корпорацией, с орденом «накш-бендия» или «ходжагон». В таком случае, где он жил, откуда прибыл к Ходже Ахрару? Из Дешт-и-Кипчака или из какого-то места во владениях тимуридов? Кроме того, в качестве брата Махмуд-султан там жил и где был в это время, кажется, никогда с ним не разлучавшийся его брат Мухаммед-Шейбани? Из тех сведений, которые дают нам исторические

хроники того времени, видно, что Шейбани со своим братом в эти годы больше всего дрались (с успехом и нередко без успехов) со своими соплеменниками, врагами их дела Абулхайра, в Дешт-и-Кипчаке, а приведенный факт указывает, как будто, на иное течение их жизни. И, наконец, этот мальчик Убайдулла, сын Махмуд-султана, впоследствии верховный глава всех узбеков (1536-1539), самый волевой из всех шейбанидов, множество раз водивший узбеков против кызылбашей и после смерти своего дяди бывший фактическим ханом узбекского государства, — где и когда отлично изучил таджикский и арабский языки настолько, что свободно составлял таджикские и арабские стихотворения и трактаты? Неужели в Дешт-и-Кипчаке или набегом в городах северных владений тимуридов? Может быть ближайший к кочевьям узбеков Дешт-и-Кипчака тимуридский город Туркестан (или другой) был тем рассадником просвещения «в мусульманском духе», где получала образование знатная узбекская молодежь?

В таком случае перед нами открылось бы новое обстоятельство, свидетельствующее о том, что культурное развитие представителей кочевой узбекской знати было на уровне эпохи тимуридов и потому-то культурные традиции этой последней эпохи могли спокойно развиваться и при господстве узбеков.

Мухаммед-Шейбани-хан, родившийся в 1451 г., по данному ему в детстве прозвищу «Шахбэшт» (Царственное счастье), прошел суровую школу жизни. Он и его брат Махмуд-султан в раннем детстве потеряли своего отца Шах-Будак-султана, сына Абулхайр-хана, и дед взял сирот к себе на воспитание, поручив их надзору и попечению старого дядьки их отца, уйгуру Бай-шейху «кукельташу». По смерти Абулхайр-хана (в 874/1468-69 г.) его эмиры с общего согласия поручили сирот попечению некоему Карачин-беку. Слабость и непопулярность преемника Абулхайра, его сына Шейх-Хайдар-хана, вызвали против него восстание некоторых узбекских султанов и хан был убит; его родные и ближайшие сподвижники или погибли в этой войне, или рассеялись по разным местам. Карачин-беку удалось спасти сирот из всеобщего побоища и бежать с ними во владения астраханского Касим-хана, потомка Тимур-Кутлук-хана.

Виновниками гибели Хайдар-хана были Сеййидак-Айбек-хан, сын Ходжи Мухаммед (Махмуд?) хана, Джанибек-хан, сын Барак-хана и Бурке-султан, сын Кирай (Гирей) — Араба (Аббаса). Из них Джанибек-хан являлся правнуком известного противника Тимура, Урус-хана (763/1361-777/1375), из Белой Орды или Восточного Кипчака; его сына, Куйричук-хана, Тимур, после разгрома Тохтамыша, сделал ханом Золотой Орды в 1395 г. Сын этого Куйричук-хана, отец Джанибека, Барак-хан также был ханом Золотой Орды. «Русские летописи говорят о вторжениях его в пределы нашего отечества: Восточные историки подробно описывают войны его и сношения с известным Улуг-беком, внуком Тимура».¹ Сеййидак-Айбек был сыном, повидимому, того Махмуд-хана, могущественного государя Узбекской страны, с которым, как выше упомянуто, был в дружественных отношениях преемник Тимура, Шах-Рух. Бурке-султан был сын, несомненно, того Кирай-хана, который бежал с Джанибеком в Моголистан от Абулхайра, деда Шейбани-хана. Таким образом, ожесточёнными противниками узбеков Абулхайр-ханова дома являлись ханы и царевичи Белой и Золотой Орды и это обстоятельство лишний раз доказывает, что главы племён улуса Шейбана добивались первенствующего значения только путем ожесточённой борьбы с сильными родовичами племён Восточного Кипчака, и эта крайняя неприязнь

¹ Вельяминов-Зернов В. В., Исследов. о Касим. царях и царев., т. II, стр. 122.

к двинувшимся с севера, из пределов Сибири, своим соплеменникам узбекам и к другим, приставшим к ним по пути узбекским племенам из Дешт-и-Кипчака, не прекращалась, как видим, и потом, когда Шейбани упрочивал свое государство в Мавераннахре.

Вышеназванные султаны, свергнув с престола Шейх-Хайдар-хана, вскоре обратили свое оружие против Касим-хана и принудили его запереться в Астрахани, его столичном городе, где оказались и сироты Шах-Будак-султана. Касим-хан, желая спасти их от всяких случайностей осады, решил во что бы то ни стало, тем или иным путем, удалить их из города вместе с старым их пестуном Карачин-беком, поручив их охрану и безопасность небольшому отряду, и отправить их в другое место. Для этого была сделана ночная вылазка с целью нападения на неприятельский лагерь. Во время общей суматохи и боя лицам, вывозившим молодых людей, удалось выскользнуть из кольца осады. Когда весть о спасении внуков Абулхайр-хана разнеслась по кочевьям, то вызвала у многих лиц из степной аристократии большие надежды на наступление лучших времен тем более, что оба принца были вполне возмужалыми людьми.

Старые, поседевшие в боях, бывшие сподвижники Абулхайр-хана и молодёжь целыми группами поспешили присоединиться к молодым принцам, вокруг которых таким образом образовался отряд в несколько сот человек. Пылкий и отважный Мухаммед-Шейбани, хорошо помнивший все невзгоды и опасности, только что перенесенные им от врагов и убийц его дяди, решил отомстить одному из тех, кого он считал наиболее повинным в крушении своей юной беззаботной жизни. Это был один из узбекских ханов, кочевавших где-то в районах амударьинского низовья, Ахмед-хан; несмотря на его большие силы, Мухаммед-Шейбани с братом напал со своим слабым отрядом на этого противника, оба проявили безумную храбрость в битве, но одолеть врага не могли и удалились в ту часть Туркестана, которая входила в состав владений тимурида, Султан-Ахмед-мирзы, сына Султана Абу-Са'ид-мирзы (872/1468-899/1494). В это время правителем тимуридского Туркестана был эмир Мухаммед-Мазид-«тархан», который оказал радушный приют обоим принцам и их дружине, с одной стороны, повидимому, потому, что это были внуки столь хорошо известного тимуридам Абулхайр-хана, замужем за которым была дочь Улуг-бека, неоднократно помогавшего им в их разных династических распрях, а с другой стороны, покровительство этим молодым людям, находящимся в смертельной вражде с узбекскими султанами прилежащих к Туркестану безбрежных степей, могло отвлечь жадные взоры кочевников от набегов на культурные оазисы. Проведя лето и зиму в Туркестане, усиленный приливом к нему новых сторонников из некоторых узбекских племён, обладая большими запасами провианта, Мухаммед-Шейбани послал своего брата, Махмуд-султана, с некоторыми военачальниками в набег на улусы своих врагов, откуда они вернулись с богатой добычей. Однако подобные набеги и тот факт, что их совершают внуки Абулхайра, базируясь на тимуридские владения, заставили одного из наиболее пострадавших узбекских главарей с сильным войском двинуться на Туркестан. Узнав об этом, Мухаммед-Мазид-«тархан», сидевший в сильной приграничной крепости Отрар, посоветовал принцам покинуть на некоторое время Туркестан и удалиться в Самарканд, очевидно, рассчитывая, что он укажет на фактическое отсутствие в его области внуков Абулхайра и тем отстранит враждебные действия кочевников. **На пути**

в Самарканд, у Сайрама, малочисленный отряд Мухаммед-Шейбани подвергся нападению одного из враждебных ему узбекских ханов и, несмотря на отвагу обоих принцев и их отряда, они были на голову разбиты. Оставшиеся в живых спутники Шейбани почти все рассеялись. Он сам с братом и с немногими из своих людей едва спасся и вместо Самарканда направился в Бухару, Тем его очень радушно принял местный правитель, Мир-Абдулали-«тархан», оказавший беглецам трогательное внимание. По получении в Самарканде донесения о прибытии в Бухару внуков Абулхайр-хана, Султан-Ахмед-Мирза, наслышавшись о храбрости и отваге Шейбани, о которых говорили очень многие, приказал своему бухарскому наместнику привезти его к нему. В Самарканде Мухаммед-Шейбани нашел не менее радушный приём у самого Султан-Ахмеда, чем у его наместников. Тимурид был очень внимателен, ласков и щедр к своему гостю, пробывшему в Самарканде несколько дней. После этого Мухаммед-Шейбани вместе с Абдулали-«тарханом» вернулся в Бухару и там в течение двух лет усердно занимался своим образованием, главным образом, под руководством одного из лучших тогда чтецов Корана, Мовланы Мухаммед-Хитайи. Может быть, под влиянием этого своего наставника любовь к поэзии и науке у Шейбани осталась на всю жизнь. И при всей своей бранной жизни, в любом городе и месте, где он останавливался, он любил беседовать с учеными, с суфиями и поэтами.

Предаваясь науке в древней столице Мавераннахра, вместе с тем он ни на минуту не забывал и тех целей, к которым влёк его властолюбивый и мстительный дух: он старательно готовился к затевавшейся им военной экспедиции в родные степи. И, наконец, запасшись необходимым военным снаряжением, Мухаммед-Шейбани распростился с бухарским наместником и направился в родной Дешт-и-Кипчак.

Достигши пограничного укрепления Аркук, где судьей и вместе с тем комендантом был один из его доброхотов и сторонников, Шейбани получил крепостные ключи, был введен в укрепление и принят самым любезным образом с подношением ему подарков и с устройством в честь его празднеств. Скоро и, повидимому, столь же легко, перешли к Шейбани и другие крепости того же района, в том числе и наиболее важная из них, Сыгнак (развалины в 10 км от б. почтовой станции «Тюмень-арык» в направлении к Кызыл-Орде).

Когда Шейбани остановился в Сыгнаке и о его успехах и прибытии в укрепление узнали в степи, то правитель Дешт-и-Кипчака, Муса-мирза мангыт, втайне сочувствовавший Шейбани и желавший, чтобы он был ханом в этих местах, послал к нему посла, с которым Шейбани выехал на свидание с Муса-мирзой. Последний оказал ему в своем доме большой почёт и уважение, посадил его на ханское место и преподнёс разные, приличествующие его достоинству, подарки. Через несколько дней после этого, пока Шейбани гостил у Мусы-мирзы, было получено сведение, что один из недругов его дома, Бурундук-хан,¹ с тысячью всадниками вступил в Дешт-и-Кипчак с целью захвата Шейбани и его пособника, Муса-мирзы. Последний, обеспокоенный и огорчённый этим известием, передал его Шейбани, указывая, что у них обоих очень небольшие силы и борьба будет неравная. Но Шейбани не струсил, выступил против Бурундука и увлёк за собою Муса-мирзу с его отрядом мангытов.

¹ Он был ханом после вышеупомянувшегося Кирай (Гирей)-хана. См. تاریخ رشیدی ркп. ИВАН УзССР, за инв. № 1490, лл. 173-6—174-а.

Происшедшее затем сражение кончилось полным разгромом армии Бурундук-хана и захватом огромной добычи в его улусах. При этом произошёл небезынтересный случай: Муса-мирза пообещал было Шейбани, до этой его победы, провозгласить его ханом, а теперь, заведя об этом речь со своими эмирами-мангытами, не нашел у них сочувствия, потому что они указали Муса-мирзе, что испокон века было заведено так, что всякий хан, которого они избирали, волю в государстве представляли эмирам племени мангыт и если теперь Шейбани захочет подчиниться этому древнему обычаю, то будет хорошо, а если нет, то нам его и не надо. Зная властолюбивый и самостоятельный характер Мухаммеда-Шейбани, Муса-мирза больше не заводил с ним об этом речи.

Тем временем к Шейбани прибыл бежавший из Отрара от тимуридского правителя, вышеупомянутого Мухаммед-Мазид-«тархана», некий эмир Бек-Ата и преподнёс Мухаммеду-Шейбани книгу, поэму «Искандер-Намэ» (Книга об Александре (Македонском) на турецко-османском языке, принадлежащую перу Ахмеда Руми (автора XV в.); в ней Шейбани поразило четверостишие, находившееся в конце и содержавшее мощный призыв к активным действиям, под ударами которых сокрушится даже держава Тимура. Шейбани глубоко врезались в память эти стихи и он решил всегда в жизни «дерзать», несмотря ни на какие трудности. И потом, когда уже в его руках были все владения тимуридов, Хорезм и Хорасан, он нередко вспоминал, что своим успехам он обязан четверостишию в книге, которую ему когда-то подарил Бек-Ата.¹

Так по крайней мере рассказывается в редкой рукописной истории «Шейбани-Намэ», которую переписал собственноручно сам Шейбани совместно со своим секретарем и которая хранится в Институте вост. АН УзССР. Нечто в другом варианте о первых выступлениях Шейбани рассказывается в суфийском источнике. Проживая в Бухаре, при вышеупомянутом наместнике Абдулали-«тархане», Шейбани стал учеником (муридом) шейха Джемаледдин-Азизана. Страшно завидуя Абдулали и снедаемый честолюбием, Шейбани часто говаривал: «этот Абдулали ведь не эмир же родом, а правит целой областью, а вот я — природный принц, лишен права повелевать! Почему такая несправедливость?!».

Однажды, не выдержав, он пришел с таким вопросом к своему духовному наставнику, поведав ему свое огорчение, но тот очень холодно отнесся к словам Шейбани и с упреком заметил ему: «я вижу, что у тебя в мыслях свергнуть Абдулали и самому занять его место. Прошу тебя больше не приходить ко мне с подобными замыслами!». Повидимому, древняя и основная суфийская мораль — нестяжания всего земного была еще жива в этом шейхе, происходившем из высокочтимой семьи Керминейских азизанов. Шейбани обиделся и, выходя от шейха, заметил: «ну, что ж! В таких местах найдется и другой у меня славный и уважаемый шейх».

Вскоре Шейбани перешел в ученики известного тогда бухарского шейха Мансура. Однажды он посетил своего учителя на дому и во время разговоров шейх заметил ему: «а ведь ты, узбек, хочешь быть падишахом!». И приказал подать кушать. Когда все было съедено и пришедшая прислуга, собрав посуду и края скатерти, унесла все, шейх заметил: «как скатерть собирают с краёв, так и ты начни с краёв государства».

¹ شیبانی نامه приписываемая Бенаи история Шейбани-хана; принц, мне хивинская рукопись в списке 1333/1914-15 г., лл. 3-а—12-б,

Шейбани, будто бы, внял этому, весьма недвусмысленному, совету и поступил по указанию шейха Мансура.¹

Как бы то ни было, но, повидимому, у волевого авантюриста-властолюбца, каким был Мухаммед-Шейбани, во время этих военных действий на окраинах его родных степей зародилась наиболее верная для того момента мысль, что добиваться власти ему, изгою, над своими беспкойными, вечно движущимися, племенами и родами с их свободолюбием и неорганизованностью, с их войлоковывыми и влиятельными родовыми ханами и султанами — предприятие, по меньшей мере, ненадёжное и мало выгодное. Здесь же, во владениях тимуридов, откуда он начинал свою экспансию в Дешт-и-Кипчак, налицо были прочно сложившиеся устойчиво организованной государственности: при раздроблённости империи тимуридов на ряд владений, при соперничестве и внутренней слабости удельных правителей, — все здесь могло способствовать переходу власти к тому честолюбцу, который нападет на это богатое государство и, оставив народу те же порядки в его внутренней и общественной жизни, захватит верховную власть в свои руки. Разумеется, при этом могут пострадать интересы отдельных групп, может быть, будут местами весьма стеснены в своих земельно-водных и пастбищных интересах массы земледельческого и кочевого населения, — но кто же из всех завоевателей и воителей когда-нибудь думал об этом? Наоборот, первенство в завоёванной стране должно принадлежать победителю, его сподвижникам и пособникам, как вознаграждение за их «тяжкие труды, раны и пролитую кровь». И не напрасно в переписанной самим Мухаммед-Шейбани² вышеупомянутой его собственной истории мы находим горячо написанные строки, как превратности судьбы отдали обширные владения Улуг-Бека в руки Абу-Са'ид-мирзы, когда-то молодым человеком в ничтожестве жившим при дворе своего знаменитого родственника, как потом другой честолюбец, отважный родственник Абу-Са'ид-мирзы, Султан-Хусейн-мирза, выступив с ничтожными силами против своего могущественного государя, в конце концов овладел его империей.² Все эти примеры, несомненно, пленяли пылкое воображение молодого узбекского принца и рисовали ему, в случае его успеха, самые светлые и радостные перспективы, причем те его соплеменники, которых теперь так трудно заставить признавать его главенство, и многие ханы, которые идут против него войной, тогда все примкнут к нему и пойдут за ним, жадные до наживы и грабежей.

Расчеты честолюбца оказались правильны, а его энергия, неустранимость и всегдашнее присутствие духа помогли ему осуществить свои мечты. Не менее того способствовала этому и всегдашняя политика тимуридов вовлекать узбеков в свои распри и в защиту своего государства, держались они ее и теперь, когда у них под рукой был такой способный и храбрый узбекский витязь, воспринявший к тому же их культуру.

Последующие события были таковы. Вернувшись из Дешт-и-Кипчака в Сыгнак и проводя там зиму, Шейбани услышал, что владетель Сузакка, Махмуд-Султан, сын Джанибек-хана, славившийся по всем степ-

¹ لمحات من نفحات الانس, шейха Алим-азизана. Ташкент, 1327, стр. 102-103.

² شیبانی نامه, вышеназв. рук., лл. 96 и 116—12а.

ным улусам своей храбростью и удалью, выступает против него с большими силами. Несмотря на отговоры своего окружения не рискуя вступать в бой с врагом в открытом поле, Шейбани не послушался эти советы и в жестокие морозные дни выступил против Махмуд-султана совершенно неожиданно напал на него под самым Сузаком, когда шло сильнейший снег, что люди и лошади глаз не могли открыть; сузак был разбиты и рассеяны по степи; победитель с большой добычей вернулся в Сыгнак. Но потерпевший поражение Махмуд-султан обратился за помощью против Шейбани к вышеупоминавшемуся Бурундук-хану последний, учитывая то обстоятельство, что при дальнейших успехах, степи Шейбани не даст ему пощады, охотно пришел на помощь Махмуд-султану. Их объединенные большие силы встретились у перевала Сугунлук (в Кара-тауских горах), между Сузаком и Сыгнаком, в прошедшем жарком сражении, где был убит Махмуд-султан, Шейбани потерпел неудачу и вынужден был удалиться на полуостров Мангишлак где провел зиму. Тем временем самаркандский тимурид Ахмед-мирза подвергся со стороны Ташкента нападению моголов (джетте), которые производили набеги на Самаркандские районы, угоняли скот, грабили население и вообще причиняли большой вред мирному народу. Ахмед-мирза поручил своему бухарскому наместнику, Абдулали-«тархану» вызвать к нему Мухаммеда Шейбани для защиты северных границ государства от моголов через послывавшееся ему письмо самого Ахмед-мирзы. Абдулали послал с этим письмом конного дружинника (нукера) Мангишлак через Хорезм к Шейбани. Последний, беспрепятственно пропущенный со своим отрядом через подвластные Султан-Хусейн-мирзе Хорезм и Каракуль, прибыл в Бухару, а оттуда направился в Самарканд но тут Шейбани пришлось столкнуться с чрезвычайно враждебно настроенными против него сановниками Ахмед-мирзы, которые, повидимому, знали, на что способен этот человек, боялись его и не доверяли ему, всему его отряду и бывшим с ним узбекским султанам. Объединившиеся в этих подозрениях и страхе, эмиры Ахмед-мирзы составили заговор против Шейбани, о котором его, однако, тайно уведомили некоторые его самаркандские благожелатели. Поэтому на первое свидание с Ахмед-мирзой Шейбани явился с отрядом в 300 человек, а на второе приглашение пожаловать на устроенный в честь его пир Шейбани и совсем отказался прибыть, боясь, повидимому, отравы или чего-либо другого в этом роде. Ахмед-мирза, услышав об этом отказе Шейбани, немедленно послал к нему знатнейших сановников, которые поклялись Шейбани, что никто не думал сделать ему чего-либо худого, что все это напраслина, что истинное благородство в том, чтобы забыть о проступке, которого никто не собирался сделать. Все закончилось обоюдными любезностями и примирением. Ахмед-мирза и Мухаммед-Шейбани вместе выступили из Самарканда против моголов по ташкентской дороге, прошли «Змеиное ущелье» (Йилан-Ути) и дошли до г. Шахрухии (на правом берегу Сыр-Дарьи, в 15 км выше впадения Ангрена). Здесь Шейбани неожиданно покинул Ахмед-мирзу и, решив присоединиться к моголам, направился ташкентской дорогой в Туркестан. Переправившись через Чирчик, Шейбани остановился у укрепления Чукур, где его встретил передовой могольский отряд, выслеживавший войско «джагатаев», т. е. тимурида Ахмед-мирзы. Моголы, увидя издали отряд Шейбани и решив, что это самаркандцы, бросились было на них, но Шейбани, у которого осталось тяжелое чувство обиды на Султан-Ахмед-мирзу, послал сказать моголам,

что у него нет к ним неприязни, а если таковая и есть, то только к «джатаям», и что он желает быть в мире с главою моголов, Султан-Махмуд-ханом. Кончилось всё тем, что моголы и Шейбани со своим отрядом направились в Ташкент, бывший резиденцией Махмуд-хана. Там Шейбани был очень радушно принят ханом и стал его гостем и союзником.

Когда весть об измене Шейбани дошла до Султана Ахмеда, тот был весьма поражён этим обстоятельством и пал духом; перейдя Чирчик в своем движении вперед, тимурид теперь решил переправиться через реку обратно, но не успел, ибо моголы стремительно напали на него и нанесли ему жестокое поражение, а так как было время половодья, то разбитые самаркандские войска, спасаясь от настигавших их неприятелей, бросались в реку и гибли массами в ее быстрых волнах. Этим поступком Шейбани порвал с Ахмед-мирзой и тем самым бесповоротно определилась и судьба всего наследия Тимура.

Последовавшие затем три-четыре года прошли для Шейбани и его брата Махмуда в непрерывных пограничных войнах с враждебными ему узбекскими ханами и султанами; то он овладевал теми или иными их крепостями в низовьях Сыр-Дарьи, вроде Аркука, Сыгнака, Узгенда и др., то его оттуда изгоняли, то он вступал в дружественные отношения со своим старым знакомым, тимуридским наместником Туркестана, Мухамед-Мазид-«тарханом», то присоединялся к его врагам. Словом, всё его поведение степного авантюриста-удальца, безпринципного, думавшего только о захвате власти в свои руки и о своих личных выгодах, чрезвычайно напоминало действия некоторых казахских султанов XVIII-XIX столетий в районах Оренбургской и Сибирской линий.

Вынужденный в конце концов уступить Сыгнак своему врагу Бурундук-хану, но значительно усиливши свой отряд кочевниками разных племен и имея в своем обладании некоторые укрепления, Шейбани устремился теперь на Хорезм, надеясь захватить владения Султан-Хусейн-мирзы. Ему удалось овладеть пограничной со степью хорезмийскою крепостью Тирсак, укрепить ее и, оставив в ней свою семью, ценности и обоз, а комендантом своего брата Махмуд-султана, предпринять военные действия против других опорных пунктов оазиса. Но присылка Султаном Хусейном в Хорезм сильных подкреплений из Хорасана затормозила дальнейшие успехи Шейбани, хотя его набеги то на одну часть Хорезма, то на другую вносили большое смятение в мирную жизнь этой области.

Бросившись из Хорезма на юг, Шейбани овладел крепостью Адак, лежавшею на главном пути Ургенч-Астрабад, и отсюда сделал огромный набег на Астрабад, где его менее всего ожидали. Подвергнув ряд местностей грабежу и убийствам, Шейбани вернулся в Тирсак, отягченный разной добычей и гоня многочисленные стада отбитого у населения скота.

Одновременно с этим Шейбани получил из Ташкента от своего союзника, могольского Султан-Махмуд-хана, известие, что им взята у тимуридов пограничная крепость Отрар, ее начальник и комендант, Мухамед-Мазид-«тархан», изгнан и что он, могольский хан, дарит теперь эту крепость Шейбани. Последний поспешил лично прибыть в Отрар и принять этот важный пункт из рук могольского хана. Вскоре в руки Шейбани перешёл также сильно укрепленный Сайрам и Еси (подле современного г. Туркестана), вследствие чего он оказался обладателем большей части той обширной области, которая называлась тогда общим термином

Туркестан; дальнейшие захватнические планы Шейбани не только лелеялись им одним, но и всеми его эмирами и приближёнными, твердо стоявшими на том, что всё, незанятое Шейбани, будет им захвачено до того еще как в том будет необходимость. Эти верные соратники, самоотверженно служившие ему во всех перипетиях его бурной жизни, имена которых сохранили нам источники того времени, принадлежали, как выше было упомянуто, к племенам и коленам: найман, курлаут, ички, дурмень, кият хитай, тангут (тангит), туман, кунграт, уйгур, чимбай, шункарлы, шад баклы и йиджанклик (йиджан). Однако старые враги Шейбани-хана не успокоились. Бурундук-хан и другие сыновья Джанибек-хана по просьбе бывшего коменданта Отрара, Мухаммед-Мазид-«тархана», с большими силами выступили против Сайрама и, войдя в тайные сношения с тамошней знатью, вызвали восстание горожан против узбекского гарнизона последний был перебит, его начальник, брат Шейбани, Махмуд-султан был захвачен в плен (из которого ему, впрочем, удалось вскоре убежать). Овладев Сайрамом, враждебные Шейбани узбекские султаны осадили его в Отраре, но приход к осажденным на помощь из Ташкента могольского хана Султан-Махмуда заставил султанов не только снять осаду, но и заключить мир с Шейбани-ханом. Однако вскоре, разгадав честолюбивые захватнические замыслы Шейбани-хана и опасаясь за судьбу своих владений, могольский хан вступил в дружественные сношения с враждебными Шейбани-хану узбекскими ханами и султанами и заключил с ними союз против Шейбани, поставив целью вытеснить его из занятых им присырдарьинских пространств с их опорными пунктами. Последовавшие затем ожесточенные военные действия союзников против Шейбани-хана, сопровождавшиеся большим опустошением Туркестанской области, хотя и вызвали потерю Шейбани-ханом Еси и Сайрама, однако, в конце концов окончились миром, столь непрочным и коварным, как непрочны и неискренни были, как увидим ниже, все такие обещания и клятвы кочевников.

Тем временем умерли: самаркандский тимурид Ахмед-мирза, не оставив после себя потомства, и его брат, правивший Ферганою, Омар-шейх, которому наследовал его сын Султан Бабер-мирза (иначе Султ а н - Б а б у р). Кратковременное правление в Самарканде брата Ахмед-мирзы, Султан-Мухаммед-мирзы (умершего через шесть месяцев власти), закончилось переходом Самарканда и Бухары в руки его несовершеннолетнего сына Байсонкур-мирзы, вследствие чего усилилось влияние в государстве разных безответственных лиц из правящей знати и соперничество между собою эмиров, чем было вызвано падение авторитета верховной власти в государстве и упадок последнего со всякого рода внутренними нестроениями. Шейбани-хан за это время, несмотря на мирный договор с Бурундук-ханом и другими сыновьями Джанибек-хана, успел вновь овладеть крепостями Сайрам и Еси и упрочить свое положение в степи.

Воспользовавшись тем, что ташкентский Султан-Махмуд-хан ушел в поход на Андижан, а в Ташкенте войск почти не осталось, Шейбани-хан предпринял поход на Ташкент, произвел небывалое опустошение и грабёж окрестностей города, захватив множество всякой добычи и пленников, но города ему не удалось взять вследствие неожиданного возвращения из похода Махмуд-хана. Захватив с собою всю добычу, Шейбани ушел в Туркестан, в свои владения. Оттуда он обратился с воззванием ко всем своим родственникам, а также к сподвижникам и приверженцам,

которые когда-либо состояли у него на службе и которых последующие превратности судьбы рассеяли по разным местам, заставив многих найти приют во вражеских владениях. Шейбани приглашал их всех вернуться к нему и воспользоваться теперь тем покоем, который они заслужили. На это приглашение прибыли его дяди и ряд знатных узбекских родовичей. Теперь, собрав их вокруг себя, Шейбани-хан решил начать поход на Самарканд, где в то время номинальным правителем был Султан-Али-мирза, младший сын Султан-Махмуд-мирзы. Сделанные самаркандцами мероприятия по укреплению Самарканда и его района побудили Шейбани на этот раз отказаться от осады города, но состояние внутри государства Султан-Али, в смысле его военной обороны, было на редкость безнадежное, потому что Шейбани-хан, миновав Самарканд, проник до Карши, а оттуда до Шахризьба, разграбил эти далекие города и с большой добычей вернулся к себе. Эта рекогносцировка-набег воочию убедила узбеков, что захват ими соседних тимуридских владений — дело весьма нетрудное.

Заручившись помощью ташкентского Султан-Махмуд-хана, с которым Шейбани опять помирился и который теперь прислал ему 5000 отряд своих моголов, Шейбани-хан направился к Самарканду. Сильные укрепления последнего не могли остановить решимости узбеков, и Шейбани начал было вести успешную осаду города, несмотря на геройскую защиту его гарнизоном и жителями, принимавшими деятельное участие в вылазках против осаждающих. Но полученное известие о походе на помощь осаждающему Самарканд бухарского наместника, эмира Мухаммед-Баки-«тархана» с войсками, заставило Шейбани снять осаду и преградить бухарцам дорогу. Двинувшись навстречу им, Шейбани-хан встретил их у крепости Дабусия (развалины подле г. Зияуддина, у станции того же имени Ср.-Аз. железной дороги); в происшедшем сражении бухарский наместник был разбит и поспешил укрыться за крепкими стенами Дабусии. А Шейбани, решив, что из-за выступления из Бухары Мухаммед-Баки-«тархана» во второй столице самаркандских тимуридов войска осталось очень мало и защищать ее некому, форсированным маршем направился на Бухару. После трёхдневной осады вся знать города постановила сдать Бухару Шейбани-хану, вследствие этого явившаяся в его ставку депутация с подарками поднесла ему ключи столицы и была им обласкана. А после того вышли из города все знатные и власть имущие бухарцы, духовенство, суфийские шейхи, муллы и проч. и были приняты Шейбани-ханом в торжественной ауденции и удостоены разных милостей. Правителем Бухары (даруга) им был назначен постоянно общавшийся с бухарцами, их добротой, эмир Мухаммед-Салих. Он отправился в город вместе с вышеназванными влиятельными бухарцами и успокоил население заверениями, что никакого вреда им и их имуществу не будет причинено.

Весть о поражении бухарского наместника и о взятии Бухары Шейбани-ханом произвела в Самарканде удручающее впечатление. К тому же там происходили большие нелады в правящей верхушке, среди которой занимал первенствующее место бывший комендант Отрара, вышеупомянутый эмир Мухаммед-Мазид-«тархан», забравший в городе и его районе всю власть в свои руки, ни во что ставивший Султан-Али-мирзу и не допускавший его ни к каким самостоятельным действиям. Вследствие этого вражда между этими лицами была чрезвычайная. Узнав из верных источников, что Султан-Али хочет погубить его, эмир Мухаммед,

забрав своих детей, вместе с некоторыми другими эмирами ночью бежал из Самарканда в его окрестности. Султан-Али, услышав об этом, приказал конфисковать все имущество беглеца, а его домашних заключить в тюрьму. Но это во-время узнал один из самых влиятельных представителей самаркандского дервишизма, ходжа Кутбuddin Мухаммед-Яхья второй и самый любимый сын известного Ходжи Ахрара, которому последний передал руководство орденом «ходжагон».¹ Он поспешил и репретировать в свой дом гарем и имущество эмира Мухаммеда, потому что этот прелат пользовался таким влиянием и уважением в народе, что и свидетельству современного ему источника, «если кто-либо находил под его покровительством, то ни у одного тимурида, ни у кого-либо другого, не было дела до этого человека». Султан-Али теперь стал сильно опасаться каких-либо действий со стороны покинувшего Самарканд эмира; воспользовавшись его отсутствием все те самаркандские эмиры прочие военачальники, которые имели основание бояться упомянутого лица во время его всемогущего положения в городе и в свое время скрылись, теперь все появились в Самарканде и заняли в совете Султан-Али первенствующее положение. Эмир Мухаммед-Мазид, оказавшись в крайне безвыходном положении, послал верного человека в Андижан к султану Бабуру с просьбой прибыть в Самарканд, ибо Султан-Али не имел сил выполнить свои обязанности по защите Самарканда, а другого человека он направил в Ташкент к проживавшему там брату Султана-Али Султан-Увейс-мирзе, обещая ему захват Самарканда в его пользу. От эти тимуридских принца отозвались на это приглашение и поспешили в Самарканд. Шейбани-хан, узнав об этом и посоветовавшись со своими эмирами, решил «употребить лекарство раньше, чем проявится болезнь» и потому спешно выступил из Бухары с войском на Самарканд. Но в Таткенде (теперь большое селение между Хатырчи и Катта-Кургано) его нагнал курьер оставленного им в Бухаре правителя Мухаммед-Салха; последний срочно доносил, что некоторые лица из бухарской знати решили сдать город эмиру Мухаммед-Баки, который из Дабусии бежал в Карши и теперь идет оттуда к Бухаре. Шейбани-хан немедленно и возвратил свою армию обратно на Бухару и неожиданно оказался перед стенами.

Эмир Мухаммед-Баки, бывший уже в окрестностях города, не решился вступить в бой с узбеками и ушел обратно в Карши, где укрепился и стал выжидать дальнейших событий. Шейбани произвел крутую расправу с бухарцами: из виновных лиц в измене одни были преданы смерти, другие превращены в пленников в наказание всем прочим, чтобы они впредь ничего подобного не замыслили; все их имущество было отдано узбекам на поток и разграбление, точно также было поступлено домами и имуществом всех подозревавшихся в городе лиц, которые также были казнены. На всех горожан, от млада до велика, была наложена крупная контрибуция; всё найденное воинское снаряжение и оружие конфисковалось, все девушки были взяты в плен и городские укрепления приказано было разрушить. Правителем города и его района был оставлен брат Шейбани, Султан-Махмуд.

В это время в Самарканде царили необыкновенное волнение и во

¹ رشحات، Али, б. Хусейн-Ваиз-ал-Кашефи. Лукнов. 1323/1905, стр 321 и след.

общее беспокойство. Эмир Мухаммед-Мазид, опасаясь Султан-Али-мирзу, удалился со своими сыновьями и некоторыми эмирами в Шахрисябз и там собирал большие войска, готовясь начать военные действия против тимурида; к нему примкнули и некоторые из эмиров ближайших к Самарканду мест. В самом Самарканде сыновья Ходжи Ахрара во главе с Ходжей Мухаммед-Яхья и почти вся знать объединились и поглялись поддерживать Султана-Али и не изменять ему; большинство тюркских эмиров совместно с джагатайскими эмирами (т. е. из отуреченных монгольских племён) также заявили о своей безусловной преданности верховной власти и теперь ожидали лишь призыва вступить им в бой. Настроение же народной массы было подавленное и смятенное; положение с хлебом стало затруднительным, в народе поднимался ропот и недовольствие. Когда же Шейбани подходил с войсками к Самарканду, то первыми трусили представители дервишских кругов. Султан-Али, созвав ходжей на совещание ввиду приближения неприятеля и создавшегося чрезвычайно опасного положения, захотел выслушать их мнение, — один из шейхов откровенно заявил, что он настолько боится грядущего, что и передать не может, почему просит его немедленно отпустить с семьёю в Ташкент. Сколько не упрасивали этого шейха все прочие и сам султан не делать этого, ибо это произведёт весьма неблагоприятное впечатление на народ и еще больше удручит его, — все оказалось бесполезным и шейх покинул с семьёю город в тот же день. Стал заметно колебаться в своей верности Султану-Али и влиятельнейший в Самарканде «великий ходжа» Мухаммед-Яхья, он тоже не прочь был покинуть город, если бы у него не была столь большая семья. По существу переставший надеяться на кого-либо, Султан-Али сам занялся подготовкою защиты столицы, всячески призывая горожан оказать сопротивление узбекам. Тем временем Султан-Бабур по приглашению эмира Мухаммед-Мазид-«тархан» прибыл из Ферганы к нему в Шахрисябз. Другой тимурид, брат Султан-Али, Султан-Увейс-мирза, прибыв из Ташкента и увидевшись с эмиром Мухаммедом, не захотел пускаться ни в какие авантюры и немедленно выехал обратно в Ташкент.

Ходжа же Мухаммед-Яхья, хорошо знавший молодого Бабура и очень расположенный к нему, стал часто посылать ему письма со всякими расспросами. Об этом узнал Султан-Али и, опасаясь, что этот старый лицемер, уверяющий его всегда в своей преданности, Ходжа Мухаммед-Яхья, впустит в город и его заклятого врага эмира Мухаммеда вместе с Султаном Бабуrom, что в равной мере он способен и на другое — сдать город узбекам теперь, когда Шейбани-хан осадил Самарканд, — Султан-Али решил тайне написать от себя письмо Шейбани и послать его к нему. Шейбани, получив это письмо, немедленно послал в Самарканд одного из бывших при нём верных ему бухарцев, принадлежавшего к дервишской корпорации и бывшего когда-то учеником Ходжи Ахрара. Тот с письмом Шейбани сначала явился к Ходже Мухаммед-Яхье, но последний его не принял. Затем посланный отправился к Султану-Али и был принят им наедине с глазу на глаз. Ходже это поведение тимурида весьма не понравилось и он стал его подозревать в нехороших замыслах. Опасения ходжи подтвердились. В одну из пятниц, когда все горожане были в мечетях на праздничной молитве, Султан-Али с небольшой свитой выехал из Самарканда и прибыл в ставку Шейбани; тот встретил и принял его весьма любезно, а чтобы население Самарканда знало в чем дело, приказал бить в барабаны сигналы радости. Ходжа Мухаммед-

Яхья, узнавши о случившемся, приказал укрепить городские ворота и стал побуждать население крепко стоять за оборону города. Однако все было бесполезно: городские эмиры не захотели его слушаться, а население оставалось пассивно к призывам ходить. В конце концов все кончилось тем, что эмиры и городская знать объединились и, выехав к Шейбани с подарками и всякого рода преподношениями, были приняты им и настолько обласканы, что сам Ходжа-Мухаммед-Яхья после этого приема, будто бы, заметил: «если бы я раньше знал такие благородные качества Шейбани-хана, то я никогда не стал бы терять свое время с этими глупыми (тимуридскими) принцами!». Таким образом, древняя столица Тимура без всякого боя капитулировала перед Шейбани-ханом (в 1500 году), который назначил дарую города одного из своих эмиров, а имущество бежавших из города знатных лиц приказал взять в казну. В Бухару было послано извещение о сдаче Самарканда. Виднейшие самаркандские и бухарские представители духовенства и суфийские шейхи ежедневно бывали у Шейбани-хана, который вел с ними разные беседы и, видимо, находил в том удовольствие; при этом победитель не въезжал в город, а находился то в Кан-и-Гиле, то в селении Феррашан, на берегу Зерафшана. Однако подобное мирное течение жизни скоро было нарушено поступившими к Шейбани-хану сведениями, что один из джагатайских эмиров, живший в работе в Самарканде, вооружает своих людей и намеревается ввести их в город, захватить Султан-Али и поднять восстание. Шейбани предупредил этот замысел: приказал схватить Султана-Али и этого эмира и предать их смерти. Кое-кто из знатных самаркандцев, из тех, которые недавно ездили к Шейбани в ставку сдавать город, были арестованы, в числе их и Ходжа Мухаммед-Яхья, повидимому, тоже по подозрению. Имущество знатных лиц, так или иначе вмешавшихся в государственные дела, в числе их и упомянутого ходжи и всех его приверженцев, было конфисковано, причем у этого, отказавшегося от всего мирского, шейха, оказалось столько платья, всякого добра, золота и драгоценных камней, что и учету все это не поддавалось. Достояние джагатайских эмиров Шейбани-хан отдал своим бахадурам, так назывались его ближайшие дружинники. Его оказалось так много, что бахадурь стали обеспеченными на долгие годы. Остались лишь вне всяких подозрений и были осыпаны разными милостями потомки известного самаркандского законоведа и теолога Х в. н. э., шейх-ул-ислама Абу-л-Лейса Самарканди, «которые не в пример прочей знати никогда не вмешивались в государственные дела». Наведя свой порядок в городе и организовав из казавшихся ему преданными самаркандцев аппарат главного управления, Шейбани-хан из чисто династических побуждений женился на красавице-вдове самаркандского тимурида Султан-Ахмед-мирзы, которая была дочерью могольского хана Юнуса и сестрою Султан-Махмуд-хана, правителя Ташкента. Таким образом, глава узбеков, происходивший из улуса Джучи и сам считавшийся потомком в шестом поколении этого сына Чингиза, теперь породнился с домом Джагатая, потомками которого были могольские ханы, в числе их, как мы видели, Махмуд-хан правил Ташкентом.

Любопытно при этом отметить, что несмотря на свой несомненный авторитет среди своих соплеменников узбеков и свою волевою натуру вождя, Шейбани тем не менее вынужден бывал подчиняться требованиям своих беспокойных сподвижников, которые порою предъявляли к нему эти требования в очень настойчивой и ультимативной форме. Своего ро-

да официальная история Шейбани сообщает об очень знаменательном факте такого рода. Узбекские эмиры, недовольные поведением вышеупомянутого самаркандского влиятельного Ходжи-Мухаммед-Яхьи неоднократно указывали Шейбани-хану на необходимость или убить его, или справить на богомолье в Мекку, но Шейбани, всё же уважая ходжу и, видимо, считаясь с его авторитетом в городе, быть может даже, памятуя свою преданность ордену «ходжагон», главою которого был Мухаммед-Яхья, не соглашался на такие требования своих эмиров; «но в конце концов эмиры повели на Шейбани такую атаку, что он потребовал к себе ходжу и сказал ему, что его эмиры признали за благо, чтобы он, ходжа, отправился на поклонение св. местам Аравии. Ходжа-Мухаммед-Яхья собрался в путь и выехал из Самарканда, но Шейбани-хан, по словам историка, «хорошо зная недалёковидность и тупость своих узбекских эмиров», с важным бухарским сановником Махрам-ханом послал вдогонку ходже своего наибогачейшего скакуна, прося намекнуть ходже на словах об угрожающей ему опасности и если он дорожит своей жизнью, то, не связывая себя сопровождавшими его лицами, пусть мчится наибогачейшим образом до Аму-Дарьи и поскорее переправится на тот берег. Но ходжа не расстался с сопровождающими его лицами и, не внявши совету Шейбани, был убит в пути настигшими его узбеками вместе со своими двумя сыновьями, а все его имущество было разграблено (в июле 1500 г.).¹ Свидетельство об этом весьма знаменательно для характеристики того буйного своеволия узбекских родовичей, по существу несчитавшихся с авторитетом ханской власти, которое в конце концов привело к разложению и падению единого узбекского государства.

Однако занятие Самарканда оказалось для Шейбани непрочным; он его потерял также скоро, как и взял. Оставив в городе отряд узбеков численностью около 600 человек в надежде, что во взятом городе невозможно никакое восстание, особенно после ликвидации всех виновных и подозревавшихся элементов из городской знати и после расправы с ними, сам Шейбани с войсками стал за городом, располагая свою ставку то в одном месте, то в другом. Так прошло четыре месяца, за это время продолжавшийся грабёж мирного населения и всякие насилия победителей над побеждёнными как в городе, так и в его районах, очень остро дали почувствовать самаркандцам всю тяжесть выпавшего на их долю порабощения кочевниками. Каждого подозревавшегося в том, что он имеет хоть на динар дохода или один батман зерна, забирала и подвергала пыткам, требуя указать, где у него деньги и хлеб. И по образному выражению историка того времени: «большинство сёл и городов, по коранскому выражению, «сделались равнинами и долинами и не видно на земле ни изгибов, ни возвышений» (сура 20, ст. 106 А. С.) и большую часть обитателей их зданий всплески волн горя и бесчисленные потоки страданий потопили в водовороте всеобщего смятения».

Тогда один из самых в то время влиятельных самаркандских учёных-теологов, Ходжа-Абу-л-Мекарим, потомок известного составителя компендиума по мусульманскому праву «ал-Хидайа», Бурхануддина ал-Маргинани (ум. в 1197 г.), написал письмо девятнадцатилетнему султану Бабуру, в котором извещал Бабура, как теперь легко ему овладеть наследием своих предков, их древней столицей Самаркандом, и чтобы он

¹ شیبانی نامه вышеуп. ркп, лл. 13а 476 حبيب السیر Хондемира, т. III, ч. III, Тегеран. 1271, стр. 285 и رشحت ас-Сафи, стр. 326-327.

поспешил поскорее это сделать, что в такую-то ночь он подойдет к таким-то городским воротам, которые ему будут открыты и общими усилиями все выступят против узбеков, занятых теперь грабежами и всякими безобразиями. Нет сомнения, что Ходжа Абу-л-Мекарим действовал не единолично, а стоял во главе большого заговора против Шейбани. Бабур внял этому приглашению и, перевалив через Зерафшанские горы, Фан и Кштут, прибыл к Самарканду с небольшим отрядом. И в назначенную ему ночь через отворенные ворота был введен в город встретившими его Абу-л-Мекаримом и «всеми сановными и великими людьми» Самарканда. В ту же ночь ферганский отряд Бабура перебил более 300 человек из немногочисленного узбекского гарнизона, а самаркандские жители набросились на помещения узбеков и на дома сторонников Шейбани-хана и предали их разграблению, а их обитателей — убили. С наступлением же дня Бабур был провозглашен падишахом. Шейбани-хан, находившийся в это время в Кан-и-Гиле (в 2 км от Самарканда), узнав о столь неожиданной для него потере Самарканда и не видя для себя возможности с бывшими у него силами взять город, в тот же день направился в свой Туркестан. Тем временем оставшиеся в долине Мианкалы по разным курганам — фортам немногочисленные узбекские гарнизоны или избивались, или изгонялись, и скоро, через каких-нибудь три-четыре месяца, почти все самаркандские туманы (районы) с их опорными пунктами признали власть Султана Бабура. Были взяты у узбеков сильно укрепленные Карши и Гузар. Но вместе с такими успехами положение победителя, юного Бабура, оказалось весьма тяжелым. Несмотря на всяческое с его стороны старание и заботу заслужить расположение народа и войска, последствия узбекского нашествия давали себя чувствовать на каждом шагу. Весь хлеб у населения и правительственные запасы были или съедены, или уничтожены многочисленными узбекскими войсками; наступил необычайный голод и нужда со всеми их последствиями. Чтобы облегчить положение народа, Бабур распустил свои ферганские войска, содержание которых требовало немало хлеба и других продуктов. Этот шаг юного самаркандского падишаха, продиктованный его благими намерениями и неопытностью, имел самые губительные для него последствия. Шейбани-хан, узнав об этом, выступил в поход на Самарканд с большим и хорошо снаряженным войском. Бабур, в свою очередь, наскоро собрал войско, заручился помощью моголов Ташкента и некоторых джагатайских феодальных эмиров и в шеввале 906/в апреле 1501 г. выступил из Самарканда навстречу Шейбани-хану. На берегах Зеравшана оба войска встретились; хотя Шейбани не предпринимал решительных шагов к генеральному сражению, а Бабур, получив сведения о шедших к нему новых значительных подкреплениях со стороны моголов и джагатайских эмиров, мог бы их подождать, он тем не менее не сделал этого и решил, по совету одного из своих военачальников, теперь же дать решительное сражение. Несмотря на всю свою храбрость и стойкость своих войск, проявленные в этом ожесточенном сражении, Бабур был разбит и, потеряв значительное число своих войск с высшим командным составом, вынужден был укрыться за стенами Самарканда. Будущий основатель империи «великих моголов» весьма объективно описывает это несчастное для себя сражение в открытом поле с Шейбани-ханом и даёт интересные сведения о том, как сражались узбеки. Мы позволим себе дословно привести этот пассаж из «Записок» Бабура:

«...Когда линии двух (враждебных) армий приблизились одна к

другой, край правого фланга узбеков обогнул мой левый фланг и зашел ко мне в тыл. Я, (переменив позицию), повернулся к ним фронтом. (В этот момент) старые опытные рубаки нашего авангарда потерпели поражение и были отброшены вправо; и передо мною никого (из них) не осталось. Несмотря на это, мы, однако, атаковали (неприятеля) и, гоня назад, достигли до его центра. Дело дошло до того, что некоторые из опытных военачальников Шейбани-хана говорили ему, что нужно уходить, ибо оставаться дальше (для боя) нельзя. Он (однако) предпочёл остаться. Правый фланг неприятеля, ударивши на наш левый фланг, обошёл его с тыла. Поскольку мои авангарды были отброшены вправо, то мой фронт остался без прикрытия и враг (теперь) начал нас атаковать как с тыла, так и с фронта, осыпая стрелами. Войско моголов, пришедшее ко мне на подмогу, не (только) не приняло участия в сражении, но даже принялось грабить мой народ, стаскивая его (воинов) с лошадей. Но это не единичный пример, а таков (общий) обычай этих злосчастных моголов. Если они побеждают врага, они немедленно принимаются за его ограбление, если же они бывают побеждены, то начинают грабить и стаскивать с коней своих союзников, считая это (своей) добычей. Против нашего фронта враг предпринял несколько яростных атак, но мы их отразили, заставив врагов вернуться (на свои исходные позиции). (Тем не менее) они усилили свои атаки против нашего фронта, а вражеское подразделение, зашедши нам в тыл, стало осыпать градом стрел наше знамя. Таким образом, они (теперь) нападали на нас спереди и сзади, чем заставили наших людей броситься из этого окружения. Великое искусство у узбеков на войне есть *тулг а ма* (они стараются окружить неприятеля и сразу бить его с фронта и тыла); без *тулг а м а* не обходится ни одно сражение. Есть еще у них такой манёвр: когда идут на неприятеля, тогда спереди и сзади бек и его нукеры, все бросают стрелы и сдерживают лошадей, а когда возвращаются назад, скачут врассыпную, бросивши поводья. Теперь со мною оставалось 10-15 человек; река Кухэк была близко, край (нашего) правого фланга доходил до нее». И, воспользовавшись этим, разбитый Бабур с оставшимся при нем небольшим отрядом переправился на северный берег Зерафшана, чтобы уйти от узбеков.¹

Началась осада города Шейбани-ханом, длившаяся четыре месяца, причем штаб-квартирой и обсервационным пунктом, доминировавшим над городом, Бабур избрал медресе Улуг-бека. Несмотря на храбрость осаждённых и их успешные вылазки, положение было весьма тягостным. И без того в скудном продовольственном городе голод достиг ужасающих размеров; скоро ни в одном доме не осталось ни крошки хлеба, исчезли все мучные продукты и жиры; масса народа вынуждена была есть мясо собак и кошек, перестав думать о религиозном запрете столь ужасной пищи; большинство знати кормило своих лошадей листьями дерев, а все прочие—отваренными в воде древесными стружками. Скоро ко всему этому присоединилась анархия и ослабление дисциплины; очень многие, спасая свою жизнь, тайно спускались со стен и бежали в лагерь узбеков. При таких обстоятельствах Бабур, видя безвыходность своего положения, в одну тёмную ночь, во второй половине того же 1501 г., покинул Са-

¹ Baber Nameh. Ed. N. Jlminski; p. 109-110 и Ильминский. Матер. для Джаг. сопряж. (Отд. от. из «Учен. зап. Каз. Ун.» за 1863 г., стр. 8).

марканд с небольшим, около ста человек, отрядом, направляясь в Ташкент, где ему был оказан радушный приём могольским ханом Султан-Махмудом. Шейбани теперь беспрепятственно, второй раз, овладел Самаркандом. Из жителей — кто был в силах, бежал из города, в числе их был и Ходжа Абу-л-Мекарим; схваченный и узанный, несмотря на то, что сбрил себе бороду, он был приведен к Шейбани и тот, увидев его без бороды, спросил, что побудило Ходжу сделать над собою столь постыдное для правоверного мусульманина дело, как сбрить бороду? Ходжа ответил на это таджикским двустишием:

«Кто плюёт в зажжённое богом пламя,
Тот опалит собственную бороду».

Но «зажжённое богом пламя», т. е. Шейбани, несколько не смягчился этим остроумным ответом Ходжи и последний по его распоряжению был казнен, также было поступлено со всеми приверженцами и сторонниками тимуридов. Неизбежные массовые грабежи и убийства населения взятого города сопровождали торжество победителя над столицей Тимура. Множество самаркандских беглецов увеличило население городов Моголистана, Хорасана и горных областей Восточной Бухары.¹ Бабур, отдохнув в Ташкенте от всего пережитого, стал склонять Султан-Махмуд-хана и его брата, Султан-Ахмеда, известного под именем Алача-хана, выступить со своими силами против его наследственного удела Андижана, захваченного узбеками. Моголы согласились и зимою того же 906/1501 г. выступили в поход с весьма большими силами, но прежде чем они достигли своей цели, Шейбани предупредил их. Учитывая, что моголы в союзе с калмыками представляли всегда для него угрозу с севера, он одну армию направил к крепости Шахрухийи и велел ее осадить, а сам с главными силами двинулся вверх по Сыр-Дарье, настиг объединённые силы моголов и калмыков и разбил их в кровопролитном бою; оба брата, Махмуд-хан и Алача-хан, попали в плен к узбекам, Бабур бежал в северо-восточные области Моголистана. Шейбани послал в Ташкент известие о своей победе над могольскими ханами и Бабуром и о пленении ханов с предупреждением, чтобы не навлечь его гнева, не выступать больше на стороне его врагов. К обоим своим противникам, к Султан-Махмуду-хану и к его брату, Шейбани отнесся весьма великодушно: дня через два-три он отпустил их на свободу, выговорив для себя лишь сдачу Шахрухийи.

Овладев Самаркандом и закрепивши таким образом за собою значительную часть Мавераннахра с его обеими столицами, Шейбани-хан, серьёзно обеспокоенный изолированностью своей столицы от прилегающих районов, особенно в половодье, так как на Зерафшане не было моста, решил таковой построить объединёнными силами населения и своего

¹ Baber Nameh, стр. 98 и сл.

روضه الصفا

Мирхонда, т. VII, Лукнов.

1322/1904, стр. 66-68.

حبيب السير

Хондемира, т. III, ч. III, стр. 286-288.

войска. 1 ноября 1502 г., в течение месяца, была закончена эта дамба-мост, связавшая г. Самарканд с заречными районами и обеспечившая безопасный и удобный проезд через Зерафшан.¹ По словам покойного самаркандского инженера-мелиоратора и археолога, Б. Н. Кастальского, которого я в свое время ознакомил с текстами истории этой постройки, особенность последней, повидимому, заключалась в том, что от берега р. Зерафшана к строившейся плотине была наискось построена струенаправляющая дамба. Вследствие этого воды реки были направлены лишь по части русла и на обнажившемся дне беспрепятственно построили значительную часть плотины. И по приведенному описанию историка, и по современным инженерным наблюдениям над местом бывшего сооружения Шейбани-хана эта постройка была и мостом, и водораспределяющей плотиной, направлявшей часть Зерафшана в Ак-Дарью и Кара-Дарью.

Оставив своим престольным городом Самарканд, Шейбани попрежнему посадил в Бухару своим наместником своего брата Махмуд-султана, а кочевые племена Ташкента и ташкентский вилайет после разгрома моголов передал своим двум дядям, Кучкунджи-султану и Суюндж-Ходжа-хану, мать которых была дочерью тимурида Улуг-бека.²

Теперь, когда имя Шейбани-хана и его узбеков стало столь известно не только во всей Средней Азии, но и за ее пределами, когда переход в руки кочевников двух славнейших городов мусульманского мира стал совершившимся фактом, Шейбани-хан, окрылённый такими успехами, стал готовиться к захвату обширных владений Султан-Хусейн-мирзы. Последний, обеспокоенный военными успехами узбеков, сделал распоряжение своему старшему сыну Бадиуззедман-мирзе, бывшему наместником Балха, выступить с войсками для отражения узбеков. Шейбани в это время обратил свое внимание на феодальные владения, номинально входившие в состав государства тимуридов и расположенные по правую и левую стороны верхнего течения Аму-Дарьи, вроде Хисара, Хатлана (Куляба), Кундуза, Бадахшана и др. Эти вассальные княжества находились друг с другом в самых враждебных отношениях, их князья стремились не только к независимости, но и к расширению своих владений за счет соседа. Теперь перед общей опасностью, угрожавшей им в лице узбеков, они решили объединиться в один союз. И владетель Хисара, Хосров-шах, прислал Бадиуззедман-мирзе письмо, в котором указывал на угрожающую опасность со стороны узбеков, просил оказать ему помощь и обещал, в случае выступления этого принца против кочевников, присоединиться к нему на берегах Аму с войсками Хисара, Хатлана, Бадахшана, Кундуза и Баглана. Бадеуззедман, собиравшийся в поход против узбеков, охотно принял это предложение и в свою очередь послал послов с письмами к владетелям Кандагара, Замина и др. с просьбой присоеди-

¹ شیبانی نامه Бенаи, ркп., лл. 56а и 58а.

² روضه الصفا, Мирхонда. Т. VII. Тегеран. 1270, стр. 51, شیبانی نامه Мухаммед-Салиха. СПб., 1908, стр. 85 и сл.

ниться к этому союзу и наивозможно быстрее прислать свои войска в Балх, откуда начнется поход для отражения неприятеля и отвоевания у него Мавераннахра.

В начале весны 1503 г., когда зелень и подножный корм могли обеспечить довольствие лошадей и южные феодальные княжества могли бы прислать к Балху свои войска, Бадиузземан выступил из Балха с двенадцатитысячным отрядом кавалерии и пеших латников и двинулся к Аму-Дарье в надежде, что там примкнут к нему войска вассальных владений, обещанные ему Хосров-шахом. Переправившись у Термеза на тот берег, Бадиузземан послал к нему эмиров с извещением о своем прибытии на правый берег Аму с просьбою поспешить присоединиться к нему с союзными войсками. Но хисарский князь, решив что Бадиузземан-мирза в случае победы над узбеками не замедлит посягнуть на его владения, теперь забыл о своей просьбе и, изменив своему первоначальному обещанию, отказался последовать приглашению Бадиузземана-мирзы; вместе с тем последний получил отрицательный ответ и от своего отца на просьбу о присылке вспомогательного отряда. Поэтому этот принц вынужден был вернуться обратно в Балх. Это событие, по словам тогдашнего историка «явилось полным крушением авторитета Бадиузземан-мирзы, породило разного рода смуты и окрылило надежды Шейбани-хана на дальнейшие успехи».¹

При этом интересно отметить, что Шейбани действовал не только, как полководец, но и как искушённый жизнью политик. Он искусно сеял смуту там, где она могла принести ему удачу, он привлекал на свою сторону тех, которые ему были полезны и избирал орудием своих планов таких людей, которые по своему общественному положению, казалось бы, менее всего подходили к роли шпионов и провокаторов. Так обстояло дело и в предпринимавшемся им теперь завоевании империи Султан-Хусейна.

Вскоре после злополучного отступления принца Бадиузземан-мирзы и возвращения его в Балх, туда прибыл с берегов Сыр-Дарьи высокочтимый во всём Дешт-и-Кипчаке за свою «святость» сеййид Джафар-ходжа, пользовавшийся большою любовью и расположением всех ханов и султанов кочевников. С почетом принятый Бадиузземаном, этот прелат стал ему жаловаться на жестокости и притеснения Шейбани-хана и просить его защиты и покровительства. Он уверял принца, что пока жив, он предоставит ему своим авторитетом и высоким положением все необходимое для того счастья, на которое Бадиузземан-мирза может рассчитывать. Принц поверил всему, что говорил этот сеййид, «узбекский доброхот и богомолец», щедро одарил его подарками и оставил при себе в Балхе. Скоро сеййид свёл близкое знакомство с некоторыми влиятельными эмирами Балха, принадлежащими к монгольскому отуреченному племени барлас (впрочем, один был из узбеков), стал соблазнять их необычайно

выгодными перспективами измены тимуридам и перехода на сторону Шейбани-хана. Эмиры согласились и поклонились сеййиду, что при первом удобном случае они поднимут мятеж против Бедиузземана. Одновременно с этим другой эмир, начальник важной крепости Андхуда (современный Андхой в Северном Афганистане), вступил в тайные сношения с Шейбани-ханом, обещая последнему, как только он перейдет через Аму-Дарью, сдать ему Андхуд. Шейбани все это учел и, считая настоящее положение благоприятным для своих целей, выступил из Самарканда в поход на Балх осенью 909/1503 г. И хотя за это время проiski сеййида Джафар-ходжи и заговор-изменников-эмиров были открыты, некоторые из них были казнены, а сеййид был повешен, тем не менее весть о приближении узбеков застала балхского наместника совершенно неготовым к отпору врага. Он сам предпочел удалиться из Балха под предлогом собирать войска в другом месте, поручив защиту города одному из своих малолетних сыновей, в советники которому были приданы наиболее верные престолу эмиры.

Шейбани переправился у Керки через Аму-Дарью, откуда так недалеко было до крепости Андхуд, которую ему немедленно сдал изменник комендант (с ним Шейбани, впрочем, обошелся весьма немилостиво). Последовавшая затем осада Балха, продолжавшаяся три месяца, хотя и была неудачна для узбеков, все штурмы которых были отбиты защитниками с большим уроном для осаждающих и Шейбани-хан должен был вернуться обратно, однако, в Балхский округ было внесено необычайное опустошение: его поля все были вытоптаны, селения разрушены и разграблены, а масса жителей перебита. Вместе с тем неуверенность в прочности устоев государства и смутные опасения какой-то грядущей катастрофы охватили многих в правящих кругах тимуридского государства, в котором военная слабость усугублялась еще общим недоверием друг к другу правящих лиц. Это были те печальные результаты, которые принесло первое вторжение кочевников в Балхскую область. До каких пределов дошла беспринципность и продажность тимуридских эмиров этого времени и совершенное безразличие других к этому, показывает, например, такой факт. Брат известного Алишера, Дервиш-Али-хан, после смерти своего брата проживал в отставке в одном из селений под Балхом; когда узбеки подходили к границам Балхского округа, Дервиш-Али поспешил к Шейбани не то по доброй воле, не то из боязни, заявил ему о своей преданности и покорности и оказался в его свите. Решив после неудачных штурмов попытаться склонить балхцев к сдаче крепости мирным путем, Шейбани-хан послал в город с предложением об этом очень хорошо известного в Балхе, как бывшего когда-то там наместником, Дервиш-Али-хана. Его появление в городе не вызвало возмущения, как изменника, и он даже присутствовал на чрезвычайном военном совете, где были отвергнуты мирные условия Шейбани и было вынесено решение защищать город до последней возможности, ибо помимо больших продовольственных запасов в Балхе имелось множество ослов, которые, за неимением пастбищ, теперь скитались по улицам, поэтому при возникновении нужды в мясе, могли быть использованы для пищи. Все это Дервиш-Али-хан передал Шейбани и тот, не желая терять людей в долговременной осаде сильно укрепленного города, ушел от него обратно за Аму-Дарью.

Пока длилась осада Балха Бедиузземан-мирза, засев в одной из крепостей своих горных владений, неоднократно посылал в Герат к своему

отцу просьбы послать ему войска, но Султан Хусейн, весьма неблагоприятный к своему старшему сыну, медлил с исполнением его просьб. Тогда принц опять попытался обратиться к правителю Хисара с просьбою примкнуть к нему с войсками Хисара, Хатлана, Кундуза, Бадахшана и др. для отражения узбеков общими силами. Тот на этот раз согласился и послал к Бадиузземан-мирзе своего брата для заключения союза и выяснения некоторых вопросов военного значения. Когда же этот посол прибыл к принцу, то до его приёма один из эмиров Бадиузземана, очень расположенный к Султану-Хусейну, но весьма недолголюбивавший старшего сына, ночью явился к послу и так его запугал ожидавшейся, будто бы, расправой над ним Бадиузземана, что посол немедленно решил бежать. В этом ему тут же помог коварный эмир, который захватил его с собою и бежал в крепость Шабирган (на пути между Балхом и Андху-дом); там он поднял восстание против Бадиузземана, который теперь вынужден был идти в поход против собственного эмира. Правда, в конце концов всё как будто стало предвещать благополучный для тимуридов исход борьбы с узбеками. Вышеназванная коалиция феодальных княжеств осуществилась, к ней примкнул Султан-Бабур, успевший за это время овладеть областью Кабула; Султан-Хусейн примирился со своим старшим сыном и трогательно ухаживал за ним в Герате. Словом, всё в империи тимуридов пришло в полное единение и прочный союз, но все и на этот раз было изменчиво и жестоко к обречённым на гибель. План Султан-Хусейна послать Бадиузземана-мирзу с армией на Мургаб и там загородить путь узбекам при их вполне возможной попытке перейти в Хорасан через Аму-Дарью был осуществлен в рамазане 910/в июле-августе 1504 г. До Мургаба союзные армии шли вместе; — с Мургаба же главный союзник Бадиузземана, эмир Хосров-шах, двинулся на Кундуз, недавно захваченный узбеками, который он очень хорошо знал, потому что когда-то был там правителем. Окрестное население во множестве присоединилось к Хосров-шаху и он уже надеялся на успех в своем предприятии — нанести поражение узбекам. Но узбекский начальник Кундуза вышел навстречу Хосрову и в ожесточённом бою разбил его, причем сам Хосров-шах был взят в плен, а остатки его армии разбежались. Хосров-шаха узбеки доставили в Кундуз, посадили на осла, с позором провели по всему городу и потом убили. Бадиузземан-мирза после этого почему-то решил пойти от берегов Мургаба наказать своих непокорных подданных, жителей горной местности, орошаемой р. Балхаб, которые до того оказывали ему неповиновение и даже разбили отряд одного из эмиров, посланный для их усмирения. Преуспев в этом предприятии и еще не выйдя из района Балхаба, Бадиузземан получил извещение, что Султан-Бабур выступил (в 1505 г.) походом на Кандагар с целью овладения этой областью; он немедленно решает тоже выступить походом на Кандагар с целью помешать Бабуру подчинить себе последний. Но дело, однако, не доходит до военного столкновения: оба принца мирятся и расходятся.

Тем временем, пока тимуриды занимались подобными династическими дрязгами и тратили свою энергию и силы на дела совершенно второстепенного значения, как будто забыв о страшной опасности, нависшей над их головою, Шейбани-хан решил обеспечить себе безопасность с северо-западной части империи Султан-Хусейна. Там прилегавший к Дешти-Кипчаку Хорезм со своими вольнолюбивыми туркменами, где несколько лет тому назад Шейбани потерпел неудачу, всегда мог оказать весьма

существенную помощь своему союзнику сюзерену, Султан-Хусейну. В конце 911/1504 г., в суровую зимнюю пору, Шейбани выступил из Бухары на Хорезм через Каракуль, овладел по пути Чарджуем и направился дальше берегом Аму-Дарьи. Вступив в пределы Хорезма, Шейбани послал предложение о добровольном ему подчинении наместнику Хорезма, Чин-Суфи; тот ответил решительным и не совсем вежливым отказом, указывая, что он никогда не изменит своему государю Султан-Хусейну. После упорной и ожесточённой десятимесячной защиты главной крепости страны, Ургенча, она была взята в августе 1505 г. Чин-Суфи был убит, а туркмены, принимавшие в обороне крепости выдающееся участие, понесли очень большие потери, их семьи испытали все ужасы насилий и кровавой расправы от диких победителей.¹

Сейчас же после этого, осенью 911/1505 г., Шейбани послал свои отряды в набег за Аму, в пределы Хорасана; они проникли до Меймене и Фар'яба, все предавая грабежу и убийствам, и обременённые богатой добычей теперь возвращались обратно. Три пограничных эмира Султан-Хусейна из монгольских отуреченных племён «джелаир» и «аралат» выступили против узбеков и в жарком бою были разбиты и все трое убиты, а их отряды рассеялись. Это событие сразу расстроило всю жизнь местного населения, внося в нее необычайное смятение и панику. Искони жившие здесь кочевники бросились бежать из этих районов, сея страх и смуту в других местах. Получив об этом известие, Султан-Хусейн теперь только понял свою ошибку, почему он в свое время не оказал помощи своему старшему сыну в его первых шагах для отражения Шейбани-хана. В данный момент он вторично вызвал его в Герат и принимал все меры к мобилизации всех своих военных сил из разных областей империи. В сильную стужу января 1506 г. Бадиузземан с авангардом выступил в направлении Мургаба, а за ним по тому же направлению, чтобы дать решительное сражение узбекам, выступил с главными силами и старый Султан-Хусейн, несмотря на свою крайнюю слабость и дрожание рук и ног, решивший теперь лично защищать свое государство от тех самых кочевников, помощи которых он искал когда-то в дни своей молодости в ставке их почти такого же старого Абулхайр-хана, каким он стал теперь. Старый, измождённый болезнями, Султан-Хусейн выступал ныне против того былого юноши Шахбэхта, которого он видел когда-то в ставке его леда. Бадиузземан-мирза остановился у Сер-и-Пул-и Табана в ожидании отца с главными силами, но вместо этого получил известие о его безнадёжном состоянии. Бадиузземан поспешил в ставку султана, которому становилось все хуже. 11-го зи-л-хиджже 911 года (5 мая 1506 г.) Султан-Хусейна не стало. Сопрекасающиеся в его ставке эмиры приняли безумное решение разделить престол умершего государя между его двумя сыновьями, Бадиузземан-мирзой и Музаффар-Хусейн-мирзой, а чтобы по образному выражению историка, «с основы договора и союза (между ними) были бы скреплены крепкими нитями веры, чтобы другие братья не вышли из их повиновения и чтобы оба они, вступив на открытый путь (взаимной) верности, постарались бы вырвать с корнем дерево вражды», — эмиры заставили братьев поклясться на Коране, что они до конца своей жизни пребудут в согласии и единении. Однако едва похо-

¹ شیبانی نامه Бенан; лл. 476-56а и شیبانی نامه Мухаммед-Салиха, стр. 93-96.

ронили Султана-Хусейна и справили по нём семидневный траур, как между эмирами пошли споры и пересуды из-за верховной власти: одни более дальновидные, стояли за единоначалие и выдвигали в качестве единоличного монарха Бадиузземана-мирзу, другие стояли на том, чтобы быть на престоле двум братьям. В этих спорах приняла участие и мать принца Музаффар-Хусейна, естественно желавшая видеть на престоле своего сына и потому стоявшая за двоевластие, а так как на ее стороне было большинство армии и эмиров из племени «барлас», то в одну из пятниц, в конце месяца зу-л-хиджже 911/в начале июня 1506 г. в соборной мечети была провозглашена хутба на имя двух государей. Бабур рассказывает об этом событии со свойственной ему тонкой иронией так:

«Во время смерти Султан-Хусейн-мирзы из принцев присутствовали Бадиузземан-мирза и Музаффар-Хусейн-мирза. Так как любимым сыном был Музаффар-мирза, а полновластным беком был его воспитатель Мухаммед-Бурундук-«барлас», то и ближайшее окружение (мирзаны и или) питало большое расположение к Музаффар-мирзе. Вследствие этого Бадиузземан-мирза, колеблясь, имел в мыслях не приезжать (к смертному ложу отца), (но) сами Музаффар-мирза и Мухаммед-бек, севши на коней, поехали, рассеяли сомнения Бадиузземан-мирзы и привезли его. (Тело) Султан-Хусейн-мирзы привезли в Герат и, поднявши его с царственными церемониями, похоронили в построенном им медресе. При этом присутствовал также и Зуннун-бек. Мухаммед-Бурундук-бек, Зуннун-бек и еще оставшееся от Султан-Хусейн-мирзы (окружение) и бывшее с этими (вышеназванными) мирзами беки, собравшись (на совет), с общего согласия посадили с Бадиузземан-мирзою Музаффар-Хусейна на трон Герата. При дворе Бадиузземан-мирзы полновластным беком стал Зуннун-бек, а при дворе Музаффар-мирзы — Мухаммед-Бурундук-бек; от имени Бадиузземан-мирзы правителем города был поставлен Шейх-Али-«таган», а со стороны Музаффар-мирзы — Бусунт (Бус. н. т.) — Али. Это было удивительное дело! От века никогда неслыханное, чтобы на царстве было два царя. Получилось всё в противоречии со смыслом слов шейха Са'ди в его «Гулистане».

«Десять дервишей спят под одним паласом,

А два царя не уживаются вместе в целом поясе земли».¹

Когда известие о смерти Султан-Хусейна широко распространилось и Шейбани-хан узнал, кто является его преемниками, он послал в Герат к двум государям посла со своим письмом, в котором указывал, что когда-то «их отцы жили во всегдашнем согласии и дружбе с его высоким домом, соблюдали по отношению к нему все обязательства повиновения, соответственно чему надлежит и Бадиузземан-мирзе и Музаффар-Хусейн-мирзе поступать согласно поведению их предков, закрыть двери вражды к нему, Шейбани-хану, и не стараться идти по открытой дороге уклонения от этого, чтобы территория их государства осталась мирной и цветущей и их подданные, кои суть вещи, отданные им на попечение творцом всех тварей, не стали бы растоптанными копытами коней победоносных узбекских войск». Братья поняли, что хотел сказать Шейбани этим письмом и, задержав посла, стали собирать войска и готовиться к отражению узбеков, но в это время прибыл посланный от балхского наместника с известием, что узбеки уже в Балхской области и Шейбани

¹ Baber Nameh, стр. 230-231.

приступил к осаде Балха, у горожан же очень немного продовольственных запасов и потому и сила воинского сопротивления неприятелю очень ослаблена, поэтому необходимо поспешить на выручку города и отразить узбеков. И только в начале осени 1506 г. братьям удалось подтянуть в Герат войска и выступить к Балху с большими силами; по пути к ним присоединились вассалы Хорасана и прибывший из Кабула Султан-Бабур со своими войсками. Все предвещало успех и никто не сомневался в победе, хотя в отношении плана ближайших военных операций не было никакого единства и почти каждый эмир предлагал свой образ действий. Пока судили, как поступить, из Балха пришло известие, что доведенный голодом до бессилия город сдался Шейбани-хану и узбеки, по образному выражению историка того времени, «начисто вымели его метлою потока и разграбления».

Шейбани-хан, получив известие, что все эмиры Хорасана, опираясь на помощь Султан-Бабура, собрались с войсками на берегах Мургаба и готовятся вступить с ним в битву, быстро переправился через Аму-Дарью и ушел со своей армией под видом зимовки в Мавераннахр. В лагере союзников это обстоятельство послужило предметом обсуждения на военном совете, что же теперь делать? Остановились на самом безрассудном решении, какое только можно было представить: так как время теперь зимнее, военные действия вести затруднительно, а некоторые хорасанские эмиры (вроде мешхедского и др.) уклонились выступить совместно с прочими против узбеков и злоумышляют посягнуть на владения других, то прежде всего нужно покончить с внутренними врагами и весной, опять собравшись, выступить объединенными силами против узбеков. Тщетно против этого возражал храбрейший из эмиров Шуджауддин-Зуннун, указывая, что надо воспользоваться сейчас подходящим случаем, использовав большие силы, собранные под знаменами обоих принцев, и безотлагательно продолжать поход против Шейбани, внося войну, если потребуют обстоятельства, в самый Мавераннахр, что такой счастливый момент почти полной мобилизации всех военных сил империи может больше не повториться, — все было напрасно. Эмиры и Султан-Бабур вернулись со своими войсками каждый в свое владение, а оба государя — в Герат. В это же время был отпущен и посол Шейбани-хана, приезжавший к ним с вышеупомянутым письмом.

Однако, ни безумного намерения борьбы с внутренними врагами перед лицом угрожавшей военной опасности, ни перерыва в военных действиях до весны недальновидным джагатайским эмирам и стоявшим во главе их безвольным и ничтожным фигурам последних тимуридов, — не пришлось осуществить. Неумолимый и жестокий враг, поставивший себе целью захватить наследие Тимура, не стал дожидаться, когда подготовятся ко встрече с ним медлительные и неспособные головы образовавшейся против него коалиции, и попрежнему инициатива оставалась в его руках. Старая среднеазиатская поговорка: «отцы едят кислые ягоды, а у детей оскомины на зубах» — теперь осуществлялась со всею очевидностью. Первого числа мухаррема 913/13 мая 1507 г. в Герате было получено известие, что Шейбани-хан со своими силами перешел у Керки через Аму-Дарью и вступил в пределы Хорасана. Это обстоятельство вызвало полную растерянность в правящих кругах столицы, где ничто не было готово к отпору узбеков, и у многих появился столь губительный в этом случае фаталистический взгляд мусульман, что предопределенного причиной всех причин никакие человеческие силы предотвратить не могут, что волею неумолимого рока мера жизни дома Тимура исполняется и Хорасану суждено перейти в другие руки, поэтому ника-

кие мероприятия эмиров и государей против этого не принесут пользы. Шейбани подошел к г. Андхуду, тимуридский наместник которого опять не только не оказал ему сопротивления, но с раболепством и восточным подобострастием сдал ему Андхуд. Не останавливаясь там, Шейбани форсированным маршем дошел до Мургаба и когда вступил в пределы Бадгиса, откуда открывался путь на Герат, то необычайное волнение и смятение овладело и принцами, и всеми эмирами. Еще больший трепет объял их, когда внезапно 7 мая узбекские авангарды самым неожиданным образом появились вблизи столицы и принцам теперь приходилось посылать против врагов спешным порядком то войско, которое было у них в Герате, что по свидетельству историка и очевидца всех этих событий, было равносильно попытке преградить стремительное течение большой реки броском горсти влажной земли. По странной иронии истории начальство над этим войском тимуридов было поручено тому из эмиров, который больше всех в военном совете на Мургабе ратовал за необходимость не распускать собранных сил и сейчас же идти на узбеков, т. е. эмиру Шуджауддин-Зуннуну. В последовавшем за тем ожесточенном бою гератские войска были разбиты и их командующий пал смертью храбрых, заплатив своею жизнью за безумные решения других. И когда подошли главные силы узбеков во главе с самим Шейбани-ханом, великолепная столица последнего блестящего тимурида, Султан-Хусейн-мирзы, лежала у его ног совершенно беззащитною. Эмиры все разбежались по разным городам, войска рассеялись, Бадиузэман-мирза направился в Кандагар, а его брат, Музаффар-Хусейн мирза, стал просить высших представителей духовенства, шейх-ул-ислама и верховного судью Герата, принять на себя охрану города, но те резонно заметили ему, что это не их дело, а военного сословия. На это последовал ответ правителя, что он располагает лишь тремя солдатами. И простившись с семьею, этот второй правитель государства спешно бежал из своей столицы на запад, в Астрабад. На следующий день, 8 мухаррема (20 мая) того же года, все сейиды, все духовенство, все сановники, бывшие в городе, собрались на совет в одном из медресе столицы и пришли к заключению, что ввиду происшедших событий необходимо выразить покорность победителю. С соответствующим письмом к Шейбани-хану в тот же день был отправлен «мухтасиб» Герата, которого повстречавшиеся за городом узбеки всего начисто ограбили и он пеший и голый добрался до начальника узбекского авангарда, доставившего его Шейбани-хану. Последний, ознакомившись с петицией гератцев, приказал разбить свой шатер подле города, считая себя теперь полновластным распорядителем доставшейся ему империи тимуридов.

В то время, когда в окрестностях города узбеки неистовствовали в своих грабежах, насилиях и убийствах среди мирных жителей без различия их положения, пола и возраста, а гератцы, запев все ворота, в страхе ожидали своей участи, — Шейбани-хан прислал к знатым лицам города письмо, в котором извещал их, что после того, как Бадиузэман-мирза потерпел поражение и командующий его войсками убит, он, Шейбани-хан, в заботе о безопасности и спокойствии населения Хорасана, просит представителей города прибыть в его ставку. Когда знатные гератцы, сейиды, высшее духовенство и другие лица прибыли к Шейбани-хану, их с почетом встретили ханские сановники, отвели в одну из палаток и известили Шейбани-хана об их прибытии. Хан послал сказать, что он их примет после того, когда они сначала представят ему известную сумму денег «за пощаду» и поднесут соответствующие подарки. Выступившие со стороны хана его ближайшие сановники, Маулана Абдуррахим Туркестани и Ходжа Кавамуддин-Махмуд, в переговорах с гератскою знатью

установили такие размеры контрибуции: с простонародья и ремесленников будет собрано 100 тысяч одномискальных тангачей, тангача в то время ходила за 6 копекских динаров,¹ помимо этого знать и владельцы с и у р г а л е й (пожалованных им имений) должны были поднести в подарок лично Шейбани-хану 20 тысяч тангачей и 15 тысяч тангачей вручить первому министру хана, пользовавшемуся его безграничным доверием, вышеупомянутому Маулане Абдурахиму Туркестани. После такой договоренности Шейбани-хан принял гератскую знать в торжественной обстановке, окруженный узбекскими султанами и своими знатнейшими сановниками.

Затем все женщины и девушки гаремов Султан-Хусейн-мирзы и его преемников и сыновей, Бадиузземан-мирзы и Музаффар-Хусейна, были вытребованы в ставку Шейбани-хана. Среди них ему понравилась жена Музаффар-Хусейна, племянница Султан-Хусейн-мирзы, Ханзадэ-ханум; тут же была сочинена версия, что муж уже 2 года тому назад дал ей развод, и хан женился на ней. Дочь Музаффар-Хусейна, Михрангиз-бегим, была выдана за племянника Шейбани-хана, Убайдуллу-султана. После этого все оставшиеся женщины были отправлены обратно в город, чтобы они показали свои драгоценные вещи сборщикам контрибуции. 12 мухарема (24 мая) в город были введены сборщики податей и узбекские отряды. Первые со всею строгостью приступили ко взысканию со знатных и простых горожан наложенной контрибуции, которую и собирали в течение недели. У обитательниц гаремов Султан-Хусейна и его сыновей было отобрано столь огромное количество золотых украшений и всевозможных драгоценных камней, «которое, — по фигуральному выражению историка и очевидца, — даже и в $\frac{1}{10}$ части этого количества не может вместиться в сокровищнице казны воображения любого независимого государя». «Все наличные деньги и всякого рода ткани, бывшие у представителей династии тимуридов, всё было, — говорит тот же историк, — взято в казну Шейбани-хана».

Узбекская военщина захватывала под разными предлогами богатых гератцев и пытками, и мучениями вымогала у них что-либо в свою пользу; «многие знатные и именитые люди испытали крайние унижения, вопли больших и малых неслись до самого неба, а гаремные красавицы уважаемых семей становились пленницами узбекских солдат и пребывали во всевозможных мучениях; с челом Венеры целомудренные девицы влеклись за свирепыми, как Марс, монголами по улицам Герата и ни минуты не находили от них покоя».

Дня через два последовало распоряжение Шейбани-хана прекратить все это и населению была объявлена пощада и безопасность, имуществен-

¹ Таким образом, копекский динар, введенный в обращение в Джатаевском улусе монгольским Копек-ханом (1316-1326) и бывший сребряной монетой весом в 2 золотника (мискаль), в XV и в XVI в. был медной монетой (см. Д а в и д о в и ч Е. А. К медным номиналам конца XV — начала XVI вв. по данным чекана Хисара и Кундуза. в «Сообщ. Тадж. фил. АН СССР», вып. XXIV, Сталинабад, 1950).

ная и личная, а в пятницу 15 рамазана (27 мая 1507 г.) в большой соборной мечети Герата была провозглашена хутба с поминовением Абулхайр-хана и «имама времени и наместника всемилостивого» (имам-уззаман уа халифат-ур Рахман), Мухаммед-Шейбани хана.

Затем Шейбани-хан «побуждаемый высокими замыслами», отдал приказ о чеканке тангачи на полданга больше, чем это было в тимуридских тангачах, и с указанием, что когда новая монета «украсится выбитием на ней его августейшего имени», то она должна ходить за 6 копеекских динаров, а тангачи прежнего тимуридского чекана должны обрабатываться из расчета 5 копеекских динаров.¹

По ходатайству некоторых сановников Шейбани-хана последовала амнистия эмирам, сановникам и таджикам-чиновникам, которые состояли на службе тимуридов и из страха пред узбеками бежали из столицы в окрестные горы; многих из них Шейбани-хан принял к себе на службу. После кратковременного сопротивления сдалась Шейбани-хану и цитадель столицы, Ихтиаруддин, защитники которой выговорили себе право свободного ухода со всем имуществом, куда они пожелают.² Таким образом Шейбани отныне мог считать себя полновластным распорядителем судеб всех обширных владений тимуридов, самые богатые и самые культурные столицы которых, Бухара и Самарканд, были уже его достоянием. Теперь предстояло докончить немногое — подчинить себе западную часть Хорасана, где еще оставались тимуридские принцы и их эмиры. Они тщетно напрягали свои силы в отчаянном сопротивлении быстро продвигающимся узбекам: те брали одну крепость за другою, пока из Мешхеда значительные силы тимурида Абу-л-Мухсин-мирзы не сделали попытки остановить это движение неприятелей, но узбекские войска напали врасплох на эту армию под г. Джамом ранним утром, когда офицеры еще не оправились после ночной попойки, убили Абу-л-Мухсин-мирзу со всей его свитой и обратили его войска в беспорядочное бегство. Столь же безуспешны были попытки сопротивления и других сыновей Султана Хусейна, которые из своих «сюргалей» или пожалованных им ленных владений выступали со своими слабыми отрядами, пополнявшимися пристававшими к ним войсками других их родственников, вступали в битву с узбекскими передовыми частями и неизменно терпели поражения и гибли в бою или искали спасения далеко на западе, на чужбине. В этих войнах показали недюжинные способности полководцы: сын Шейбани, Тимур-султан, и его племянник, Убайдулла-султан, сын его брата и неразлучного спутника всей его бранной жизни, Махмуд-султана. На долю этих молодых полководцев и выпала задача завоевания западного Хорасана, которую

¹ Хабиб ас-Сиэр, Хондемира, т. III, часть 3, стр. 290-300 и 307-311. Раудат ас-Сафа, Мирхонда, т. VII, стр. 59-80 и 99-107. Реальное содержание и объективные результаты этой реформы Шейбани-хана излагаются в публикуемой здесь же специальной статье Е. А. Давидович.

² Хабиб ас-Сиэр, Хондемира, т. III, часть 3, стр. 311. Раудат ас-Сафа, Мирхонда, т. VII, стр. 107.

они успешно осуществили. Шейбани, назначив в доставшейся ему области тимуридов правителей, главным образом, из своих эмиров и узбекских принцев, называвшихся «султанами» в отличие от тимуридских царевичей, именовавшихся «мирзами», и захватив с собою взятых им в плен или добровольно подчинившихся ему тимуридских эмиров и представителей знати и духовенства, заведомо тимуридских сторонников, — отправился в Мавераннахр. Надо отдать справедливость, что Шейбани хорошо обходился с этими невольными эмигрантами и очень многие из них устроились за Аму-Дарьей несколько не хуже, чем они жили в Хорасане. Бухара устроила пышную встречу торжествующему победителю, который, не задерживаясь в этом городе, отправился в свою столицу Самарканд, где и провел зиму. Весною следующего года Шейбани опять предпринял поход на Хорасан, где в Астрабадской области укрылись два последних гератских государя, Бадиуззедман-мирза и Музаффар-Хусейн-мирза; последний умер еще до прихода Шейбани, а первый бежал в Азербайджан, чтобы потом умереть в далеком Константинополе.¹ С присоединением Астрабада и Гургана Шейбани становился государем обширной империи, простиравшейся от Каспийского моря до пределов Китая и от Сыр-дарьинского правобережья до центрального Афганистана. Он утвердил вершину своего самовластия над этими богатыми и огромными землями, увенчанный, как вышеупомянуто, пышным титулом светского и духовного главы империи—«имам-уз-заман уа халифат ур-Рахман».

Вникнем теперь в смысл этой религиозной титулатуры, которую принял Шейбани-хан. Она, несомненно, имела глубокий смысл и значение среди той борьбы религиозных воззрений, которые так резко намечались к приходу Шейбани и в Средней Азии, и в соседнем Иране. Если с точки зрения потомка в 6-м поколении Чингиза, Шейбани-хана, Тимур и тимуриды, как нечингизиды, являлись узурпаторами власти потомственных чингизидов в б. Джэгатаевом улусе, то и их религиозные воззрения были неправоверны, ибо были окрашены, так сказать, официальным шиизмом. Сам Тимур считал себя алидом, для чего была соответственным образом изменена легенда о прародительнице монгольских родов Алан-Куа (Алан-Гоа), как мы это видим в надписи на надгробной плите Тимура в Самарканде, как мы усматриваем это из генеалогии его сына Мираншаха на черном мраморе его надгробия в том же Самарканде, как то же самое, видимо, читалось и на пышном беломраморном саркофаге любимого внука Тимура, Мухаммед-султана, в том же Самарканде. Во всех случаях через ряд предков род Тимура восходил ко «Льву Аллаха», Алию. Таким образом, «Железный Хромец», приписывавший себе такое происхождение, ex officio являлся исповедником и покровителем шиизма. В его государстве и во владениях его преемников шиитские симпатии были слишком заметны: так, в Герате, при Шах-Рухе, проживал известный поэт Касим-и-Энвар (ум. в 837/1437 г.), исповедывавший столь крайние рационалистические идеи, что великий таджикский поэт Джами (ум. в 898/1492 г.) замечает про виденных и слышанных им его учеников, что «большинство их вышло из ярма религии ислама».² Это не мешало, однако, Касим-и-Энвару иметь в Герате и его районах множество последователей из знати и простонародия.

¹ حبيب السیر Хондемира. Т. III, ч. III-я; стр. 312-316.

² نفحات الانس Джами. Ed. Nassaw-Leess. Calcutta, 1858, p. 690.

Изгнанный из Герата по подозрению в заговоре против Шах-Руха, Касим-и-Энвар нашел приют в Самарканде у Улуг-бека, где в течение длительного времени пользовался большим расположением и вниманием Улуг-бека, ставшего его последователем.¹ Что касается самого Улуг-бека, то определенно известно, что его жизнь и жизнь даже высших представителей при нем самаркандского духовенства вызывала осуждение и негодование верующих. Например, самаркандский шейх-ул-ислам Исамуддин, построив доходные бани, устроил по этому случаю пируество, на которое были приглашены певицы. Узнав об этом, строго правоверный и благочестивый самаркандский «мухтасиб» Сеййид-Ашик явился на этот пир, и, обращаясь к Исамуддину, резко сказал: «Шейх-ул-ислам без ислама, по какому такому законному праву (мазхаб'у) можно мужчинам и женщинам сидеть в одном собрании и петь?!» Тот же «мухтасиб» горячо порицал Улуг-бека в Кан-и-Гиле под Самаркандом за устроенное им там «разливанное море» для знати и простолюдинов. «Ты уничтожил веру Мухаммедову и допустил обычаи неверующих», — говорил Сеййид-Ашик. Улуг-бек за все это решил устроить над «мухтасибом» суд из представителей духовенства и наказать его, но из этого ничего не вышло, ибо действия «мухтасиба» были признаны не лишенными основания.² И акад. Бартольд справедливо замечает, что «Улуг-бек в глазах духовенства был несправедливым правителем, при котором уважающий себя представитель шариа́та не мог без ущерба для своего достоинства занимать должность казия».³

Отдельные тимуриды — феодалы более мелкого калибра открыто исповедывали шиизм, вроде, например, современного Султан-Хусейну правителя Хисара, Байсонкур-мирзы, второго сына Султан-Махмуда Самаркандского, предшественника Хосров-шаха «кипчака», его воспитателем был шиит, хотя впоследствии этот принц оставил шиизм.⁴

Шиитские симпатии самого Султан-Хусейн-мирзы видны из фактов, приводимых историками, так, например, при воцарении Султан-Хусейн хотел провозгласить хутбу с упоминанием двенадцати шиитских имамов, но от такого публичного исповедания шиизма он отказался только после уговоров его разными лицами, в числе которых был Алишер-Навои.⁵ Но потом эти симпатии последнего тимурида опять проявились в 895/1480-81 гг., когда была «открыта» вблизи Балха могила никогда там не бывавшего четвертого халифа, Алия, патрона шиитов. В присутствии Султан-Хусейна и всех его эмиров и сановников «святыня» была признана подлинною и над мнимой могилой Алия Султан-Хусейн в следующем году соорудил богато отделанную и пышную рауза, которая до сих пор составляет главное святилище и красоту Мазар-и Шерифа. Среди ближайшего окружения Султан-Хусейна, в числе его сановников, поэтов и художников было не мало шиитов, которые ни в какой мере не преследовались. Вместе с тем веселые гератские нравы с их ничем не стесняемым всеобщим винопитием, развратом и нечестием⁶ находили, несомненно, широкое подражание и в других городах обширного Хорасана,

¹ حبيب السیر Хондемира. Т. III, ч. 3, Тегеран, 1271, стр. 211.

² Тот же труд Хондемира, стр. 211.

³ Бартольд В. В., Улугбек и его время. Петр., 1918, стр. 105.

⁴ Baber Nameh (по изд. A. Beveridge, London, 1905), л. 69-6.

⁵ Указ. труд (по изд. Ильминского), стр. 204.

⁶ Указ. труд, стр. 204 и 206.

столь открытого для широких торговых сношений с «неверным» западно-европейским миром через Астрабад, бывший тогда одним из важнейших центром мировой торговли шелком.¹ С другой стороны, и по ту сторону Аму-Дарьи, в Мавераннахре, тоже было неблагополучно в отношении правоверия. Существование дервишского ордена «кубравия» с его крайними шиитскими тенденциями и его широкая популярность в массах, откуда за орден стремилось множество «муридов», вызывало на него нападки других, более правоверно настроенных, дервишских орденов. Несмотря на то, что центром ордена «кубравия» было селение Соктари (Сактэри) в Бухаре, в районе Гидждувана на Зерафшане, его влияние в ту пору было весьма сильно даже в таких отдалённых районах, как Ташкент до долины Ангрена включительно.² Некоторые из шейхов этого ордена с нисбою «соктариги» являлись авторами глубоко философских трудов с специфической суфийской окраской в шиитском духе. Среди муридов ордена «кубравия» впоследствии, после Шейбани, мы видим и некоторых самаркандских правителей.³ Словом, в доставшемся теперь «Отцу побед» обширном наследии тимуридов везде проступала шиитская ересь, вызывая крайнее недовольство правоверного суннитского духовенства и его многочисленной паствы, во множестве принадлежащей к числу муридов других влиятельных дервишских орденов с суннитской окраской, как «ходжагон- (накшбендия) и «кадырия».

В это время, когда победы Шейбани обеспечивали ему власть в Мавераннахре и Хорасане, на сцену мировой истории, на западе Хорасана, со стороны Ирана, выступал новый воитель, стремившийся распространить свою власть на восток столь же упорно, как Шейбани-хан стремился утвердить свою в направлении запада. Это был персидский шах Исмаил I из суфийской семьи города Ардебиля, почитавшейся всеми тюркскими племенами Азербайджана. Отношения его дела Узун-Хасана к Султан-Хусейн-мирзе всегда были дружественными, а историк сефевидов уверяет, что последний тимурид считал Исмаила, как бы своим сыном и относился к нему с отеческим расположением.⁴ В подавлении беспорядков, возникших после смерти его деда (ок. 1478 г.), поддержанный с одной стороны последователями своего отца, шейха Хайдара, а с другой — всеми семью тюркскими племенами Азербайджана, Исмаил создал хотя и немногочисленную, но храбрую и очень сплоченную армию, которая у его врагов и соседей за свои красные головные уборы получила название «кызыл-башей» (красноголовых). С этим войском Исмаил подчинил себе в 908/1502 г. Ширван, Азербайджан и Персидский Ирак и принял титул «шаха». В 914/1504 г. его владычия простирались на восток, соприкасаясь с тимуридскими, а на западе граничили с районами Диарбекра и Багдада.⁵ Помимо успехов его оружия соотечественники вменяли ему в особенную заслугу ту ревность, с которой он, действуя в духе своих предков, выступал на защиту шиизма, и религиозные чувства этой секты

¹ *روضه الجنات* Исфизари, ркп. ИВАН УзССР, за инв. № 788, л. 73а—75б.

² Вопреки утверждению В. Л. Вяткина (в прим. 35 к переводу «Самарии», Абу-Тахир-ходжи, в Спр. кн. Сам. обл. 1899, Сам. 1899, стр. 230), что с переездом в Самарканд Ходжи Ахрара в 855 г. х. этот орден утратил всякое значение в этом городе.

³ См. мою работу: «Уникальный пам. агнографич. литерат. XVI в.» (в «Изв. УзФАна за 1940 г. № 12, за 1941 г. № 3).

⁴ *تاریخ عالم آرای عباسی* Искандера «мунши». Тегеран, 1314; стр. 27-28.

⁵ Huart Cl. Ismail I (в «The Encycl. of Islam» vol. II., Leyd.—Lond., 1927, pp. 544-545).

к четвертому преемнику Мухаммеда, к Алию, и к его несчастным потомкам возвысил на степень общенационального культа. Но провозглашение шахом Исмаилом шиизма господствующей религией было сделано в духе воинствующем, сопровождалось крайними преследованиями суннитов во владениях шаха, причем проявления фанатизма не щадили даже мертвых, так, были вырыты из могилы кости известного ширазского казняя Бейзави, весьма почитаемого в суннитском мире комментатора Корана (ум. в 685/1286 г. или, по другой версии, в 691/1292 г.), сожжены и пепел их развеян по ветру. Спасая свою жизнь, множество суннитов бежало на восток то во владения тимуридов, пока те были у власти, то под защиту Шейбани-хана; среди них были такие ученые, как вышеназванные: законовед шаф'итского толка, Фазлулла-Рузбехан Исфahanский, Шемсуддин-Мухаммед Кухистанский, позже долго занимавший должность муфтия в Бухаре, и др. Все они охотно принимались Шейбани-ханом, не делавшим никакого различия между иранцами и тюрками по национальному признаку, но как «истинно правоверный государь», следовавший хадису пророка: «все мусульмане — братья» (кулл ул-муслимина ихватун). Эти эмигранты несли нехорошие вести из Ирана, откуда воинствующий шиизм, если его не остановить, не замедлит при военных удачах переброситься в Мавераннахр, где готова почва для его восприятия. И Шейбани-хан в своем стремлении опереться на широкие суннитские круги своих новых владений, вступает на путь борьбы и с шиитской ересью, угрожающей его политическим интересам на западе Хорасана, и с неверием вообще. Ему, питомцу бухарских правоверных мулл и дервишей, был чужд шиизм с его мессианскими воззрениями, среди которых первое место занимает идея о грядущем имаме Мехди, при котором наступит вселенское царство шиитов и титул которого так ярко оттеняет эту миссию до времени скрытого двенадцатого имама — ал-худжат ул-каим-ул-Махди сахиб уз-заман, т. е. «грядущая непреложная истина Мехди, властитель времен». И Шейбани-хан, как бы в противовес этим еретическим верованиям, принимает титул, выражающий подлинно реальную сущность его миссии: он, только он, имам данного времени, предстоятель всей мусульманской общины и наместник всемилостивого Аллаха (в противовес последним словам шиитского символа: «Алий — наместник Аллаха»). На нем, Шейбани-хане, лежит миссия борьбы с ересями и неверием, особенно с шиизмом. Таков был смысл и значение принятого Шейбани-ханом титула, за которым мы можем видеть подлинное лицо вождя узбеков, решившего использовать религию для упрочения своего положения и для дальнейшего осуществления своих честолюбивых замыслов. Теперь он смотрел на свою борьбу с шахом Исмаилом, как на «величайший газават» (газават-и акбар).¹ И уже в следующем, по взятии Герата, в 914 году май 1508—май 1509 г. Шейбани-хан пишет шаху Исмаилу следующее письмо:

«Хвала Аллаху! Престол высшего господства и венец очевидной государственной власти (нашей) равняются с вершиной Сатурна и даже превосходят его. Все без исключения твари и народные массы (наших подданных) процветают, орошаемые источником наших безграничных милостей, и благоденствуют от зефира нашего (к ним) расположения.

Что касается же (тебя), шаха Ирана, то до слуха, получающего аудиенцию в чертоге убежища вселенной, дошло, что ты распространяешь шиитскую ересь, от которой ничего не получается, кроме плотской страсти и дьявольского навождения, (а посеми) оставь сей (ложный)

¹ تاریخ رشیدی вышеназванная ркп., л. 116а.

закон, не иди по пути неповиновения (истинной вере), а путь людей, признающих сунну, — ибо кроме него нет (иного) пути — поставь за образец (для своего) слабого разума, не сворачивая стоп повиновения с прямого пути велений божественного закона! Знай за истинную правду относительно сего гнусного дела и омерзительного поступка, которые ты представляешь благими, что они суть огонь бедствия, который сожжет (даже) незримые частицы бытия. В этом положении послушай мелодию увещания на звукоряде своего уха, не следуй словам ослушания и не сверни с прямого пути, который есть истинно законный путь, на извилины путей обманщика Иблиса, — в противном случае я сделаю землю Ирака местом бесчисленных сражений и ударами победоносного меча, находящегося в моей могущественной руке, и эфесом моей воли я сравню с лицом земли (твой) сильно укрепленный Исфахан, несмотря на то, что ты возвысил башни его стен до апогея неба. Я учиню такое законное наказание (всем), что до трубы (архангела) в день страшного суда оно будет памятно (всему) населению Ирака».¹

В конце того же 1508 г., взволнованный нападением из Дешт-и Кипчака своих соплеменников узбеков-казахов на приграничные районы его нового государства с уводом в плен и обращением в рабов массы людей, Шейбани-хан устраивает по этому поводу в Бухаре совещание (по-узбекски — ч а н г и) со знатными принцами из потомства Абулхайр-хана и на нем решает вопрос об объявлении казахам священной войны. Он поручает учёным теологам Мавераннахра и Хорасана составить фетву о г а з а в а т е против казахов, как неверного народа, допускающего продажу мусульман в рабство, и приказывает внести в фетву добавление, что казахи — язычники, поклоняются идолам. Фетва была написана, и в Бухаре была объявлена священная война против казахов. 5 шевваля 914 г. (28 января 1509 г.) Шейбани выступил походом на казахов.² Сопровождавший его в этом походе перс Рузбехан Исфаханский в своих мемуарах оставил нам любопытнейшие подробности этого чрезвычайно тяжёлого похода узбеков против своих соплеменников. В невероятный холод с жестоким морозом, по глубоким снегам, по покрытым льдом, с полыньями посередине, озерам двигалось узбекское войско, предводимое ханом. Верблюды и лошади останавливались из-за невозможности двигаться дальше, тогда солдаты прокладывали им дорогу. Несмотря на невыносимый холод, пургу и снежные метели, узбеки двигались все дальше в необозримую Дешт-и Кипчакскую степь, причем ехавший на коне Шейбани все время разговаривал с учёным персом и другими образованными лицами из своего окружения на самые разнообразные темы из области, главным образом, схоластического богословия (к а л а м) и значения тех или иных хадисов, а на стоянках, когда его солдатам с невероятными усилиями удавалось поставить кибитки и добыть огонь, в кибитке хана сейчас же устраивались излюбленные им ученые диспуты и обсуждения.

Разгромив в этом походе казахов, Шейбани-хан забрал у них многочисленные стада скота, массу пленных обоого пола и прочую несметную добычу, в числе которой было больше 10 тыс. одних только казах-

¹ تاریخ سید راقم رкп. мой: хивинская XIX в., лл. 80б—81а и, повидимому, XVIII в., лл. 145а—145б, ташкентская литография تاریخ کثیره 1913 г., стр. 172-173. Во всех много разночтений.

² مهمان نامه بخارا Рузбехана, вышеупоминавшаяся ркп., л. 23а-б.

ских домов-повозок или, вернее, поместительных юрт на колёсах, и всё это в г. Еси (близ современного Туркестана).¹

Этим походом как бы навсегда определялись взаимоотношения кочевой степи, где остались не пошедшие за Шейбани племена узбеков-казахов, и оседлых оазисов Мавераннахра, завоеванных Шейбани-ханом. Теперь Шейбани-хан становился ревностным государем-защитником своего нового государства от своих кочевых соплеменников и принимает все меры, чтобы не допустить казахов, даже с мирными намерениями, в свои владения. Им был отдан приказ конфисковать имущество и товары всех казахских купцов в районах г. Туркестана и в городах Хорезма, и потом последовало распоряжение, чтобы население Туркестана не производило торговых сделок с казахскими торговцами и чтобы между ними и жителями этих районов не было никакого сообщения. Рузбехан, отражая взгляды самого Шейбани-хана на такие меры, говорит, что «истинная подкладка сего та, что у его величества, убежища халифского достоинства, высокостепенного хана, были свои причины не допускать появления казахов в (его) областях, где они воочию увидели бы все, что служит к украшению жизни и (человеческому) благоденствия и что порождает причины миродержавия и прогресс узбеков. Не дай бог, если они, видя все эти блага узбеков, вступят из-за них с ними в упорную распрю и брань, вытащив мечи из ножен войны и раздора в целях покорения этих областей, чтобы приобщиться самим ко всему тому, что украшает жизнь, и к наслаждениям разнообразной пищи. И отразить их было бы делом очень трудным; теперь же они не знают о радостях бытия узбеков и ту неприхотливую и суровую жизнь, которой живут сами, считают основой своего покоя и свободы, а узбекский народ полагают пребывающим в крайней стеснённости обитания в определённых (лишь) местах, расмаривают его, как пленника своих домов и как людей, к которым нет никакого уважения».²

И в этом отношении Шейбани-хан, прекрасно знавший психологию своих соплеменников в Дешт-и-Кипчаке, поразительно созвучен с русским исследователем среднеазиатской жизни эпохи колониального периода. «Узбек-кочевник,—говорит он,—всегда гордившийся своим образом жизни и относившийся с пренебрежением ко всякому другому роду занятий, кроме войны и скотоводства, с совершенно таким же пренебрежением стал относиться и к тому своему собрату-единоплеменнику, который, презрев обычай отцов, бросил войлочную юрту, поселился в глинобитной хижине, стал пахать и сеять, разводить деревья, ткать, делать глиняную посуду и т. п.; в самом же непродолжительном времени оседлый узбек стал в отношении узбека-кочевника, являвшего собою тогда еще громадное большинство, каким-то отщепенцем, к которому относились свысока, с пренебрежением, всегда давая чувствовать свое превосходство, выражавшееся и в большей свободе действий, и в большей воинственности, поддерживавшейся особенностями образа жизни и, наконец, в истекшем отсюда же несравненно большем политическом значении. Эта быстро установившаяся, сначала бытовая, а затем и нравственная, рознь была настолько велика, что всем вообще осевшим узбекам, не смотря на то, из какого узбекского рода они происходят, было дано общее нарицательное имя сартов, которое впоследствии распространилось на всё вообще оседлое туземное население, т. е. одинаково как на оседлых узбеков, так равно и на таджиков. Нередко случается и теперь слы-

¹ Указ. труд, л. 100а-б.

² Указ. труд, л. 82.

шать в разговоре, что такой-то киргиз (к а з а х А. С.) сделался сартом. Это значит, что такой-то, оставив кочевой или полукочевой образ жизни, сделался, в силу тех или других обстоятельств, совершенно оседлым жителем того или другого города или селения».¹

И это пренебрежительное отношение кочевника к оседлому, о котором говорит современник Шейбани-хана, Рузбехан Исфганский, весьма наглядно подчёркивалось и в XIX и даже в начале XX вв., в колониальный период Туркестана, что, несомненно, еще помнят старые туркестанцы.

И в характеристике кочевника по отношению к оседлому обитателю, высказанной Рузбеханом, отражающим взгляды самого Шейбани, мы находим параллели в среднеазиатской жизни самого последнего времени. Рузбехан, как вышеупомянуто, отмечает, что казахи «узбекский народ полагают пребывающим в крайней стеснённости обитания в определённых (лишь) местах, рассматривают его, как пленников своих домов». И я еще помню рассказы разных волостных управителей кочевых районов бывшего Туркестана, вернувшихся из Москвы с коронаций царей Александра III и Николая II, с каким недоумением они рассказывали, как тесно живут в своих городах русские, как запертые в своих «громдных кибитках» они при всяком удобном случае раскрывают особые отверстия — окна и, высовываясь оттуда на улицу, жадно вдыхают воздух, что вследствие тесноты и скученности, чтобы не сидеть дома без воздуха, эти несчастные больше всего стремятся быть вне домов, почему на всех улицах такая масса народа, ходящего в разные стороны, и прочее в этом роде, что ни в какой мере не обольщало кочевника и не вызывало симпатий к этим «добровольным мученикам» с его, кочевника, точки зрения.

Во всяком случае теперь между Шейбани-ханом с его племенами и оставшимися на необъятных просторах Дешт-и-Кипчака его соплеменниками, которых потомки древних обитателей гг. Сыгнака, Дженда, Аш-наса и друг., ходжи низовьев Сыр-Дарьи, продолжали называть до самого последнего времени не к а з а х а м и, а у з б е к а м и;² между ними образовалась пропасть, которую уже ничто не могло заполнить и изгладить, ни время, ни политические события. И ханы казахов-узбеков отныне стали для государства Шейбани-хана и его преемников такую же угрозою и таким же бичём, каким были не задолго перед этим ханы узбеков для владений тимуридов.

В борьбе с неверием, особенно с шиитской ересью, Шейбани-хан не был одинок, у него был союзник — турецкий султан-Баязид II (896/1481-918/1512). Правда, мы не находим об этом никаких упоминаний у среднеазиатских историков как современных Шейбани, так и у позднейших. Но что связи узбеков с турецкой империей были, это не подлежит сомнению. Выше уже упоминалось, как Шейбани-хан читал подаренное ему произведение турецкого поэта XV в. Ахмеда Руми, проникшее в Дешт-и-Кипчак. В XVI в. при двоюродном брате Шейбани-хана, Барак-хане, правителе Ташкента, в Ташкенте был отряд турок в 300 человек, вооружённых огнестрельным оружием, и эти турки оказывали существенную помощь Барак-хану в его завоевательных стремлениях в направлении Самарканда и Шахрисябза. Это подтверждает и турецкий адмирал Сиди-Али Реис, после кораблекрушения на Индийском океане и ряда приключений в Азии возвращавшийся на родину через государство

¹ Наливкин В., Крат. ист. Кокандск. ханства. Казань, 1885, стр. 32.

² См., напр. Каллаур В., Древние гор., креп. и курганы по р. Сыр-Дарье в вост. части Перовск. у. (в Прот. засед. и сообщ. член Турк. кр. люб. арх. Год шестой, Ташкент, 1901, стр. 77-78).

узбеков во время правления Барак-хана.¹ Судя по ряду писем к турецким султанам преемников Шейбани-хана и ответных им писем из Константинополя, сохранившихся в турецком источнике,² принимая во внимание письмо к султану Мураду III (982/1574-1003/1595) наследника престола Абдулмумина (сына Абдуллы-хана) по случаю взятия им в 1582 г. Мешхеда и о варварском осквернении шиитской святыни,³ а также поступок шаха Исмаила I после гибели Шейбани-хана в отношении турецкого султана, о чем будет сказано потом, — все говорит за то, что, если союз не существовал, то была известная солидарность турок-османов и узбеков в отношении совместных выступлений против еретического Ирана.

Последовал ли какой-либо ответ на вышеприведенное письмо от шаха Исмаила, неизвестно. Шейбани-хан послал ему другое, именуя в нем шаха не государем, а даругою, каковое монгольское слово, употреблявшееся и в Джучиевом, и в Джагатаевом улусах, у узбеков обозначало правителя города и его района, также наместника области, но не государя.

«Да знает Исмаил — даруга, возвеличенный особо беспредельными царственными милостями, — писал Шейбани-хан, — что порядок в делах обладания государством приумножение (от сего) польз и отражение врагов, бывшие в могущественном и самодержавном обладании нашего великого и счастливого деда-мученика, — да будет благоуханна его могила, и да будет уготована ему райская обитель! — были обязаны поддержке всещедрого извечного (создателя), престол же правосудия и милосердия в миродержавном дворце величия и милости поставлен в управляемой нами земле, монета львиного мужества на монетном дворе храбрости и триумфа украшена нашими августейшими титулами, а о призыве (нас) к имамству и об облечении (нас) халифским достоинством возвестил нам голос по-тустороннего мира.

Итак, известно, что святейший посол, — да благословит Аллах его и потомство его! — сказал: ал-валиду сирру аби хи, т. е. «то, что от отца остается, переходит к сыну и делается достоянием (дальнейших) потомков». Второе, подсказываемое соображениями разума, то, что возникла мрачная ночь и звёзды появились на небе, особенно (яркая из них) Канопус, которая восходит из-за вершины гор, примерно, на один полёт копыя, (вот) она засветила своим золотым блеском, (но) через какой-нибудь час она задрожит (и побледнеет) из-за страха перед восходом солнца, когда начинается утро, и в том самом месте, где возшла эта звезда, она и потухает. Таково и наше восхождение со стороны востока и твое восхождение с запада, по аналогии — это восход Канопуса и

¹ См. прин. мне уникальную ркп. *سراج السالكين و لطايف العارفين* Убайдуллы Накшбенди-и Самаркандия, о подвигах шейха XVI в. Лутфуллы Чустского, лл. 155-157. Также: Sidi Ali Reis. The travels and advent. of the turk admiral in India, Afganistan, Centr. Asia and Persia... the years 1553-1556. Transl. from the turkish... by A. Wambery. London, 1899 *مرات الممالک - مولف سیدی علی رئیس - در سعادت*

² См. *منشآت السلاطين* Феридун-бея. Константинополь, 1234-65. По неимению этого издания в Ташкенте, сужу об этом по выписке из названий писем турецких султанов XVI-XVII вв. в Среднюю Азию, каковая выписка была любезно мне прислана А. С. Тверитиновой, за что искренне ее благодарю.

³ Письмо это помещено в *تاریخ مقیم خانی* Мухаммед-Юсуфа «мунши» (во всех рукописях этого труда).

Солнца. Третье — то, что поклонение великой Ка'бе, — да умножит Аллах ее славу и величие! — есть одна из основ ислама и является обязанностью всех мусульман, (посему) необходимо все пути, ведущие к великой Ка'бе, (тебе) устроить и завершить, ибо (наши) победоносные войска вознамерились совершить ей поклонение. Приготовь (для их пути) провиант (суюрсат) и подарки, выбей монету, украшенную нашими августейшими титулами, на (своем) монетном дворе и пусть каждую пятницу в мечетях (твоих) владений возглашаются на хутбе наши миродержавные титулы, сам же направься к (нашему) высочайшему престолу. В противном случае, если ты не подчинишься сему (нашему) августейшему приказу, то мы пошлем против тебя наше дорогое и счастливое дитя, обладающего султанатом и миродержавием, победоносного героя, Имадуддина Убайдуллу-бахадур-хана, — да продлит Аллах его жизнь! — со всеми эмирами и войсками Бухары, Самарканда, Хазора, Никудари, Гура и Гарджистана, чтобы он ниспроверг тебя (своим) гневом и расправою. Если же (паче чаяния), он не станет (над тобою) победителем, мы направим на твои владения другое (свое дитя), охранителя народа, спокойствие и безопасность городов, уничтожающего неверие и возмущение, «отца всадников» (Абу-л-Фаварис), Тимура-бахадур-хана, — да продлит Аллах его жизнь! — со всеми эмирами и войсками Кундуза, Баглана, Хисара, Бадахшана и прочих районов Туркестана, чтобы он покорил (твою) территорию. Если же, не дай бог, и вторично такое предприятие не осуществится, то мы пошлем (свой) победоносный и запечатленный удачей штандарт, т. е. льва чащи войны, первое (свое) дитя Абу-н-Наср-Камалуддина Сунджик-бахадур-хана, — да продолжит Аллах его жизнь! — со всеми (нашими) эмирами и приближенным, (причем) жемчужину короны, храбреца времен, крокодила Джейхуна непреклонности на поле брани, Хамзу бахадур-хана, поставим на правом фланге, а дитя (свое), опору царства в мире и могущество героя по (своим) подвигам, Салимуддин Мехди-бахадур-хана, на левом фланге со всеми проверенными и счастливыми эмирами, витязями и войсками, которые соберутся от Андижана и Ташкента, от Шахрисябза и Ургенча, от Хорезма (с берегов) Джейхуна и Сейхуна, от районов, (занятых) кипчаками и калмыками, и других, чтобы они твердо противостояли врагам и сражались с ними, а знатнейшие сановники государства (букв. «очи государства»), кои будут присутствовать в той войне, сохраняли бы основу степенности на земле отважности. И авось будет то, что с помощью всевышнего Аллаха, по его предвечному слову «да поможет тебе Аллах (своею) могущественною помощью»¹ он (Камалуддин Сунджик) встретит победу; и вот в каком же месте будет (оказано тобою) противостояние и сопротивление? И только!».

Трудно сказать насколько точен текст этого письма, приводимого известным персидским историком Сани-уд Довлэ,² где в конце имеется примечание, что разница этого текста от текста подлинного письма Шейбани-хана заключается «в опущении некоторых эпитетов и глупых слов». Наводит на сомнение название Шейбани-ханом своего деда Абулхайра мучеником (шахид), т. е. убитым, между тем, как он умер от па-

¹ Сура XLVIII, стр. 3.

² تاریخ منتظم ناصری т. II, Тегеран, 1299, стр. 91-92. К сожалению, я лишен был возможности воспользоваться текстом писем Шейбани-хана в أحسن التواريخ Хасан-бека «румлу», по неимению этого исторического труда в Ташкенте.

ралича, своего племянника Убайдуллу Шейбани именуется почему-то сыном, Баглан, Хисар и Бадахшан Шейбани причисляет к районам Туркестана. Но как бы то ни было непрязненные отношения между двумя ревностными последователями двух непримиримых толков ислама зашли слишком далеко, чтобы можно было все закончить миром.

Последовал ли какой-либо ответ от шаха Исмаила на приведенное письмо Шейбани-хана, полное угроз и грубых выражений, неизвестно. Но Хондемир говорит, что шах Исмаил раза два-три писал Шейбани-хану по поводу его враждебного к себе отношения, посылая к нему таких лиц, как шейх Мухъиддин-Ахмед, более известный под именем Шейхзадэ-йе Лахеджани, и казий Зиауддин-Нуруллах. В своих посланиях шах призывал Шейбани-хана «стать на путь истинной веры и (последовать) необходимости повиновения и послушания (ему), удерживая его от совершения недостойных действий, кои являются причиной разрушения основ спокойствия народов; но эти слова не произвели на Шейбани-хана никакого впечатления и он, гордясь своим многочисленным узбекским войском, не пошёл по долине повиновения (шаху), и даже более того, в то время, как шейх Мухъиддин Ахмед-и Лахеджани, из числа состоящих у подножия престола власти миродержавия, прибыл в качестве посла (к Шейбани-хану, последний) отправил к чертогу убежища вселенной, (шаха Исмаила), эмира Кемаледдин-Хусейна Абиверди с письмом, в котором говорилось, что «так как выполнение паломничества к св. местам Аравии (х а д ж ж) является непоколебимой основой ислама, то мы в ближайшее время выступаем в Ирак и Азербайджан, поэтому извести, в каком месте произойдет наша встреча?» Шах ответил на это так: «мы также намерены отправиться для совершения обряда обхождения вокруг гробницы имама Ризы, — да почнут благословения на ее обитателях!, — почему тебе подобает поторопиться выступить навстречу (нашему) счастливому и пышному кортежу, чтобы мы могли выявить как дружественные к тебе отношения, (так) и необходимость во враждебных действиях».¹

Трудно сказать, относилось ли к этому этапу переписки вышеприведенное из персидского источника письмо Шейбани-хана, или оно стояло особняком от этого? Во всяком случае, воспользовавшись вторым походом шаха Исмаила против Ширвана, Шейбани-хан послал отряды узбеков на Керман и они, пройдя пустыню, внесли в эту область страшное опустошение, разорение, грабежи, убийства и всякого рода насилия над беззащитным мирным населением. Узнав об этом, шах категорически потребовал у Шейбани-хана прекращения набегов, но тот гордый своими военными успехами, послал шаху при оскорбительном письме дервишскую палку и чашку (к э ш к у л ь) для сбора подаяний, намекая этим на его дервишское происхождение.²

В середине раджаба 916 г. х. (во второй половине октября 1510 г.) шах Исмаил, прибыв под Харакан и собрав войска обоих Ираков (Арабского и Персидского), Фарсистана, Кермана, Курдистана, Луристана, Аррана и Азербайджана, устроил пышный пирственный приём эмиров и всех начальствующих лиц в местности «Султан бэляги» с целью снизить их расположение и осуществить поход на Хорасан, чтобы положить

¹ حبيب السير Хондемира. Том III, ч. 3, Тегеран, 1271, стр. 303-304.

² В ам бер и Г., «История Бухары», т. II, СПб, 1878, стр. 26-27 со ссылкой на Хондемира, но ни в Тегеранском, ни в Бомбейском издании حبيب السير мы не нашли этого.

конец опустошительным набегам Шейбани-хана и освободить занятые им области. На совещании всех начальников с участием шаха был решен вопрос о походе на восток и о войне с Шейбани-ханом. Всем эмирам, сановникам и начальникам воинских частей были розданы щедрые подарки, состоящие из лошадей с богатым конским убором, из драгоценного оружия, таких же костюмов, поясов, дорогих тканей, денег в благородных металлах и проч. Причем, щедрость шаха в этом отношении была такова, что по подсчету стоимость всего розданного в итоге составила 23 тыс. тавризовских туманов, т. е. считая тогдашний тавризовский туман предположительно минимум в 10 рублей золотом, хотя позже, при шахе Аббасе I туман равнялся 33 р., — это составит сумму в 230 тыс. зол. рублей, по тогдашнему курсу огромную.¹

Шах двинулся со всеми войсками на Дамеган, где наместником (даруга) Шейбани-хана был его зять Ахмед-султан. Услышав о приближении шахских войск, он бежал, также поступил и узбекский правитель Астрабада, Ходжа Ахмед «кунград». Начальствующие лица и знать Джорджана выехали навстречу шаху с многочисленными подарками и в Бестапе были благосклонно приняты Исмаилом, выразив ему полную покорность, и с миром отпущены домой. Шах двигался дальше на восток, гоня перед собою узбекские гарнизоны, разбросанные в разных местах западной части Хорасана; они отступали, уходя под защиту Герата, где находился Шейбани-хан, разбивший свою ставку в саду «Баг-и Джэханарай». Он только что вернулся из малоуспешного и утомительного похода на афганских хезарейцев, тревоживших своими нападениями его авангарды. Известие о вступлении в Хорасан шаха Исмаила и его успешное приближение к Мешхеду весьма взволновало Шейбани, а пришедшие в это время из Самарканда известие, что его сын Мухаммед-Тимур потерпел страшное поражение на Сыр-Дарье от объединенных сил моголов и казахов чрезвычайно потрясло и удручило Шейбани. Его войска были утомлены только что совершённым переходом, отступавшие из Хорасана войсковые части были деморализованы, думать о выступлении навстречу шаху не могло быть и речи. Повидимому, чтобы ближе быть к своим за-амударьинским владениям с их узбекскими резервами, Шейбани-хан поспешил со своим войском укрыться за стенами Мерва, дав знать в Мавераннахр, чтобы посылали к нему подкрепления.

В Герате оставленный им наместником Хорасана Жан-Вефа-мирза вскоре последовал за своим государем, убежав тоже в Мерв. В результате паники, охватившей узбекскую администрацию столицы Хорасана, в ней оставалось из узбеков и жителей собственно Мавераннахра лишь два человека; но один из них, Ходжа-йи-Хурд, в сопровождении эмира Султан-Махмуда, бывшего в большом доверии у узбекского наместника Герата, названного Жан-Вефа-мирзы, в районе Туса, в крепости Ихтиар, смиренно и покорно представился шаху Исмаилу и был обласкан.

Поставив своих правителей в занятых им городах и районах, шах Исмаил направился к Мешхеду, овладел им и совершил торжественное поклонение гробнице имама Ризы с положенным таваффом (т. е. традиционным обхождением), щедро одарил мешхедских сеййидов и всех пребывавших у гробницы имама и выступил на Серахс. При его приближении узбекский даруга бежал из города-крепости, а жители выразили шаху покорность и получили пощаду от возможной расправы с ними шахского войска, заявив о своем исповедании шиизма. Из Серахса Исмаил послал к Мерву разведывательный отряд под начальством

¹ См. Chardin. Voyage en Perse et autres lieux de l'Orient T. II, Amsterdam, 1711, p. 92, Богданов Л. Ф., Персд. Спб. 1909, сур. 95-96.

Данэ-Мухаммед-бека; Шейбани-хан, узнав об этом, выслал ему навстречу отряд узбеков под начальством б. гератского наместника Джан-Вефа-мирзы. В жаркой схватке у селения Тахерабада Данэ-Мухаммед-бек был убит, но шахскому отряду удалось прогнать узбеков в самый город. Вскоре подошёл шах со своими главными силами, обложил Мерв и начал его осаду. Шейбани-хан распорядился укрепить ворота города, распределил защиту его по крепостным башням, над каждой начальствовал один из его великих эмиров. Осаждающие проникали до крепостных ворот, осаждённые предпринимали вылазки и отгоняли врагов. И хотя осада для персов шла успешно, тем не менее, в целях коренного истребления живой силы узбеков, шах Исмаил прибег к хитрости: внезапно снял осаду и, отступив от города в воскресенье 28 ша“бана 916 г. х. (30 ноября 1510 г. н. э.) к селению Махбудабад, в 3 фарсангах от Мерва, послал Шейбани-хану письмо такого содержания: «Ты обещал встретиться с нами в Ираке или Азербайджане, но не выполнил этого обещания, между тем, мы свое выполнили и пришли в Хорасан; ты же уклонился от свидания с нами. Теперь мы возвращаемся на зимовку в районы Хорасана, а по весне, в сезон тюльпанов, мы выступим на арену борьбы с тобою». Это письмо шах отправил с одним из высших офицеров своего конвоя, в то же время поручив Эмир-беку м у с у л и «хранителю печати» (м у х р д а р) с 300 кавалеристов остаться у моста на Мургабе, ведшего к Махмудабаду, а сам с главными силами направился к крепости Талхатан. Шейбани-хан, получив письмо шаха и усмотрев из его содержания слабость и бессилие Исмаила воевать с узбеками, приказал задержать посла и отправить его в Мерв. Сам же, обманутый притворным отступлением шаха, вышел из Мерва со всеми своими силами и бросился преследовать отступающих «кызыльбашей», которые быстро уходили. Оставленный около моста отряд Эмир-бека м у с у л и, уклонившись от боя, обратился в бегство и пропустил узбекскую армию через мост, она стремительным маршем понеслась дальше. И Шейбани-хан только тогда заметил, что стал жертвой военной хитрости, когда узнал, что оставшийся позади его в 24 км от Мерва мост на Мургаб разрушен и армия шаха Исмаила сомкнула роковой для Шейбани круг. Последовавшее затем кровопролитие было ужасно и отличалось с обеих сторон необыкновенным ожесточением. В конце концов победа осталась за «кызыльбашами» и узбеки обратились в бегство, яростно преследуемые врагами, которые рубили их шашками; большая часть узбекских эмиров погибла в этом ожесточённом бою. Взятый в плен узбекский наместник Хорасана, Джан-Вефа-мирза, по приказанию шаха был убит. Шейбани-хан с 500 людей своего конвоя и свиты, спасаясь от наседавших «кызыльбашей», погнал коней в один ч а р д и в а р, не имевший другого выхода наружу. Это был один из тех многочисленных в степных местностях загонов для скота, которые имеют четыре стены с одним лишь въездным пролётом. За уходящим ханом бросился Пурун-султан с полком г а з и ‘е в или борцов за веру и, окружив эту загородь, начал осыпать узбеков стрелами, те во множестве стали падать, растаптываемые копытами сжатых в тесноте и взбесившихся коней; немногие же, оставшиеся в живых, по трупам мертвых вышли на стены ч а р д и в а р а, но здесь они становились мишенью метких выстрелов шиитских «борцов за веру» или рубились их шашками и сбрасывались вниз. И когда все узбеки были истреблены в ч а р д и в а р е, некоторые из свиты шаха стали искать Шейбани-хана и один из них, некто Азиз-ака, известный под именем Ади-бахадур, знавший вождя узбеков, нашел его задохнувшимся под трупами бежавших и погибших;

он отрубил ему голову и, принеся к шаху Исмаилу, по восточному обычаю бросил ее под ноги его коня, воздав при этом приличествующую хвалу шаху. Последний, захватив воинское снаряжение узбеков, и всё то, что принадлежало Шейбани-хану и его эмирам и чего было великое множество, приказал всё разделить между особо отличившимися воинами. Население Мерва и его района было помиловано. Из голов убитых были сооружены пирамиды. Захваченный в Мерве Ходжа Камалуддин-Махмуд-и-Согарджи, бывший у Шейбани-хана важным сановником дивана и принимавший участие в решении важнейших государственных дел, снискал расположение влиятельного шахского вельможи эмира Наджмуддин-Мас'уд-и-Сани, и по его заступничеству был не только пощажён Исмаилом, но впоследствии был у него везиром, членом дивана и непременным участником интимных шахских собраний. С головы Шейбани-хана была снята кожа, набита соломой и послана турецкому султану Баязиду II; череп же хана шах оправил в золото и употреблял его, как кубок для вина, на своих пирах. В связи с этим, как говорит персидский источник, был обязан своему счастью у победителя вышеупомянутой Ходжа Камалуддин Махмуд-и-Согараджи. Когда шах Исмаил пил однажды вино из черепа Шейбани, Ходжа Камалуддин стоял в ряду других пленников. Шах сказал: «Ходжа, знаешь ли ты, чей это череп? Твоего государя!» «Хвала Аллаху! — воскликнул Ходжа, — что за счастливый человек он был! И до сих пор счастье не оставило его, ибо даже в этом состоянии он в такой руке, как твоя, — счастливец, т. к. все время из него пьют вино!» Этот находчивый ответ Ходжи так понравился шаху, что обеспечил Ходже блестящее положение при дворе последнего.¹

Отрубленная рука Шейбани-хана была послана его второму союзнику, владетелю Мазандерана, Ага-Рустаму, который говаривал про Шейбани-хана: «Это моя рука, мой подол (покровительства)». Теперь он получил руку Шейбани со словами посла: «твоя рука не успела вцепиться в подол его платья, за то теперь она вцепилась в твой подол».² Интересно, что известия персидских историков о кубке из черепа Шейбани-хана, нашли косвенное подтверждение в археологическом открытии. В начале 70-х гг. XIX в., при пробивке в Самарканде прямой улицы от Чор-Су к воротам Ахенин пришлось разрушить медресе Шейбани-хана в ее восточной части, и «суфа», в которой был похоронен Шейбани-хан и некоторые члены его дома, была перенесена ближе к западной части медресе. При вырытии из «суфы» скелетов, один из них оказался без головы.³

Во все области Ирана были посланы извещения о блистательной победе шаха над Шейбани-ханом. Эти извещения (фэтх-намэ) читались по городам, в мечетях с кафедр, при большом стечении народа в торжественной обстановке.

Мы остановились, может быть, слишком подробно на обстоятельствах, которые упрочили господство кочевников-узбеков, пришедших на среднеазиатские оазисы из степей Дешт-и-Кипчака и положивших своим завоеванием этих оазисов начало нового периода в истории Узбекистана. Но все приведенные факты и причины, их породившие, хотя и чисто

¹ *روضه الصفا* Мирхонда. Т. VII, *تاریخ عالم آرای عباسی* стр. 27-29.

Тегеран. 1274/1857. стр. 10-12. *حیث السیر* Хондемира. Т. III, часть 3-ья; стр. 325-326, 353-355. Вамбери. Г. Ист. Бухары, т. II, стр. 21-24.

² *تاریخ عالم آرای عباسی*, стр. 29.

³ «Самария», опис. древн. и мусульм. святынь Самарканда, Абу-Тахир-ходжи. Перев. В. Л. Вяткина. (в «Пам. книжке Сам, обл., 1898, Самарканд, 1899, стр. 243-244).

внешнего характера, тем не менее дают возможность прийти к следующим выводам в отношении того, почему так бесславно пала обширная и весьма культурная империя тимуридов под натиском, надо полагать, неслишком многочисленного народа с мировоззрением и культурой примитивов. Одним из основных факторов крушения бывшего Джагатаева улуса, а потом его перерожденца — государства Тимура и его преемников, — был тот, что в защите их не принимал участия народ, а феодальная знать и тимуридские князья, занятые исключительно своими узкоэгоистическими интересами и династическими распрями, в силу чего и тимуридским эмирам, и главам отдельных владений Тимурова наследства чужда была идея патриотизма, преданности отечеству и его общегосударственным интересам. Даже если исходить из единства племенного происхождения тимуридов и их эмиров, принадлежавших к отуреченным монгольским племенам, то и здесь мы можем безошибочно прийти к тому заключению, что сознания этого единства у них не было: каждый эмир стремился подчеркнуть свое личное племенное происхождение и название его племени, как некий тотем, неизменно присоединялось к концу его имени, вроде барлас, аргун, аралат, джелаир и проч. И если за триста лет перед тем местная тюркская власть в своей борьбе с монголами по бездарности и потерпела жестокое поражение, проиграв поле битвы, и предала обширный край в их руки, и потому Чингиз, отлично сознавая, кто являлся его активным врагом, при взятии среднеазиатских городов считал своею обязанностью, прежде всего, поголовно избивать их тюркские гарнизоны, — то же повторилось и теперь. Тюрко-монгольская правящая власть также проиграла войну за Среднюю Азию и Хорасан с пришедшими с севера кочевниками и потому-то их вождь, действуя менее жестоко, чем монголы, прежде всего, старался изъять тимуридских эмиров, когда они попадали в его руки, из сферы их влияния, переселяя в другие места или казня их, если они восставали против него и занимались предательством. С другой стороны, было нечто и отличное от того, что сопровождало монгольское нашествие. Тогда приходили «неверные» язычники, борьба с которыми при талантливом общем командовании могла вызвать общенародное восстание на почве «священной войны», «войны за веру», теперь этого не было. Враги-кочевники были те же мусульмане, что и местное население, их вождь Шейбани-хан был человеком местной высокой культуры, в целях собственной популярности проявлявший интерес к науке, просвещению и искусству (по взятии Герата у него нашлось даже время позировать гениальному Бехзаду, написавшему знаменитый портрет Шейбани-хана). В этом же роде было и его ближайшее окружение и его последующие преемники, выросшие и воспитавшиеся на местной культуре оседлого населения. Поэтому-то те официальные представители просвещения теократического государства тимуридов, какими являлось духовенство, быстро нашли общий язык с победителями и сохранили и при них то же первенствующее положение, какое они занимали и при свергнутой династии. Многочисленные дервишеские братства, возглавлявшиеся своими «старцами-руководителями», возводившими свой род или к пророку (сеййиды), или к первым арабским завоевателям (ходжи) и имевшими сотни тысяч своих последователей, повидимому, хорошо были знакомы и кочевникам-узбекам; среди их степных просторов, например, жил вышеупомянутый узбекский шпион и агитатор, высокопочитавшийся кочевниками сеййид Джафар-ходжа, а сам Шейбани-хан принадлежал (по крайней мере в молодости) к среднеазиатскому дервишскому ордену «ходжагон» (накшбендия). Под сенью же этих дервиш-

ских корпораций в степени «учеников» (м у р и д о в) уживались люди не только совершенно различных классов и общественных формаций, но и политические противники: у известного среднеазиатского ишана Махдум-и-Азама верными и преданными учениками были: Султан-Бабур и его победитель, окончательно изгнанный Бабура из Мавераннахра, племянник Шейбани, Убайдулла-хан. Первый будучи далеко за пределами Мавераннахра, поддерживал сношения со своим духовным наставником, а второй, находясь в Мавераннахре у вершины государственной власти, был прежде всего покорным учеником этого же наставника. Правда, из рассказанных событий мы видим участие в выступлениях против Шейбани разных ходжей, принадлежавших, несомненно, к дервишским орденам, которые, казались бы, должны иметь одну общую линию поведения, по крайней мере, в вопросе борьбы за светскую власть, предоставив его решение «мирским людям». Но если из письменных памятников данной эпохи мы не знаем в точности, какие наиболее влиятельные дервишские ордена существовали к приходу узбеков на территории Средней Азии, то из памятников последующих десятилетий того же XVI в. мы знаем об ожесточённой борьбе между собою двух крупнейших местных орденов, «ходжагон» и «кубравия», борьбе, происходившей на почве не столько, может быть, идеологической, сколько материальной из-за количества «учеников» (м у р и д о в) и личного влияния и благополучия. Поэтому возможно, что и выступавшие против власти Шейбани-хана и узбеков вообще принадлежали к одному из таких враждующих между собою орденов, когда другой орден выступал на стороне узбекского хана.

С другой стороны, если безболезненно происходило соединение новых узбекских правящих верхов с местным духовенством и дервишеством, с литературой и искусствоведческой средой, если новые господа края нуждались, как и прежние, в ремеслах и торговле, почему ни ремесленные цехи, ни торговый класс не были ограничены в своей деятельности,— то перенести наибольшие потрясения и наибольшее разорение выпало на долю оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого населения. Опираясь на кочевников различных племён бывшего Джучиева улуса, Шейбани, приведя свой народ в Мавераннахр, должен был поселить его на новых местах и кочевники-победители, естественно, стремились занять лучшие места, ни в какой мере не считаясь с интересами местного коренного населения. Поэтому основные массы кочевников расположились в районах Ташкента, заняли лучшие места в долине Зерафшана, в Кашка-Дарьинском и в Суханском районах, значительная часть перешла на левый берег Аму-Дарьи, на территорию Северного Афганистана. Все этапы подобного расселения сопровождалась вытравыванием и потравой скотом пахотных полей и садов, всякими насилиями над земледельцами, захватом их земель и превращением в пастбища, отгоном здешних кочевников с их пастбищ и зимовых стойбищ, угоном у них стад и вообще разными обидами и притеснениями. Если же мы присоединим сюда и то обстоятельство, что каждая из областей тимуридского господства была отдана в ю р т (обиталище, владение) того или другого узбекского племени (Термез, например, составил ю р т племени к у н г р а д, Кундуз — племени к а т а г а н, Шибирган с Меймене — ю р т племён м и н г и проч.) и оно господствовало в таком юрте, возглавляясь своим племенным вождём, носившим, как и при тимуридах, титул эмира, то станет ясным, что интересы исконного земледельческого и скотоводческого населения данного района всецело подчинялись интересам господствующей здесь верхушки узбеков. Все это породило, как увидим дальше, на долгие годы упадок благосостояния земледельческого класса

и запустение некогда культурных пространств, происшедшие из крайней непримиримости интересов степи и оседлых районов. Местные же кочевники, в силу их подвижности и единства языка с победителями, в конце концов слились с последними, введя свои племенные подразделения в таковые же узбекского народа.

С другой стороны, хотя с приходом узбеков навсегда прекратились этнические перевороты в Средней и Западной Азии и узбеки были последним кочевым племенем, поработившим среднеазиатские оазисы, но их приход имел отрицательную сторону и в сношениях Средней Азии с внешним миром. Падение государства тимуридов и переход его во власть узбеков совпали с провозглашением в Иране шиизма господствующей религией при наличии в государстве узбеков только одной строго правоверной суннитской церкви, каковое обстоятельство порвало узы, тесно связывавшие родственные по языку, по религии и по общей культуре народы по ту сторону Аму-Дарьи с их братьями на юге и юго-западе Азии. И этот разрыв еще более усугублялся тем обстоятельством, что Шейбани со своими кочевыми соплеменниками бросился на Хорасан в тот момент, когда фанатизм основателя тюркской династии «сефевидов» насаждал в Иране шиизм, и пылкость среднеазиатских суннитов, противодействуя этому, вызвала страшную реакцию и месть шиитов, поэтому тем полнее было обособление Мавераннахра от своих юго-западных соседей и водная преграда Аму-Дарьи отныне стала тем рубежом между Ираном и Мавераннахром, который окончательно порвал культурные связи между частями когда-то единого целого. Хорасан отныне становился ареною трехсотлетней, почти непрерывной, борьбы Ирана с узбеками и туркменами, диких опустошительных набегов и грабежей, массовых истреблений населения и превращения обширных культурных площадей в пустынные безводные пространства вроде тех, которые застали русские в 80-х гг. прошлого века в «Закаспийском крае», этой исконной и древнейшей части Хорасана.

Создавая свое государство, Шейбани-хан в основу государственной жизни положил степные традиции; государство считалось собственностью всего ханского рода, члены которого назывались султанами, а избиравшийся ими глава или старейшина рода — ханом. Хотя преимущественное право на ханский престол имел старший в роде, но это правило потом нередко нарушалось, как мы увидим ниже; и в правление того или иного хана нередко ханский титул присваивали и наиболее могущественные султаны, державшие себя независимо по отношению к своему сюзерену и враждовавшие с ним. Бывало и так, что титул хана давался тому из наиболее энергичных и талантливых узбекских принцев (султанов), который, действуя от имени своего сюзерена (действительного хана), одерживал победы над внешними врагами и способствовал блеску и мощи государства. Последнее было разделено на несколько крупных княжеств, нередко дробившихся на более мелкие уделы. Их султаны иногда по смерти своих старших родственников занимали места последних в крупных княжествах. При султанах сюзерен назначал т. наз. а т а л ы к о в, своего рода дядек, с правами отца, на обязанности которых, по свидетельству историка XVI в., лежало «отеческое» наблюдение за удельным князем, помогать ему советами в деле наилучшего управления своим уделом. Эта удельная система, по словам позднейшего историка Востока, «ближе всего напоминает порядки удельной Руси XIV и XV веков... Самарканд считался ханским городом по преимуществу, как Владимир на Клязьме-великокняжеским; но провозглашенный государем всех узбеков владетель не всегда переезжал в Са-

марканд; иногда он находил для себя более выгодным оставаться в своем прежнем уделе, где в его распоряжении находились достаточные, притом более надежные, силы. Столичное положение Самарканда не мешало ханам, от имени которых чеканились монеты для всего государства, иногда жить в Балхе, Ташкенте и, в особенности, в Бухаре, как русские великие князья, даже когда значение великокняжеского города еще сохранилось за Владимиром, могли жить в Твери и, в особенности, в Москве. Постепенно значение столицы Туркестана перешло к Бухаре, с которой еще в XVI в. связали свое имя самые могущественные из узбекских ханов».¹ Сохранив в общем ту же структуру административного аппарата, которая существовала и в государстве тимуридов, Шейбани-хан и его преемники ввели кое-что и специфически узбекское в «табель о рангах» своего государства. Как и при тимуридах наиболее влиятельные представители узбекских племён, их знатные родовичи, получали, как выше упомянуто, титулы эмиров, т. е. князей, и возводились в тот или иной чин, причем слово эмир ставилось перед собственным именем, после него следовал чин, а затем непременно обозначалось племя, из которого происходил этот эмир (например, эмир Ибадулла Ахмед-бий «парвоначи» — кунград). В последние времена, как мы увидим ниже, эти узбекские эмиры нередко играли большую роль в государстве, чем тот или иной султан; многие из них, опираясь на свои крепкие родовые и племенные связи, становились весьма опасными для ханской власти, а удаляясь в юрт своего племени, делали почти недосыгаемыми для наказания или расправы, потому что идти войною против целого племени решался не каждый хан. Нередко эмиры становились временщиками при наиболее слабых султанах и даже при ханах, забирали власть в свои руки и делали, что хотели. Узбекские султаны заискивали у наиболее влиятельных эмиров и в своих сепаратистских стремлениях, и в активных выступлениях против ханской власти обычно опирались на них. Таким образом хану узбекского государства, пожалуй, приходилось в большей степени считаться со своими беспокойными эмирами, чем тому или иному тимуридскому властителю.

В свой придворный обиход узбекские ханы внесли многое свое, что не было свойственно тимуридам; таков, например, был обычай табуг, строго соблюдавшийся при приёмах чужестранных высоких особ. Он состоял в том, что представлявшийся становился перед ханом на колени, сняв головной убор и согнув спину, как это делают молящиеся, одной рукой, смиренно, умоляющим жестом, брался за ухо, подражая жесту раба. Придворные церемониалы разных приёмов и заседаний советов отличались строгим местничеством не только служилого сословия, но и старейшин узбекских племён; столь же сложна была церемония питья кумыса у хана эмирами, представителями родовой знати, а вместе с тем армии и администрации.² Узбекские народные массы, пришедшие в Мавераннахр, также принесли свои нравы и обычаи, из которых многие сохранились у них до самого последнего времени, когда они уже перешли на состояние полуседлое; к ним относились, например, такие пережитки монгольских ясы и юсуна, как организация общественных посиделок (шерда) для питья кумыса (позже — бузы из проса) с церемониями, очень сходными с ханскими и проч.³

¹ Бартольд В. В., Ист. культ. жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 96.

² حبيب السير Хондемира, т. III, ч. 3, стр. 247, Бартольд В. В., Церем. при дворе узб. ханов в XVII в. (в «Зап. И.Р.Г.О. по Отд. Этн.», т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 295-308).

³ Гаврилов М. Ф., Остатки ясы и юсуна у узбеков. Ташкент, 1929, стр. 3-9.

III

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА
ШАЙБАНИ-ХАНА

(Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.)

30 мая 1507 г. н. э. (18 мухаррама 913 г. х.) в соборной мечети Гезата была впервые провозглашена хутба на имя нового его завоевателя Шейбани-хана, и тем самым даже формально прекращено существование тимуридской династии. Некоторые восточные историки подробно и обстоятельно описывают все политические события последних дней когда-то блестящего государства Тимуридов, шаг за шагом прослеживают историю завоевания его основателем новой шейбанидской державы, но только один из них среди потока мелких и крупных событий не проглядел любопытный факт, понять подлинный смысл и значение которого за внешними проявлениями могли далеко не многие современники. Этим единственным восточным историком был Хондемир, а этим фактом была денежная реформа 913/1507 г., условно нами называемая «реформой Шейбани-хана».

Правда, Хондемир обмолвился об этой реформе на редкость скупое, всего одной фразой, в которой к тому же на первый взгляд много совершенно непонятного. Он сообщил в своем сочинении «Хабиб-ас-сиэр» только следующее: Шейбани-хан «повелел, чтобы на прежние теньгачи набавили половину данга, а когда украсятся августейшим чеканом, каждую считали бы по шесть кепекских динаров, а прежние одномискальные теньгачи брали бы по пять динаров».

...فرمان داد که نیم دانک بر تنگجات سابقه اضافه نمایند و چون بسکه
همایون زیب و زینت یابد هر یکرا شش دینار کپکی جاری دانند
و تنگجات یکمثقالی سابقه را به پنج دینار ستانند

Почти аналогичное свидетельство в другом историческом сочинении – в VII части «Раузат-ас-сафа», принадлежащей, вероятно, перу того же автора, нисколько не помогает ясности текста, ибо оно еще короче: Шейбани-хан «приказал, чтобы на теньгачи набавили, а когда украсятся чеканом, каждую считали бы по шесть кепекских динаров, а старые одномискальные брали бы за пять динаров».¹

...فرمان داد که بر تنگجات اضافه نمایند و چون بسکه زیب و زینت
یابد هر یکرا شش دینار کپکی جاری دانند و تنگجات یک مثقال
سابقه را به پنج دینار ستانند

¹ «Хабиб-ас-сиэр» Хондемира. Бомбейская литография, ч. III, стр. 359, Тегеранская литография, использованная А. Н. Болдыревым (Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. IV, Л., 1947, стр. 363-364 и прим. на стр. 364), дает небольшой вариант в начале текста, ибо вместо предлога «бар» использует винительный падеж, т. е. вместо «бар тангаджоти-собика» содержит «тангаджоти-собикаро». Вариант с предлогом «бар» предпочтительнее, ибо он встречается также в «Раузат-ас-сафа» (например, Лакноуская литография, ч. VII, стр. 106) и лучше отвечает предлагаемому ниже толкованию текста, так как передает оттенок «на», «над», «сверх того» и даже «по сравнению». Кроме того, при переводе слова «тангаджот» («тангацот») мы считаем его множественным числом не от «танга», как у А. Н. Болдырева, а от «тангача» («тангача»+«ат»), тем более, что наименование «тангача» в единственном числе фигурирует в этом же источнике и применительно к этой же группе монет (например, стр. 358 Бомбейской литографии «Хабиб-ас-сиэр»).

Сам по себе текст даже в его более полном варианте, по «Хаббас-сиэр», рождает ряд недоуменных вопросов. Что подразумевается под словами «когда украсятся августейшим чеканом»? Надчекан старых монет или выпуск новых? Из контекста проще было бы склониться к первому предположению,¹ ибо перед этим речь шла о старых тимуридских монетах. Что подразумевается под словами «на прежние теньгачи набавить половину данга»? Половину данга какой величины и к чему их набавить (к курсу, весу и пр.)? По контексту можно предположить, что дело касается именно курса монет, ибо ниже речь идет о курсе этих «увеличенных» теньгачей.

Единственное, что не вызывает сомнений в этом сообщении — это факт установления курсового соотношения старых тимуридских одностакальных теньгачей и теньгачей, украшенных «августейшим чеканом». Однако и здесь не все ясно, ибо неизвестно, что надо разуть под последним.

Из сказанного видно, что сам по себе текст, без привлечения каких-то добавочных источников, не оставляет возможности объяснить, какие реальные мероприятия скрываются за туманным свидетельством Хондемира. И не случайно поэтому востоковед А. Н. Болдырев обратился к нумизматам с пожеланием, чтобы последние «высказались по существу этих интересных сведений».²

Таким добавочным источником являются сами монеты этого и близкого времени и актовый материал XVI в. (в основном вакуфные грамоты). Из числа проработанных автором серебряных и медных монет конца XV-XVI вв. в данной связи особенно интересными оказались серебряные монеты четырех нумизматических собраний: Ашхабадского областного краеведческого музея и Государственного исторического музея в Москве (ГИМ), определенные и обработанные впервые, Республиканского музея культуры узбекского народа (Самарканд, частично заинвентаризованы и описаны в каталожном порядке И. А. Сухаревым) и частного собрания доктора исторических наук, нумизмата Е. А. Пахомова (по эстампам, любезно присланным владельцем, за что приношу ему искреннюю благодарность). Среди медных монет для анализа реформы Шейбани-хана были использованы клады и отдельные экземпляры кафедры археологии Средней Азии САГУ (Ташкент), Республиканского музея культуры узбекского народа (Самарканд) и Государственного исторического музея (Москва).³ Вакуфные грамоты

¹ Именно к этому предположению склонился В. Л. Вяткин в своем неопубликованном труде «К вопросам изучения узбеков в Средней Азии XVI в.» (рукопись хранится в Самарканде, в Республиканском музее культуры узбекского народа), оговорив к тому же, что практическое осуществление этого мероприятия из-за скорой гибели самого Шейбани-хана едва ли имело место. Однако его перевод отрывка (без ссылки на источник) изобилует такими серьезными ошибками (например, событие отнесено не к 913 г. х., а к 915 г. х., причем это не опечатка, ибо ниже подчеркивается, что в следующем году [т. е. в 916 г. х.] Шейбани-хан умер, что соответствует действительности), которые скорее следует признать случайными (или следствием недоработки этой части текста) и в дальнейшем не подвергать разбору.

² Болдырев А. Н., Очерки из истории жизни гератского общества, Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. IV, Л., 1947, стр. 364, прим.

³ Поскольку в данной работе использованы только некоторые результаты обработки и изучения медных монет XV-XVI вв., подробная их характеристика опускается. Упоминаемые ниже клады П-V, ангренский и ташкентский, хранятся на кафедре археологии Средней Азии САГУ (Ташкент), а самаркандский — в Республиканском музее культуры узбекского народа. Из них самаркандский клад и частично ангренский были уже обработаны И. А. Сухаревым и Р. Н. Набиевым в порядке каталожного описания.

XVI в., хранящиеся в Институте Востоковедения АН СССР и в Центральном государственном историческом архиве УзССР, засвидетельствовали чрезвычайно интересные моменты, характеризующие различные черты и особенности денежного обращения рассматриваемого времени.

Совокупный анализ всех трех видов источников (нарративных, актовых и монетных) позволил не только понять и осмыслить денежную реформу 913/1507-8 г. прямо, но очень неясно упомянутую Хондем иром, но также установить, что реформа, в целом, была завершена только в следующем, 914/1508-9 г.

I

Монетный чекан и денежное обращение в Средней Азии после ее окончательного завоевания (в 907/1501-2 г.) основателем новой династии Шейбанидов, Мухаммед-Шейбани-ханом, в какой-то мере предопределили направленность и содержание его реформы. Не останавливаясь подробно на этом предреформенном периоде денежного обращения, следует, однако, отметить, что по особенностям и специфике различных мероприятий он должен быть поделен на два этапа, хорошо к тому же укладывающиеся в рамки политических событий этого времени.

На первом этапе (907/1501-2—910/1504-5 гг.) Шейбани-хан делал попытку упорядочить денежное обращение, в первую очередь — организовать равнокурсное хождение медных и серебряных монет по всему государству. Практически это и было осуществлено: во-первых, однотипным по всем городам надчеканиванием тимуридского серебра; во-вторых, новым и самостоятельным выпуском медных динаров единого и совершенно особого типа, по внешнему виду легко отличимого от всех предшествующих тимуридских монет; и, в третьих, возвращением рынку части тимуридской меди, но уже не в качестве основного номинала — динара, а в качестве его кратных, что практически было осуществлено особым надчеканиванием с соответствующими легендами. Политические события этого времени — в основном закрепление (после окончательного овладения столичным Самаркандом) и завоевание всей территории, до этого подвластной мавераннахрской ветви Тимуридов.

Для второго этапа (910/1504-5 — 913/1507-8 гг.) типична исключительно интенсивная эксплуатация монетной регалии, особенно в части чекана и обращения медных монет. Этот этап оставил и новые надчеканы на серебре, и новые типы медных монет, и минимум три-четыре разновременных надчекана на меди.¹ При этом погоня за фискальными доходами заставила Шейбани-хана отказаться от того, что он сам на первом этапе пытался организовать — от единства обращения меди по всему государству. Основные политические события этого этапа — расширение завоеваний в двух направлениях: на юг (Хисар, Кундуз и пр.) и на север (Хорезм).

На обоих этапах основная форма эксплуатации монетной регалии не представляла чего-то нового, будучи просто заимствована у предшественников. Сущность ее, исследованная на основании анализа юридических документов и монет XVI в. в другой нашей работе «К вопросу о

¹ Относительно последних см. Давидович Е. А., Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии XV-XVI вв. и роль надчеканов. Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР, вып. 3, Сталинабад, 1953, стр. 49-53, 69 и табл. 6.

курсе и обращении серебра в государстве Шейбанидов»,¹ как при самом Шейбани-хане на рассматриваемых этапах, так и после него при его наследниках — Шейбанидах — внешне состояла в делении монет на «старые» и «новые» с разным курсом для каждой группы и в периодических курсовых перегруппировках по этим признакам (без изменения веса и систематической порчи серебра), т. е. в ничем не прикрытых и откровенных комбинациях в основном на курсе и обращении.

Совсем другую картину представляет реформа 913/1507-8 — 914/1508-9 гг., открывающая третий этап денежного обращения при Шейбани-хане. Весьма продуманные и остроумные установления этой реформы, не лишая казну Шейбани-хана фискальных доходов, вместе с тем настолько удачно их маскировали, что денежное обращение на третьем этапе, без всяких перегруппировок, надчеканов и перечеканов внешне выглядело просто идеально упорядоченным.

По порядку осуществления отдельных установлений реформа Шейбани-хана делится на две части: вначале она коснулась чекана и обращения серебра (1507 г.), а затем — чекана и обращения меди (1508-9 г.).

Серебряные монеты с именем Мухаммед-Шейбани-хана известны уже в значительном числе экземпляров, причем во всех случаях, когда можно было установить их тип (13 монет по описаниям в нумизматических каталогах и 62, просмотренные в натуре и частично опубликованные нами), они оказались совершенно одинаковыми и по внешнему виду и по составу легенд. На обеих сторонах всех монет в одинаковых четырехлепестковых картушах всегда одни и те же легенды: термин «ширмерд» на лицевой стороне и суннитский символ на обратной. Имя государя, один и тот же титул и благопожелание всегда образуют круговую легенду поля: лицевой стороны (см. табл. 1); имена четырех первых

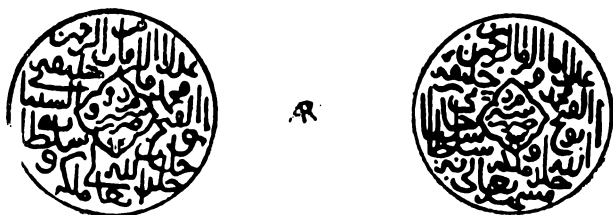

Таблица 1. Лицевые стороны серебряных тенег 914/1508-9 г., чеканенных в Мерве и Мешхеде.

халифов всегда только с их эпитетами размещаются вокруг центрального картуша на оборотной стороне.² Такое единообразие неизменно сохраняется во всех городах, выпускавших серебро при Шейбани-хане, а таких городов уже сейчас зафиксировано восемь (Герат, Нишапур, Мешхед, Мерв, Балх, Бухара, Самарканд и непрочитанный город — см. табл. 2).

Не меньшее единообразие серебряные монеты с именем Шейбани-хана показывают и в части веса. В публикациях оказалось всего несколько экземпляров с обозначенным весом, совершенно недостаточных для определения среднего и законного их веса. Поэтому самый интересный и богатый весовой материал дал опубликованный нами Южно-туркме-

¹ Труды Среднеазиатского государственного университета, новая серия, вып. XI, гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 137-170.

² Подробное описание серебряных монет Шейбани-хана и других шейбанидских государей по составу надписей и взаиморасположению их частей на монетных кружках см. в нашей работе «Надписи на среднеазиатских серебряных монетах XVI в.», Эпиграфика Востока, VII, М.—Л., 1953, стр. 30-40.

нистанский клад (монеты клада составляют около 65 процентов взвешенных монет Шейбани-хана),¹ а также другие неопубликованные экземпляры разных монетных собраний (ГИМ, Самаркандский музей,

Таблица 2

[Серебряные теньги Мухаммед-Шейбани-хана

Год чекана	Самарканд	Бухара	Мерв	Блх	Герат	Нишапур	Мешхед	Неотож-деств-ленный город	Наименование города	стерго
913 1597- 8	●				●					●
914 1508- 9	●	●	●		●	●	●			●
915 1509-10		●				●	●			●
916 1510-11	●									●
без года				●	●			●		●

частное собрание Е. А. Пахомова), так что в целом для выяснения законного веса серебряных монет Шейбани-хана было использовано около 60 целых и обычно хорошей сохранности монетных кружков. Так как вес основной массы монет (около 95 процентов) расположился в пределах 5,06-5,30 г., средний вес их равняется 5,18 г. Учитывая незначительную общую потерю веса в силу достаточно хорошей сохранности монетных кружков, законный вес тенег Шейбани-хана следует признать весьма близким среднему весу, т. е. равным, округляя, 5,2 г.

Наиболее интенсивным чекан тенег был в 914/1508-9 г. и по количеству выпуску монет, и по функционированию большого числа монетных дворов. Уже по имеющимся сейчас данным в 914 г. х. работали, по крайней мере, шесть из восьми названных монетных дворов, а из числа всех дошедших монет более 70 процентов падают именно на этот год, тогда как на остальные три года приходится вместе всего около 30 процентов. Однако началом чекана серебра с именем Мухаммед-Шейбани-хана следует считать не 914/1508-9 г., а предшествующий 913/1507-8 г., ибо известны монеты этого года, битые в Герате и Самарканде. Достоверные же монеты, выбитые до 913 г. х., пока неизвестны. Явная неслучайность этого факта подтверждается также надчеканиванием тимуридского серебра на первых двух этапах вплоть до 913 г. х. (надчеканы 907/1501-2 г. и 909/1503-4 г. на первом этапе; 911/1505-6 г. и 913/1507-8 г. на втором этапе).² Конечно, само по себе это абсолютно не исключает возможности одновременного выпуска новых монет, но при фактическом отсутствии таковых позволяет считать, что уж во всяком случае систематический чекан серебра начался в городах Мавераннахра именно в 913/1507-8 г. В городах же Хорасана он не мог начаться ранее 913/1507-8 г., так как именно в этом году они были отвоеваны Шейбани-ханом у Тимуридов.

При сопоставлении этих данных нумизматики со свидетельством Хондемира сам собой напрашивается первый вывод. Поскольку 913/1507-8 г. (год проведения реформы по Хондемиру) был одновременно годом начала собственного систематического чекана серебра (который затем продолжался ежегодно) с собственным

¹ Давидович Е. А., По поводу Южно-туркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана. Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 144-149 и табл. 4-5 на стр. 171-172.

² Давидович Е. А., По поводу Южно-туркменистанского клада..., цит. раб., стр. 156.

именем Шейбани-хана на монетном кружке — не вызывает сомнений, что первым актом рассматриваемой реформы как раз и было указание начать выпуск серебряных монет с именем Шейбани-хана. Именно это было зафиксировано словами Хондемира «...когда украсятся августейшим чеканом», т. е. под словом «сикке» подразумевался не надчекан, а настоящий выпуск новых монет с именем нового государя.

Совершенная однотипность серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана и строгая выдержанность их веса указывают на то, что будучи выпущены после реформы, они получили равное и беспрепятственное обращение по всему государству вне зависимости от места чекана каждого отдельного экземпляра. Упорядочение серебряного обращения в этом смысле, следовательно, является вторым моментом реформы.

О третьей стороне реформы свидетельствует Хондемир: Шейбани-хан не только декретировал выпуск серебра со своим именем и не только предусмотрел его беспрепятственное обращение по всему государству, но также не запретил дальнейшее обращение и старого тимуридского серебра; однако курс на это старое серебро — судя по приводимым у Хондемира цифровым данным — он явно понизил. Если до реформы тимуридская теньгача приравнивалась к шести медным динарам,¹ то реформой был установлен курс в пять медных динаров.

Под «теньгачей» источников следует понимать не основной серебряный номинал весом в один мискаль, обычно именуемый «теньгой», а ее кратную, т. е. более мелкую монетку, которая поэтому и получила наименование «маленькой теньги». Анализируя различные монетные термины, встречающиеся в тимуридских источниках, М. Е. Массон пришел к выводу, что под теньгачей подразумеваются те очень многочисленные мелкие серебряные монетки, которые по весу являются $\frac{1}{4}$ частью одномискальной теньги. Такое заключение полностью подтверждается нижеприводимым анализом курса на тимуридское серебро, ибо и по курсу эти теньгачи также равны четверти основного серебряного номинала.

Однако нужно оговорить, что термин «теньгача» лишь преимущественно прилагался к этим маленьким монеткам-четвертушкам, но не был их единственным и прочным наименованием. Этим объясняются два момента: обязательная оговорка в тексте насчет их курса (в виде равенства определенному числу медных динаров, что сразу делало ясным для современников, о монете какого достоинства и веса идет речь) и нередкое приложение в источниках к этим же самым четвертушкам наименования основного номинала — «теньги». Кроме того, при описании одних и тех же событий иногда в «Раузат-ас-сафа» названы «теньги», а в «Хабиб-ас-сиэр» — «теньгачи», причем в обоих источниках курс их оговорен одинаковым числом медных динаров.

Дать объяснение этому кажущемуся противоречию, однако, совсем не трудно. Все дело в двойственной природе многих восточных нумизматических терминов. Слово «теньга», как и некоторые другие слова аналогичного назначения, употреблялось в двух смыслах: во-первых, для обозначения любой серебряной монеты, вне зависимости от ее веса и достоинства, в одном только смысле, что эта любая монета именно серебряная; во-вторых, для обозначения основного серебряного номинала. В качестве аналогии близкого времени и места можно привести

¹ Даже контрибуция с Герата была исчислена еще по старому курсу, в шестидинаровых тимуридских теньгачах. См. «Хабиб-ас-сиэр», цит. лит., ч. III, стр. 358. В «Раузат-ас-сафа» (цит. лит., ч. VII, стр. 106) вместо «теньгача» употреблено «теньга», но с тем же курсовым выражением через динары.

пример совершенно такого же осмысления термина «дирхем» в чекане Средней Азии XIII в., где он был собственным наименованием основного номинала, но вместе с тем прилагался ко всей серии медных посеребренных монет и проставлялся в легенде каждого монетного кружка, вне зависимости от его достоинства.¹

Таким образом, в приложении к маленьким монетам-четвертушкам могли употребляться и употреблялись оба термина: и «теньга» и «теньгача». Но первый в данной связи имел общий смысл «серебряной монеты», а второй был собственным наименованием именно мелкой серебряной монеты в четверть теньги.²

Невольно, однако, возникает вопрос, почему же в источниках, даже при исчислении крупных сумм, они называются не в собственно теньгах, а в этих кратных теньгачах? Это может объясняться двумя причинами. Во-первых, серебряные теньги были очень крупным номиналом, так что более обиходными были их мелкие кратные.³ Именно поэтому последние даже и выпускались, вероятно, в большем количестве. Во всяком случае, сохранились они и опубликованы в значительном числе экземпляров. Во-вторых, несомненно, сказывалась любовь к эффектным крупным цифрам, что отметил М. Е. М а с с о н, почему суммы и назывались в более мелких единицах.⁴ В этой связи нельзя не отметить, что в XV-XVI вв. денежные подарки, например, часто исчислялись даже в медных монетах, что давало особенно громкие цифры.

Таким образом, до реформы Шейбани-хана одномискальная теньгача приравнивалась к шести медным динарам, а теньга соответственно — к 24 динарам. После же реформы эта курсовая норма была перенесена на новые шейбани-ханские монеты, а курс тимуридских был понижен. На первый взгляд — здесь обычная перегруппировка монет на базе выпуска нового типа, такая же неприкрытая и откровенная, к каким он сам прибегал раньше, а после него — другие Шейбаниды. Но учет веса монет показывает, что дело обстояло не так просто.

До реформы 6 медных динаров равнялись теньгаче-четвертушке, т. е. 24 динара равнялись серебряной теньге весом в один мискаль. Среднеазиатский денежный мискаль конца XV-XVI вв. равнялся, как удалось

¹ Давидович Е. А., Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г., Эпиграфика Востока, VIII, М.—Л., 1953, стр. 50.

² Позже, при Шейбанидах, когда кратные одномискальной теньги то вообще не выпускались, то выпускались редко и в малом количестве, индивидуальное значение термина «теньгача» было забыто и оба слова — «теньга» и «теньгача» — употреблялись уже в одном смысле, применительно к основному серебряному номиналу, тем более, что почти всегда он был и единственным номиналом. Об этой эволюции термина неоспоримо свидетельствует надпись 1541 г. на мраморной плите в Бухарской мечети Калаян, исследованная В. А. Шишкиным, который, между прочим, отметил по этой надписи употребление обоих терминов в одном смысле. (Бюллетень АН УзССР, 1947, № 8, стр. 25).

³ Насколько крупным номиналом была теньга, видно уже из наличия чекана ее словников и четвертушек. Но особенно показательны данные, содержащиеся в вакуфных грамотах и купчих XVI в., косвенно свидетельствующие о ее высокой покупной способности. При Шейбанидах это выразилось в том, что в ежедневной купле-продаже в основном фигурировали медные динары, в каковых выражался и прожиточный минимум низкооплачиваемых людей. (См. Давидович Е. А., По поводу Южно-туркменстанского клада..., цит. раб., стр. 167-168, прим. 18).

⁴ Например, у Сельджуков Малой Азии акча служила для мелких расплат, но вместе с тем подарки султана также исчислялись в этих мелких монетках, так что получались цифры в десятки и сотни тысяч. (См. Гордлевский В., Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 122).

установить, 4,8 г.¹ Реальный вес поздне-тимуридских серебряных тенег в допустимых границах отклонений (из-за потертости и неточности юстировки) вполне подходит к этой цифре. Иначе говоря, 24 динара до реформы приравнялись к 4,8 г. серебра.

После реформы 24 динара были приравнены к новой шейбани-ханской теньге, которая — судя по ее реальному вышеустановленному весу — была значительно тяжелее мискаля. Законный вес шейбани-ханской теньги равнялся 5,2 г. В этой-то разнице веса старой тимуридской и новой шейбани-ханской теньги и следует искать разгадку особенности этой реформы, а в частности также — разгадку еще одного туманного места в сообщении Хондемира.

В более полном варианте (по «Хабиб-ас-сиэр») подчеркнуто, что Шейбани-хан «повелел, чтобы на прежние теньгачи набавили половину данга и, когда украсятся августейшим чеканом», произвели бы вышерассмотренную перегруппировку. Поскольку — как это выше уже было показано — здесь сравниваются тимуридские одномискальные теньгачи и те новые теньгачи с именем Шейбани-хана, которые после обнародования этого решения еще предстояло выпустить, надбавка в полданга касалась новых будущих монет, которые и должны были быть увеличены по сравнению (см. прим. № 1 на стр. 85) со старыми одномискальными на половину данга.

Термин «данг» вообще означает $\frac{1}{6}$ часть чего-либо и в этом прямом значении употреблялся в приложении к самым разнообразным метрическим единицам (см. раздел III), почему половина данга в данном конкретном тексте должна была означать $\frac{1}{12}$ часть чего-то.

Так как реформа устанавливает курсовое соотношение старого и нового чеканов, естественно было бы предположить, что увеличение новых тенег по сравнению со старыми на $\frac{1}{12}$ часть подразумевает именно курс. Но такое допущение опровергается всеми данными. Это не могло быть увеличение курса новых тенег на $\frac{1}{12}$ часть, так как курсовая норма «ходячих» тенег, выраженная через медные динары, сама по себе осталась без изменений, т. е. попрежнему теньга равнялась 24 динарам. Если даже предположить очень неудачное построение текста, подразумевающее разницу на $\frac{1}{12}$ курса новых теньгачей в 6 динаров по сравнению не со старым курсом одномискальных, а с их вновь установленным уменьшенным курсом, то тоже не получится равенства, так как шесть больше пяти (или 24 больше 20) не на $\frac{1}{12}$ часть этих пяти (или 20) динаров.

Следовательно, надбавка к новым монетам в половину данга по сравнению с одномискальными имеет какой-то другой смысл. Поскольку одним из актов реформы было установление твердого и единого веса (о чем свидетельствуют сами монеты) — это должно было и в тексте найти прямое или косвенное отражение, так как вес серебряной монеты и ее курс стояли всегда в тесной связи. Из текста, однако, не следует, что эти новые монеты были (подобно старым тимуридским) одномискальными. Наоборот, они косвенно противопоставляются одномискальным монетам. Поэтому второе, могущее возникнуть, предположение связывает разницу между старыми и новыми теньгами с вопросом их веса.

Если допустить, что именно вес новых шейбани-ханских теньгачей должен был быть увеличен на половину данга ($\frac{1}{12}$ часть) веса одномискальных теньгачей или соответственно вес шейбани-ханских тенег—

¹ Давидович Е. А., К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре XV — первой половины XVIII вв., Доклады АН УзССР, 1951, № 5, стр. 50 и сл.

на половину данга ($1/12$ часть) веса тимуридских тенег в мискаль, получается следующее уравнение (где «X» — шейбани-ханская теньга, а «У» — одномискальная тимуридская): $X=У+1/12 У$.

Так как тимуридская теньга равна мискалю (что прямо отмечено в тексте Хондемира и не противоречит ее реальному весу), т. е. 4,8 г., можно эту цифру подставить вместо «У»: $X=4,8+(1/12 \times 4,8)=5,2$ г. А это полностью соответствует реальному вышеупомянутому весу шейбани-ханских тенег, тоже в 5,2 г.

Поскольку реальное отношение веса шейбани-ханских и тимуридских тенег соответствует предложенному толкованию текста Хондемира, значение в нем термина «данг», как весового, уже не вызывает сомнений. Иначе говоря, полуданг от тимуридской теньги равняется (4,8 г.:12) = 0,4 г., почему увеличенная именно на полданга новая теньга, по установлению Шейбани-хана, должна была весить 5,2 г. и действительно столько весила. Полуданг от тимуридской теньгачи равняется (1,2 г.:12) = 0,1 г., почему новая шейбани-ханская теньгача после реформы Шейбани-хана должна была бы весить 1,3 г. Относительно последней нужно, однако, отметить, что, оговорив ее выпуск, практически Шейбани-хан не стал ее чеканить впоследствии или выпускал в столь малом количестве, что пока она не зафиксирована в натуре.

Из всего сказанного вытекает еще один вывод, характеризующий реформу, как внешне весьма положительную. Реформа зафиксировала более низкую стоимость в данное время серебра-металла, поскольку при сохранении старой курсовой нормы (теньга=24 динарам, а теньгача = 6 динарам) она перенесла эту норму на более полнуювесную серебряную монету. Трудно сказать, имело ли место к моменту проведения реформы стихийное снижение стоимости серебра-металла или скорее произвольно-принудительное завышение курса для серебра в монетах, — в любом случае, однако, несомненен факт, что к 913/1507-8 г. тимуридские одномискальные теньги и их кратные имели более высокий официальный курс, чем то требовалось их стоимостью, т. е. заключенным в них металлом.¹ И даже, если рынок этому сопротивлялся и имел первоначально свой нелегальный курс, при расчетах между частными лицами и государством (что собственно и интересовало казну) принимался именно официальный и принудительный курс. Шейбани-хан, понизив курс на тимуридские монеты, тем самым привел его в соответствие со стоимостью серебра-металла в них (или сблизил это соответствие). Вместе с тем, повысив вес своих новых тенег на полданга по сравнению с тимуридскими, он сделал законным также и их более высокий курс. Т. е. реформа Шейбани-хана, в известной мере, упорядочила и еще одну сторону обращения серебряных тенег.

Подводя итог рассмотрению ясно видимых и даже подчеркнутых положительных сторон реформы Шейбани-хана, можно кратко свести их к следующим мероприятиям, которые получили совершенно реальное осуществление: был организован чекан новых серебряных монет с именем самого Шейбани-хана, причем совершенно однотипных и твердого веса, увеличенного на полданга (на 0,4 г.) по сравнению с тимуридскими монетами; организовано было равнокурсное и беспрепятственное их обращение по всему государству на основе этой унификации; обращение старых тимуридских монет также было разрешено, но принудительно-за-

¹ Ср. наоборот заниженный курс серебра перед другой денежной реформой, в последней четверти XVI в., проведенной Абдулла-ханом II. (Давидович Е. А., Две денежные формы в государстве Шейбанидов. Труды САГУ, новая серия, вып. XXIII. Гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1952, стр. 135 и сл.).

вышенный их официальный курс был понижен и приведен в какое-то определенное соответствие со стоимостью металла; более высокий курс новых шейбани-ханских серебряных монет внешне был оправдан их так же более высоким весом.

Иначе говоря, реформой были созданы определенные условия для нормального обращения серебра, что сразу должно было получить и экономический и политический резонанс. Реформа Шейбани-хана по упорядочению денежного обращения, так выгодно отличавшая начало его правления от предшествующей финансовой деятельности Тимуридов, должна была, вместе с военными успехами, заложить свой камень в фундамент создаваемого им здания шейбанидского государства. Выпуск серебра с именем Шейбани-хана в двух столицах государства — Самарканде и Герате (монеты которых 913/1507-8 г. действительно дошли) — должен был оформить конец старой и начало новой династии. Мероприятия в целом должны были создать в известной мере действительно благоприятные условия для подъема крупной междугородней и прочей торговли, в чем были особенно заинтересованы торгово-феодалы общества.

II

Но исчерпывалось ли содержание реформы Шейбани-хана вышерассмотренными положительными ее установлениями? Отнюдь нет! Интересы фиска тоже не были забыты, но они оказались столь удачно замаскированными, что это не идет ни в какое сравнение с теми откровенными способами эксплуатации монетной регалии на базе незамаскированных курсовых перегруппировок, которые уже упоминались для его предшественников и особенно — для остальных Шейбанидов.

Как выше уже говорилось, реформа понизила курс на тимуридские серебряные монеты, а бывший их более высокий курс перенесла на шейбани-ханские. При этом внешне разница курсов двух групп монет прекрасно оправдывалась их разным весом: тимуридские теньги весили 4,8 г., полутеньги — 2,4 г., теньгачи — 1,2 г., шейбани-ханские теньги — 5,2 г., полутеньги — 2,6 г.

Анализ соотношения этих двух курсов для двух групп монет с весом каждой из них показывает, что полного соответствия тут не было. Из пересчета видно, что на один медный динар (если условно признать оба курса правильными и соответствующими стоимости металла в монетах) приходилось как бы разное количество серебра в каждой из двух групп серебряных монет.

1) Тимуридская теньга = 4,8 г. = 20 медным динарам.

Отсюда 1 динар = $\frac{4,8}{20} = 0,24$ г. серебра.

2) Шейбани-ханская теньга = 5,2 г. = 24 медным динарам.

Отсюда 1 динар = $\frac{5,2}{24} = 0,21$ г. серебра.

Следовательно, для полного курсового и весового соответствия обеих групп монет нужно было установить другое отношение или между их курсами или между их весом.

Для правильного курсового соответствия нужно было бы, чтобы или курс на новые шейбани-ханские теньги был бы ниже при условии совпадения курса и стоимости тимуридских монет (4,8 : 20 динарам = 5,2 : X динаров; $X = \frac{5,2 \times 20}{4,8} = 21,6$ динаров вместо 24 динаров!), или курс на старые тимуридские монеты был бы назначен выше при условии совпадения

курса и стоимости шейбани-ханских тенег ($5,2 : 24$ динарам $= 4,8 : V$ динаров; $V = \frac{4,8 \times 24}{5,2} = 22,1$ динара вместо 20 динаров!).

Наоборот, если курсовое соотношение для двух групп монет счесть правильным, следовало бы изменить вес одной из групп монет. При условии правильности курса и веса старой тимуридской теньги вес шейбани-ханской следовало бы сделать выше ($20 : 24 = 4,8$ г. : X г.; $X = \frac{4,8 \times 24}{20} = 5,76$ г. вместо 5,2 г.).

Таким образом, установленный Шейбани-ханом курс на старые тимуридские серебряные монеты и на новые шейбани-ханские не лишен был принудительности в первом или во втором случае (или частично в обоих случаях), причем казна Шейбани-хана могла иметь на этой реформе именно в силу ее половинчатости определенную выгоду и, конечно, имела, иначе реформа была бы последовательной до конца.

Однако из трех предположенных вариантов два оказываются неприемлемыми. В частности, большие возражения встречается первое предположение о курсовом и весовом соответствии шейбани-ханских монет, В этом случае металлическое содержание старых тимуридских тенег оказалось бы выше их курса на 0,47 г. или примерно на два динара. Такой заниженный курс, совершенно маловероятный и невыгодный казне, скорее всего привел бы к постепенному исчезновению тимуридской монеты, так как выгоднее было бы переплавлять ее на металл. Если допустить, что реформа как раз и преследовала такую цель вытеснения серебряных монет с именами представителей покоренной династии Тимуридов из чисто хотя бы политических соображений, но тогда это сочеталось бы с указом обменивать старые монеты на новые и запретом обращения первых. На деле реформа не запретила, а наоборот, подчеркнула разрешение дальнейшего обращения тимуридского серебра. И практически — что весьма важно — оно еще очень долго обращалось не только при самом Шейбани-хане, но даже и при следующем шейбанидском государе, Кучкунчи-хане. Но особенно в данной связи важно, что курс, установленный реформой для тимуридских монет, оказался настолько не случайным и настолько устойчивым, что его норма (теньга в мискаль равна 20 динарам) и впоследствии почти неизменно характеризовала одномискальные теньги на протяжении свыше трех четвертей столетия (см. ниже), что противоречит предложенному варианту с заниженным (т. е. произвольным и случайным) курсом. Можно добавить еще одно соображение. Поскольку государство при этом варианте не извлекало бы постоянных фискальных доходов, существо реформы следовало бы считать только и чисто положительным. Тогда, однако, остается необъяснимой непоследовательность во второй части касательно тимуридского серебра, которое тоже следовало бы пустить по курсу, соответствующему его стоимости т. е. при шейбани-ханской теньге в 24 динара, на тимуридскую следовало бы назначить курс не в 20, а в 22 динара. Или же вес новой теньги следовало установить не в 5,2 г., а в 5,76 г.

Второе предположение противоположного характера предусматривает, что реформа, наоборот, привела в соответствие металлическое и курсовое содержание старых тимуридских монет (или — что является лишь частным вариантом — сблизила их), в силу чего курс на шейбани-ханские монеты получил принудительно-завышенный характер. При этом варианте в каждой шейбани-ханской теньге должно было не доставать по ее курсу 0,5-0,6 г. серебра (в восточных метрических единицах—

1,4 полуданга или почти три пухуда), а в полутеньге — 0,2-0,3 г. При массовом чекане серебра на основе монетной стопы эта экономия металла должна была давать довольно значительный доход. Например, из большого самаркандского батмана весом в 19,2 кг.¹ можно было выбить 3692,3 теньги весом в 5,2 г. каждая. При этом принудительность курса давала экономии более чем в 2 кг., из которых дополнительно можно было вычеканить еще 400 таких же тенег, что составляло около 10.000 медных динаров. Иначе говоря, чекан серебряных новых монет с каждого большого самаркандского батмана в 19,2 кг давал доход почти в 10.000 динаров.

Несомненно, часть этих сумм шла на расходы по чекану. К сожалению, непосредственных данных о размерах оплаты мастеров и угара для XVI в. нет. Однако некоторые аналогии более позднего времени дают представление об общих отчислениях при чекане. Так, Бутенев 2-й сообщает о чекане в Бухарии из металла частных лиц: «Приносители золота получают с монетного двора то количество монеты, какое выйдет из всего принесенного ими металла, за уплатою в пользу казны по одной половине теньги с каждой тиллы, т. е. по $\frac{1}{42}$ части. За переделку серебра производится подобная же уплата».² Таким образом, в Средней Азии середины XIX в. расходы по чекану вместе с чистыми доходами казны составляли примерно 2,4 процента.

Есть свидетельство аналогичного порядка для астрабадского монетного двора XIX в., который был сдан в аренду частному лицу. «Каждый обыватель, желающий чеканить монету, доставляет чистое серебро арендатору, а платит ему в вознаграждение за труд две сотых по весу всего количества металла, а затем на сто частей серебра примешиваются две части меди...».³ Таким образом, владелец платит 2 процента (2 процента заменяются лигатурой), причем сюда входят не только собственно расходы по чекану, но и определенные доходы, из которых арендатор платит арендную плату и что-то оставляет себе.

Указанные два случая показывают, следовательно, не только собственно расходы по чекану, но также доходы казны и даже частных лиц (арендаторов при свободном чекане). И все это вместе составляло многим более 2 процентов.

Доход, получаемый Шейбани-ханом с каждого монетного кружка, составлял значительно большую цифру — около 10 процентов [по уравнению: $(5,2 \text{ г.} + 0,56 \text{ г.}) : 100\% = 0,56 \text{ г.} : X\%$; $X = \frac{0,56 \times 100}{5,76} = 9,7\%$]. Поэтому, за вычетом всех расходов по чекану, ему чистой прибыли оставалось во много раз больше, чем казна получала в XIX в. при свободном чекане.

Вместе с тем в каждом монетном кружке (особенно в кратных теньги) недостача металла была не настолько велика, чтобы не создать иллюзии соответствия курса серебра и металла монеты, или уже во всяком случае — не привести к расхождению базарного и официального курсов. Тем более, что в данном случае принудительность курса получалась

¹ Давидович Е. А., К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре..., цит. раб.

² Бутенев 2-й, Монетное дело в Бухарии. Горный журнал, 1842, ч. IV, кн. XI, стр. 159.

³ Огородников П., Очерки Персии, СПб. 1878, стр. 33. Из текста не ясно в чью пользу добавляется медь: составляет ли она еще 2 процента дохода владельцу заведения или восполняет вычтенное из общего веса серебра для изготовления владельцу металла всех 100 процентов монет.

меньшая, чем только что отмененная в два раза более высокая принудительность тимуридских тенег, в которых до реформы нехватало почти по целому грамму серебра (или по 4 динара), и даже в теньгачах — по 0,25 г. (или по 1 динару).

Рассматриваемый вариант толкования реформы Шейбани-хана с точки зрения характера и способов извлечения из нее доходов (конкретно путем замаскированной принудительности курса на новый чекан при приведении в полное соответствие металлического и курсового содержания старого тимуридского серебра) кажется наиболее вероятным еще и потому, что подтверждается зафиксированной документами несколько более позднего времени стоимостью серебра-металла.

Вакуфная грамота в пользу медресе Мухаммед-Шейбани-хана в Самарканде, составленная в 20-х годах X в. х. (первая четверть XVI в. — правление Кучкунчи-хана), содержит различные денежные упоминания в медных динарах, которые подробно описаны. В этом описании прямо сказано, что два д а т а ть медных динаров составляют один м и с к а л ь чистого серебра.¹ Следовательно, в вакуфной грамоте указана та самая стоимость серебра, которая зафиксирована курсом одномискальных тимуридских тенег после реформы Шейбани-хана, ибо последние тоже были приравнены к 20 динарам. Кроме того, именно этот курс (одномискальная теньга равна 20 медным динарам) с небольшими и кратковременными колебаниями продержался при всех прочих шейбанидских государях еще на протяжении более трех четвертей столетия, вплоть до новой денежной реформы Абдулла-хана II (1583-1599).² Все это, вместе взятое, делает совершенно несомненным вывод о том, что Шейбани-хан понизил курс на старые тимуридские теньги не случайно и не произвольно, а сообразно стоимости к тому времени на рынке серебра-металла.³

В силу изложенного, наиболее рациональным вариантом из всех возможных, логичнее всего вытекающим из косвенных свидетельств чекана и других сторон реформы (а также данных более позднего времени), следует признать второй вариант, а именно — снижение курса тимуридских серебряных монет в соответствии с их металлическим содержанием. При осуществлении этого варианта: а) обращение на рынке старого чекана было понятно и удобно (даже если попадались сильно потертые экземпляры или монеты иного весового стандарта), оно отправлялось от реального веса монет и поэтому ограничивало возможность спекуляции и обмана населения на этой группе монет; б) обращение на рынке нового шейбани-ханского чекана по более высокому курсу было частично оправдано более высоким весом этих монет, что уничтожало элемент голого принуждения и создавало иллюзию полной упорядоченности; в) вместе с тем принудительность курса новых серебряных монет, как следствие неполного равенства их курсового и металлического содержания (однако ловко замаскированного и относительно малыми разме-

¹ Вакуф-нома-и хазрат-и Шайбони-хон. Рукопись Института Востоковедения АН СССР, рукописный отдел, № е 574 аг, л. 106 а-б.

² Д а в и д о в и ч Е. А., К вопросу о курсе и обращении..., цит. раб., стр. 150-159; она же. Две денежные реформы..., цит. раб., стр. 126 и сл.

³ Частным случаем рассмотренного варианта реформы явилось бы не полное приведение в соответствие курсового и металлического содержания тимуридского серебра, а частичное сближение, которое тогда, естественно, коснулось бы и тимуридских и новых шейбани-ханских монет. При этом курс на обе группы монет оказался бы принудительным, от чего и фискальный доход уменьшился бы, и положительная сторона реформы проиграла. Единственно, кто выиграл бы при этом варианте — это менялы и спекулянты, ибо два принудительных курса с произвольным отношением между ними открывали бы огромные возможности для разного рода злоупотреблений.

рами недостачи металла по курсу, и психологическим влиянием известно-го населения факта п о в ы ш е н и я веса новых монет по сравнению с тимуридскими), должна была давать постоянный доход казне.

Эта маскировка фискальной стороны реформы очень важна для характеристики ее продуманности и желания подчеркнуть именно ее положительную направленность. После Шейбани-хана уже ни один шейбанидский государь не смог вернуться к этой, внешне столь «благопристойной», форме эксплуатации монетной регалии. Все они вынуждены были прибегать к голому декретированию разницы курса «старых» монет и монет, объявленных ими «новыми», для экземпляров одного и того же весового и серебряного содержания, без всякой весовой или иной маскировки при извлечении очередных или внеочередных фискальных доходов. И это далеко не случайно. Дело, конечно, вовсе не в том, что у Шейбани-хана были более умные финансовые советники. Дело, несомненно, в организации чекана серебра, которая не была, да и не могла быть одинаковой при Шейбани-хане и при остальных Шейбанидах.

Из анализа принятой Шейбани-ханом формы эксплуатации монетной регалии, когда в каждой вновь выпущенной серебряной теньге по ее курсу нехватало 0,56 г. серебра-металла, неизбежно вытекает заключение об организации чекана серебра при Шейбани-хане. Весь смысл реформы, особенно ее фискальная сторона, исключает для 913-916 гг. х. свободный чекан (чекан из металла любых частных лиц), ибо при свободном чекане и расходы и лепта государя просто заранее отчисляются у частного лица, без влияния на курс монеты. И если при свободном чекане вес или качество монеты все же снижаются, то это — результат не самой организации, а лишь нелегальных и наказуемых злоупотреблений. Принудительность же курса, как следствие замаскированной недостачи в каждом экземпляре более полуграмма серебра, могла быть выгодна казне только при условии чекана монет из государственного металла.

Естественно, для выпуска монет из казенного металла государство должно было иметь значительные запасы такового хотя бы для первых крупных выпусков. Вот тут-то, в отличие от остальных Шейбанидов, основатель династии находился в весьма выгодном положении, получив значительное количество серебра в период завоевания Хорасана. Достаточно сказать, что с одного «рядового» населения Герата была взята контрибуция в сто тысяч теньгачей! Именно военная добыча и явилась реальной базой, которая обеспечила полное осуществление всех установлений реформы Шейбани-хана. В этой связи очень показателен отмеченный выше факт количественно-неравномерного выпуска серебряных монет за все годы. Хотя чекан серебряных тенег с именем Шейбани-хана начался действительно в 913/1507-8 г., вслед за опубликованием реформы, наиболее обильным был выпуск следующего, 914/1508-9 г. Несомненно, в самом начале завоевания Хорасана, т. е. в начале 913 г. х., у Шейбани-хана еще не было тех запасов металла, которые дал ему Хорасан к концу этого года и которые позволили обеспечить бесперебойную и исключительно обильную эмиссию в 914 г. х. Не менее показательно, что два следующие года — 915/1509-10 г. и 916/1510-11 г. — опять показали относительно незначительный выпуск серебра: запасы металла, в основном, были реализованы в 914 г. х., оставалось только перечеканивать поступающие в казну в виде разных налогов и податей старые тимуридские монеты, да и рынок оказался достаточно насыщенным монетным материалом. Иначе говоря, в 915-916 гг. х. и не нужно и невозможно было продолжать такой же обильный чекан серебра, как в 914 г. х., когда

единовременно выкачанные с рынка запасы серебра в виде военной добычи были возвращены ему в виде новых шейбани-ханских монет.

Итак, денежная реформа Шейбани-хана 913/1507-8 г. весьма удачно для престижа государственной власти сочетала интересы фиска и упорядочения серебряного обращения на базе чекана монет из государственного металла, причем последнее обстоятельство как раз и позволяло замаскировать первое и выпатить, подчеркнуть второе. Но анализ этой реформы был бы далеко не полный, если бы не было подчеркнуто, что при всей ее сравнительной положительности, она все же ни в коей мере не отвечала интересам широких слоев населения, даже этими своими положительными установлениями.

Положительные стороны реформы прежде всего отвечали интересам той части господствующего класса, которая более всего была связана с крупной внутригосударственной междугородней и городской торговлей. Отсутствие внутригосударственных перегородок для обращения серебра вполне компенсировало также некоторые потери от принудительности курса новых монет при вывозе последних за пределы государства, когда монета «...сбрасывает с себя свою фигуру и чеканку и возвращает-ся в безразличную форму слитка».¹

Отрицательная же сторона реформы всей тяжестью, хотя и косвенным, замаскированным путем, должна была ложиться именно на народные массы, на основные массы налогоплательщиков. Во-первых, широкие слои населения должны были почувствовать увеличение налогового бремени в силу такого, казалось бы, положительного фактора, как повышение веса новых монет по сравнению с тимуридскими. Поскольку эти более тяжеловесные монеты восприняли на себя курс старых тимуридских монет (теньга — 24 динара), — размер тех недоимок, налогов и податей, которые исчислялись в деньгах, совершенно не изменился, т. е. он выражался тем же самым количеством монет, что и раньше, но только монет более тяжеловесных, шейбани-ханских. При выражении же через старые тимуридские монеты, последних требовалось гораздо больше, т. к. курс на них был понижен. Напр., если до реформы следовало уплатить какую-нибудь подать в 100 тимуридских одномискальных тенег, то после реформы эту же подать можно было уплатить или 100 шейбани-ханскими более тяжеловесными теньгами или 120 старыми одномискальными тимуридскими. Во втором случае увеличивалась абсолютная цифра, так что убыток должен был ощущаться реально, а в первом — косвенно и постепенно.

Дело в том, что хоть и не разу, но все же с течением времени цены на товары должны были несколько измениться, так как должна была постепенно подняться покупательная способность монет в связи с повышением веса основного номинала. Если даже допустить, что некоторая принудительность курса новых монет была совершенно понятна населению, все же сам факт перехода от более высокой принудительности к принудительности меньшей должен был увеличить покупательную способность монет, поскольку теперь на то же самое количество динаров приходилось больше серебра-металла. Последнее же обстоятельство как раз хорошо было известно населению, так как составляло объявленную сущность реформы.

¹ Маркс К., К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 148.

А поскольку покупательная способность серебряных и параллельно медных монет несколько увеличилась, т. е. несколько понизились цены хотя бы на некоторые товары, — абсолютная сумма налогов и податей с населения, выраженная в деньгах, возросла вне зависимости от того, выплачивалась ли она практически натурой, только по исчислению в новых деньгах, или самими монетами.¹

Таким образом, классовый характер реформы не вызывает сомнений: политическая ее сторона выполняла задачу укрепления и популяризации новой династии, расширения ее классовой базы путем привлечения торгово-феодалных слоев господствующего класса завоеванных территорий; положительная экономическая направленность ее отвечала интересам названного торгово-феодалного слоя общества, заинтересованного в равном общегосударственном денежном обращении; отрицательная сторона всей тяжестью ложилась на народ, прямо (принудительный курс) и косвенно (рост покупательной способности денег при сохранении прежних налогово-податных норм), увеличивая, в первую очередь, доход казны.

III

В. Г. Тизенгаузен² опубликовал одну очень любопытную медную монету, выбитую в Самарканде в 914/1508-9 г. На одной ее стороне словами обозначена дата, на другой в картуше и кругом картуша — легенда, как на табл. 3/2. Совершенно такая же медная монета еще до того

Таблица 3

Варианты чтения надписей на самаркандских динарах 914|1508-9 г.

1.		قند		فلوس	د	ضرب
2.	نیمدانک یکمقال	سمرقند	بلد	الفلوس	هذا	ضرب
3.	نیمدانک یکمقال	(سمرقند)	بلد			ضرب
4.	نیمدانک یکمقال	سمرقند	بلد	الفلوس	دینار	ضرب

была приведена Х. М. Френом, хотя последний легенду лицевой стороны полностью не прочел, показав лишь начертание той ее части, которая помещена в картуше. Однако эта прорисовка не оставляет сомнений, что там была такая же легенда, как на экземпляре В. Г. Тизенгаузена. Круговую же легенду Х. М. Френ дает в таком виде, как на табл. 3/1.³ Эту монету у Х. М. Френа заимствовал для своего труда В. В. Вельяминов-Зернов, также, однако, просто перекопиро-

¹ Очень характерный (хотя и не подобный нашему) пример того, как улучшение монеты приносило даже больший вред, чем ее ухудшение (что подчас приводило к народным волнениям), показывает Франция при Людовике IX. (См. Михалевский Ф. И., Очерки истории денег и денежного обращения, т. I, Деньги в феодальном хозяйстве. Госфиниздат, 1948, стр. 153, 159-160).

² Tiesenhause n, W. Notice sur une collection de monnaies orientales de M le comte S. Stroganoff. St. Pet. 1880, pp. 38—39, no. 64.

³ Fraehn, Ch. M. Recensio numorum... Petropoli, MDCCCXXVI, p. 438, no. 2.

вавший легенду картуша лицевой стороны и даже поставивший знак вопроса перед попыткой определить город как «Самарканд». Еще одна аналогичная монета определена и опубликована М. Е. Массоном, который легенду картуша лицевой стороны читает, как В. Г. Тизенгаузен, круговая же на этом экземпляре вообще, видимо, сохранилась очень плохо (см. табл. 3/3).¹ Во всех четырех случаях несколько необычной легенде не было дано какое-либо специальное толкование.

Кроме этих экземпляров, опубликованных в литературе, в музеях удалось видеть еще три неопубликованные и также непрочтенные монеты этого же типа чекана Самарканда 914 г. х. Они позволили не только полностью восстановить всю легенду лицевой стороны, но и читать ее несколько отлично от варианта, предложенного В. Г. Тизенгаузеном, что открыло возможность понимания ее смысла и назначения. Две из них хранятся в Республиканском музее культуры узбекского народа (Самарканд) и принадлежат большому «самаркандскому кладу» (инв. №№ 1185 и 3193), третья находится в нумизматическом собрании ГИМ (инвентарного номера не имеет).

Во-первых, легенда картуша лицевой стороны подряд снизу вверх читается не как *يک مثقال نيم دانک*, а как *يک مثقال نيم دانک*, т. е. в порядке, обратном предложенному В. Г. Тизенгаузеном, который искусственно разорвал чтение легенды, начав его с середины вверх, а потом вернувшись вниз. А взаиморасположение этих двух слов очень существенно для понимания их общего смысла.

Во-вторых, сопоставление круговой легенды лицевой стороны на этих трех монетах позволило читать вместо предложенного В. Г. Тизенгаузеном *هنا* («зтот») совсем другое слово, принципиально меняющее смысл всей легенды, а именно *دينار* — («дйнар»). На одной из трех монет хорошо видна буква «дал» (которая отмечена и Х. М. Френом), а на двух других, кроме того буквы «алиф» и «ра», причем из этих трех букв буква «дал» следует непосредственно за словом *ضرب*.

Прорисовка легенды монеты В. Г. Тизенгаузеном также на соответствующем месте показывает лишь буквы «алиф» и «ра», а место предполагаемого им «х» по другим монетам занято буквой «дал». Таким образом, наличие на монетах и в соответствующем взаиморасположении трех букв «д...ар» *د...ار* само по себе исключает всякую возможность читать здесь *هنا*.

При новом варианте чтения вся круговая легенда лицевой стороны восстанавливается таким образом: *ضرب دينار الفلوس بلده سمرقند* (табл. 3/4), т. е. в переводе — «чекан медного динара города Самарканда». (Реконструкцию этого типа монет, сделанную на основании трех

¹ Вельяминов-Зернов В. В., Монеты Бухарские и Хивинские, Труды Восточного Отделения Археологического Общества, ч. IV, СПб., 1859, стр. 334.

² Массон М. Е., Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг., Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 16.

названных неопубликованных экземпляров и прорисовки В. Г. Тизенгаузена, см. на табл. 4).

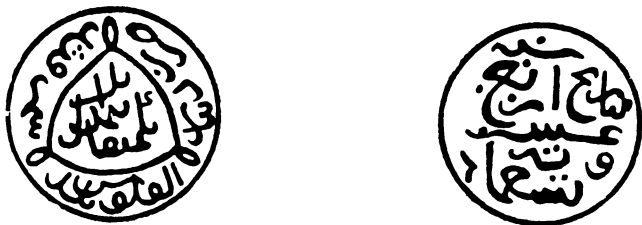

Таблица 4. Самаркандский динар 914/1508-9 г.

По различным юридическим документам XVI в. (вакф-нома, купчие) известно, что в то время «медным динаром» назывался основной медный номинал. На самих монетах их номинал обычно не проставлялся, будучи известен населению. Но некоторые примеры подтверждают правильность предлагаемого чтения, показывая другие случаи, когда номинал в один динар обозначался прямо в легендах монет. Такие примеры, в частности, оставил чекан Хисара 907/1501-2 г. и Мерва 912/1506-7 г.¹

Итак, слово «динар» на самаркандских монетах 914 г. х. свидетельствует о том, что эти монеты являются динарами по своему достоинству. Чтение же номинала в круговой легенде позволяет истолковать также и легенду картуша *يکم ثقال نيم دانگ*. Если бы номинал в один динар не был уже обозначен на монете, можно было бы предположить, что слово *نيم دانگ* «ним данг» и является номиналом, тем более, что такое выражение встречается в надчеканах на меди применительно к достоинству надчеканенной монеты. Но в данном случае сходство является чисто внешним.

Вообще слово «данг» обозначает $\frac{1}{6}$ часть чего-либо, причем в юридических документах, где оно часто фигурирует, его ставят по порядку после той величины, частью которой данг является. Часто слово это употребляется в вакуфных грамотах при описании размеров земельных участков. Например, в вакф-нома 934 г. х. медресе Мири-Араб в Бухаре упомянут участок земли в 60 джарибов и 4 данга, т. е. в 60 и $\frac{4}{6}$ джариба.² Целый ряд земельных участков перечисляется в вакф-нома 942 г. х. медресе Газиян в Бухаре: участок в 2 танаба и 1 данг (т. е. в 2 и $\frac{1}{6}$ танаба), в 4 джариба и 4 данга джариба (т. е. в 4 и $\frac{4}{6}$ джариба), в 5 дангов джариба (т. е. в $\frac{5}{6}$ джариба) и т. д.³ Форма написания при исчислении в дангах дает два варианта: иногда после слова «данг» наименование основной величины пишется вторично, но чаще вторично оно уже не употребляется. Применялся данг также для обозначения части меры длины. Например, в вакуфной грамоте мавзолея Ишрат-хона данг употреблен при описании длины пожертвованных ковров, как кратное зира.⁴ Во всех этих и многих других случаях число дангов колеблется от половины до пяти и даже до пяти с половиной, но никогда, по известным мне приме-

¹ Давидович Е. А., К медным номиналам конца XV — начала XVI вв. по данным чекана Хисара и Кундуза. Сообщения Таджикского филиала АН СССР, вып. XXIV, Сталинабад, 1950, стр. 39-40 и табл. 1-2.

² Центральный государственный исторический архив УзССР, фонд № 323, док. № 16.

³ Там же, док. № 12.

⁴ Вяткин В. Л., Вакуфный документ мавзолея Ишрат-хана в Самарканде. Рукопись хранится в библиотеке Узбекского филиала ИМЭЛ, № 1288.

рам, не выше этого, из чего также следует, что под дангом подразумевается именно одна шестая, а не какая-либо меньшая часть.

Точно такое же назначение данг выполнял и при исчислении веса. В частности, по свидетельству источников, мискаль равнялся шести дангам.¹ Поэтому не вызывает сомнения, что на рассмотренных выше монетах Самарканда 914 г. х., номинал которых обозначен особо в круговой надписи, легенда картуша, в которой слово «данг» сочетается со словом «мискаль», указывает именно вес монеты. Это подтверждается и отмеченным выше взаиморасположением частей легенды, читаемых подряд снизу вверх, как *يكمثقال نيمدانك*. Употребление слова «ним данг» вместе с «мискалем», причем при правильном порядке чтения — после последнего (т. е. в том же взаиморасположении, что и при определении частей площади и длины), свидетельствует о том, что здесь имеется в виду вес в один мискаль и полданга. Следовательно, означенные монеты Самарканда 914 г. х. должны были весить один мискаль плюс $(\frac{1}{6} : 2)$ мискаля, т. е. $\frac{13}{12}$ мискаля.

Подтверждением предложенному толкованию легенды картуша рассматриваемых монет служит любопытное свидетельство относительно веса медной монеты, приведенное в вакуфной грамоте 942/1535-6 г. в пользу медресе Газиян в Бухаре.² По условию вакфодателя предусмотрено, что ежегодно мутеваллий выдает мударрису «сумму в 500 тенег известных, из которых каждая теньга состоит из 40 фельсов из [числа] фулюсов [весом] в один мискаль и два нухуда, ходячих в [данное] время в Бухаре». Так как нухуд равняется $\frac{1}{24}$ части мискаля, то вес медной монеты, ходившей в Бухаре в 942/1535-6 г., равнялся 1 мискалю плюс $(\frac{1}{24} \times 2)$ мискаля, т. е. $\frac{13}{12}$ мискаля, как и вес, обозначенный на монете Самарканда 914/1508-9 г. Таким образом, эти два разновременные свидетельства, подкрепляя друг друга, делают несомненным факт, что медная монета должна была иметь совершенно определенный и достаточно точный вес и что для первой половины XVI в. этот легальный вес медного динара должен был равняться $\frac{13}{12}$ мискаля.

Выражение этого веса в граммах проще всего было бы выяснить взвешиванием медных монет, но вес последних за разные годы конца XV — начала XVI вв. не оставался постоянным. Поэтому лишь сами самаркандские монеты 914 г. х., поскольку вес на них засвидетельствован легендой, могли бы дать достоверный материал. Но именно эти монеты представлены единичными экземплярами, опираться же на вес отдельных ных монет можно, лишь проверяя его какими-либо другими данными.

В рассматриваемом случае для выяснения и проверки легального веса динара лучше всего исходить из мискаля, поскольку выражение через мискаль засвидетельствовано и письменным источником и самим чеканом. Мискаль же XVI в. — как выше уже говорилось — равнялся 4,8 г. Отсюда вес в мискаль и полданга мискаля, т. е. вес в $\frac{13}{12}$ мискаля получается равным $\frac{4,8 \times 13}{12} = 5,2$ г.

Из шести монет этого типа (три опубликованных и три неопубликованных) взвешена только одна монета ГИМ⁴а — 5,05 г., что в пределах ремедиума XVI в., учитывая к тому же и потертость экземпляра, вполне отвечает весу, вычисленному через мискаль.

¹ Souvairе, M. H. *Materiaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la metrologie musulmanes...* Journal Asiatique, 1879, XIV.

² Центральный государственный исторический архив УзССР, фонд № 323, док. № 12.

В данной связи очень важно, что за предшествующие годы вес медных монет не оставался неизменным, показывая постоянную тенденцию к понижению. Факт этот был установлен анализом веса очень большого количества медных монет, так что полученные результаты не оставляют места сомнениям. Лучше всего картину снижения веса обозначил чекан Бухары и Самарканда, монетные дворы которых функционировали особенно интенсивно, но отдельные экземпляры чекана других городов лишь подтвердили эти наблюдения. При этом всякие колебания веса медных монет в тех городах, для которых это можно проследить, происходили примерно одновременно. В целом за период времени с 897/1491-2 г. по 913/1507-8 г. тремя приемами последовательного снижения средний вес динаров упал с 5,2-5,1 г. до 4,6 г., т. е. более чем на половину грамма, что в восточных метрических единицах составляет 2,5-3 нухуда.

В 914/1508-9 г., судя по легенде на монетах Самарканда и реальному весу одной из них, опять был установлен высокий вес медного динара в $13/12$ мискаля (5,2 г.), т. е. в этом году был поставлен предел снижению веса и узаконен совершенно точный весовой стандарт для динара взамен неопределенности постоянно меняющейся монетной стопы.

Обращают внимание два момента: одинаковый в $13/12$ мискаля вес и новых серебряных (с 913 г. х.) и новых медных (с 914 г. х.) монет Шейбани-хана, с одной стороны, а с другой — хронологическая близость декретирования этого одинакового веса для обеих групп монет. Такое совпадение нельзя считать случайностью. Поскольку именно новый вес серебряных монет Шейбани-хана послужил несомненным прототипом при определении в следующем году весового стандарта медных динаров, мероприятия Шейбани-хана касательно медных монет мы и назвали второй, заключительной частью его реформы.

В Средней Азии XVI в. — о чем уже упоминалось — медные монеты обращались по всем законам валютного металла, и отношение между серебряными и медными монетами отнюдь не было произвольным, пропорционально отражая отношение стоимости этих двух металлов. Поэтому для нормального денежного обращения одинаково важен был вес и серебряных и медных монет. Весовые махинации с медными монетами сразу дискредитировали их, вскрывали и выпячивали всю условность их «валютности», а в сочетании с обильным выпуском приводили к очень серьезным кризисам денежного обращения.¹

В силу этого реформа касательно чекана и обращения серебра не могла бы считаться завершенной, если бы она соответственно не коснулась также медного чекана и не упорядочила его.

В 913/1507-8 г., когда закон о выпуске нового серебра был только еще установлен и обнародован, этот момент не был учтен. Зато в следующем, 914/1508-9 г., когда выпуск новых серебряных монет принял значительные размеры и когда именно новые монеты стали основой серебряного обращения, вопрос с медью обратил на себя внимание и выявил незавершенность реформы. Это упущение и было ликвидировано в 914 г. х. повышением до $13/12$ мискаля упавшего к этому времени веса медного динара. Характерно, что этот вес для основного медного номинала был выбран не произвольно, а по образцу веса новых серебряных монет, что

¹ Давидович Е. А., К вопросу о курсе и обращении..., цит. раб., стр. 154-158. Рассмотрению кризиса денежного обращения в начале XVI в., вызванного, в основном, махинациями государственной власти с чеканом именно медных монет, посвящена первая глава упомянутой работы автора «Две денежные реформы в государстве Шейбанидов».

очень важно при условно-валютном обращении меди (т. е. при кратной пропорциональности отношений стоимостей и курсов медных и серебряных монет). Одинаковость и твердость веса тех и других монет должны были создавать иллюзию правильности и оправданности их курсового (1 : 24) соотношения.

Об этой второй части реформы Шейбани-хана в письменных источниках никаких известий нет. Поэтому о судьбе старых медных монет (в отличие от серебряных тимуридских) можно судить лишь на основании некоторых косвенных данных. Показательно, что группа ранних кладов по XVI в. (II-V и ангренский) включает монеты, имевшие обращение только до 914/1508-9 г., учитывая даже вторичное их легализирование с помощью надчеканов. Иначе говоря, в этих кладах сохранены медные монеты, обращавшиеся лишь на первых двух дореформенных этапах. С другой стороны, более поздние медные клады (самаркандский и ташкентский) сохранили такое небольшое количество дореформенных медных монет Шейбани-хана, что их наличие следует считать случайностью, т. е. не правилом, а исключением. (В порядке такого крайнего исключения в самаркандском кладе есть одна медная монета Тимура!). Для доказательства можно привести некоторые статистические данные. Например, в самаркандском кладе из 611 точно датированных монет чекана Бухары 580, т. е. 96,7 процента были выпущены в 917-918 гг. х. (т. е. уже после смерти Шейбани-хана) и только 31 монета, т. е. немногим более трех процентов — за предшествующие годы. (И даже из них не все шейбани-ханские).

Еще более яркую картину показывают монеты самаркандского выпуска. Из 1229 точно датированных самаркандских монет клада — 1212, т. е. почти 99 процентов, чеканены в 917-919 гг. х., и только 17 монет (немногим более одного процента!) — в ранние годы. При этом часть таких ранних монет оказалась еще и надчеканенной в период сложения разбираемых поздних кладов, что еще более, совсем до минимума, сокращает число старых дореформенных монет, сохранившихся в послереформенном обращении. Ту же картину показывает статистика маленького ташкентского клада, в котором из 44 точно датированных монет 42 биты в 917-919 гг. х. и лишь две — в более раннее время.

Самаркандский и ташкентский клады характеризуют медное обращение уже после смерти Шейбани-хана. Незначительное количество в их составе и дореформенных и послереформенных шейбани-ханских монет говорит о том, что на рынке этого времени их уже почти не было.

Такой состав двух разновременных групп кладов прямо намекает на то, что вместе с завершением реформы в 914/1508-9 г. дальнейшее полноценное обращение старой меди (т. е. чеканенной или надчеканенной Шейбани-ханом до реформы или еще циркулировавшей тогда не надчеканенной тимуридской) было совсем запрещено и предложено обменивать ее на монетных дворах, однако, видимо, по очень низкому курсу. Последнее как раз могло стимулировать отложение в клады запрещенных медных монет, обмен которых оказывался слишком убыточным.¹ Поэтому-то ранние клады меди (II-V и ангренский) и состоят только из дореформенных монет: клады были упрятаны вследствие и по причине жесткого проведения реформы в части запрета обра-

¹ Об экономике запрета обращения «старых» медных монет см. Давидович Е. А., Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV-XVI вв. и роль надчеканов. Известия Отд. общественных наук АН Таджикской ССР, вып. 3, Сталинабад, 1953, стр. 61 и сл.

щения старой меди. Поэтому же в поздних кладах (самаркандском и ташкентском) дореформенные монеты, наоборот, представлены только случайными экземплярами: они быстро исчезли из обращения, обмененные на монетном дворе или упрятанные в клады.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совокупный анализ трех видов источников — нарративных, актовых и монетных — позволил всесторонне рассмотреть денежную реформу Шейбани-хана, выявить ее содержание, цель и некоторые объективные результаты. Реформа была проведена в течение двух лет (913-914 г. х. 1507-1509 г. н. э.), и ее установления до смерти Шейбани-хана не нарушались.

Основное содержание реформы может быть коротко сведено к следующим мероприятиям:

1. Декретирование выпуска новых серебряных и медных монет определенного внешнего облика, отличающего их от всех монет предшествующего чекана; в условиях децентрализованного чекана — контроль за однотипностью продукции всех монетных дворов.

2. Повышение весовой нормы для новых пореформенных медных и серебряных монет по сравнению с весовой нормой предшествующего чекана; назначение для новых медных и серебряных монет одного весового стандарта в мискаль и половину данга мискаля, т. е. в 5,2 г.

3. Определение курсового отношения между новыми серебряными и медными монетами в виде равенства одной новой серебряной теньги двадцати четырем медным динарам.

4. Запрещение обращения старых дореформенных медных монет, обильно насытивших рынок разновесовой и разнотипной продукцией и подрывавших нормальное денежное обращение.

5. Разрешение дальнейшего обращения старого тимуридского серебра, но по более низкому курсу, приведенному в соответствие с металлическим содержанием этих дореформенных монет.

6. Обеспечение равного и беспрепятственного обращения серебряных монет по всему государству на базе совпадения веса и номинала для старого тимуридского серебра и однотипности для всех новых шейбани-ханских монет, вне зависимости от места чекана каждой.

7. Организация чекана не только меди, но и серебра из государственного металла. Покрытие расходов по чекану и извлечение доходов для казны за счет фактической принудительности курса.

Классовая сущность реформы четко выявилась в характере ее положительных мероприятий. К моменту завоевания Средней Азии и Хорасана Шейбани-ханом денежное обращение, в силу слишком интенсивной эксплуатации монетной регалии, находилось в довольно расстроенном состоянии. Это тормозило нормальный торговый оборот, особенно в сфере междугородней торговли или крупного внутригородского обмена движимого и недвижимого имущества.

Расстройство нормальной денежной торговли особенно задевало поэтому торгово-феодалные слои господствующего класса среднеазиатского общества. Для того, чтобы привлечь их на свою сторону и тем расширить свою классовую базу, Шейбани-хану нужно было упорядочить денежную торговлю, дать рынку ту хорошую монету, в которой он так нуждался. Необходимость мероприятий в этом направлении Шейбани-хан и его финансовые советники прекрасно понимали: не случайно, еще

зadolго до реформы, сразу после завоевания Мавераннахра (первый этап по нашей периодизации), Шейбани-хан делает, правда, почти безрезультатные, попытки упорядочить денежное обращение; не случайно после завоевания Хорасана (третий этап по нашей периодизации) Шейбани-хан опять вторично возвращается к необходимости провести денежную реформу. На этот раз очень продуманные мероприятия реформы 913-914 гг. увенчались полным успехом, и рынок действительно получил новую и совершенно твердую по весу, внешнему виду и курсу медную и серебряную монету, а обращение денег в целом было урегулировано в общегосударственном масштабе и избавлено от многих неожиданностей и перемен.

Но трудность заключалась в том, чтобы это совершенно необходимое (в первую очередь, из политических соображений) упорядочение денежного обращения не нанесло ущерба интересам казны, не лишило казну фискальных доходов. Между тем эти две задачи в феодальном обществе обычно вступают в острый конфликт, подчас совершенно исключают или во всяком случае ограничивают одна другую, ибо погоня за фискальными доходами расстраивает денежное обращение, а упорядочение последнего сильно сокращает фискальные доходы и лишает возможности произвольно их увеличивать. Наиболее простой способ разрешения этого противоречия — свободный чекан, при условии, что государь не использует монетную регалию для курсовых махинаций и ограничивается нормальными отчислениями при чекане монет. Реформа Шейбани-хана, с точки зрения интересов казны, нашла более удачное разрешение этого противоречия в рамках урегулированного денежного обращения, сохранив довольно значительные фискальные доходы, даже большие в абсолютном выражении, чем доходы-отчисления при свободном чекане.

По реформе Шейбани-хана фискальные доходы сохранились в силу принудительности курса на новые монеты. На первый взгляд это напоминает самую обычную и откровенную форму эксплуатации монетной регалии путем уменьшения веса монет при сохранении старого номинала. Но эта сущность реформы Шейбани-хана была внешне прекрасно замаскирована, ибо вес монеты в данном случае был не уменьшен, а увеличен; старая курсовая норма была перенесена не на более легковесную монету, а, наоборот, на более тяжеловесную; разный курс старых и новых монет был оправдан их разным весом и т. д. Все это создавало иллюзию известной курсовой упорядоченности.

Трудно сказать, предусмотрели ли авторы реформы все ее результаты заранее, но объективно, в силу последовательного осуществления реформы со всеми ее особенностями, налогово-податное бремя фактически значительно увеличивалось тоже замаскированно, «подпольно». А это особенно тяжело должно было сказаться на трудящихся и эксплуатируемых массах и свести на-нет то небольшое облегчение, которое могла принести реформа. Несомненно, последовательное упорядочение денежного обращения не могло не сказаться положительно и на мелком, розничном товарообороте. При уровне цен XVI в. в сфере обращения последнего господствовала медная монета, поэтому вторая по времени часть реформы касательно медных монет гарантировала от курсовых потерь и в области этой каждодневной мелкой торговли. Но, во-первых, не все слои трудящихся города и деревни были одинаково заинтересованы в этой городской денежной торговле; во-вторых, удельный вес выгод от упорядочения денежного оборота был явно невелик по сравнению с потерями от фактического увеличения налогово-податного бремени. Не

влияя существенно на экономическое положение трудящихся, эта небольшая польза от упорядочения денежного обращения внешне, однако, бросалась в глаза и препятствовала понять подлинную сущность реформ тем самым, видимо, предупреждая проявления недовольства.

Итак, денежная реформа Шейбани-хана нашла очень удачную, с точки зрения интересов казны, форму эксплуатации монетной регалии: удовлетворила запросы торгово-феодалного слоя господствующего класса вновь завоеванных территорий; увеличила налоговое бремя трудящихся масс и замаскировала это, предотвратив, видимо, недовольства и волнения.

Невольно вызывает недоумение, почему к аналогичным установлениям не прибегали систематически, почему на разных этапах средневековой истории Средней Азии мы наблюдаем обычно самые простые и примитивные формы эксплуатации монетной регалии вроде порчи монеты лигатурой, уменьшения веса, голого декретирования курса и т. д.?

Обращает внимание, что Шейбани-хан на первых этапах тоже не смог прочно упорядочить денежное обращение, и его реформа оказалась успешной только после значительных завоеваний, на базе перехода к чекану из государственного металла, т. е. в конечном счете — на базе предварительного ограбления завоеванных территорий, давшего ему в руки массу серебряного материала. Вторым необходимым условием было то, что при нем государство Шейбанидов было еще в какой-то мере централизованным, хотя уже замечались междоусобия среди представителей правящего дома. Только сочетание этих двух обстоятельств открыло возможность прибегнуть к столь замаскированной форме эксплуатации монетной регалии и внешне затупить противоречие между интересами фиска и стремлением к хорошей монете. Как только прекратилось действие этих частных условий, второй (уже номинальный) шейбанидский государь, Кучкунчи-хан, вынужден был отменить все установления своего предшественника и вернуться к более обычным в средневековые формы эксплуатации монетной регалии с постоянным нарушением норм денежного обращения, частыми поэтому кризисами денежного обращения в временными усилиями по их ликвидации. Иначе говоря, в средневековой Средней Азии не было постоянных условий для того, чтобы мероприятия Шейбани-хана в области чекана и обращения монет сохранились надолго. Реформа Шейбани-хана, отвечающая интересам господствующего класса среднеазиатского общества, в рамках ее классовой ограниченности все же была довольно прогрессивной, особенно на фоне финансовых мероприятий предшественников и наследников Шейбани-хана. Но даже и эта очень односторонняя прогрессивность для средневековой Средней Азии могла быть явлением только эпизодическим.

IV

А. А. СЕМЕНОВ

ПЕРВЫЕ ШЕЙБАНИДЫ И БОРЬБА
ЗА МАВЕРАННАХР

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящий очерк «Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр» представляет собою изложение только военных действий и разных походов, которыми сопровождалась ожесточенная борьба между узбекскими главарями, с одной стороны, и тимуридами с их союзниками — кызыль-башами Ирана, с другой. Из использованных для этой работы первоисточников не видно, какие группы и кого поддерживали в этой борьбе, но из всего хода событий можно представить, что суннитское духовенство и влиятельные суфийские шейхи или ишаны по чисто религиозным побуждениям были весьма враждебно настроены к союзникам тимуридов, кызыльбашам, как носителям шиитской ереси. Тимуридская знать (высшие военные чины, сановники разных рангов, царевичи с титулами мирз) и представители крупного купечества, имевшие большие торговые связи с границей, симпатизировали тимуридам и их союзникам. Они справедливо полагали, что упрочение власти узбеков в Мавераннахре приведет к разорению и уничтожению старой знати, которая превратится в гонимое сословие. Господство узбеков в Мавераннахре и отрезанность его от юга и запада враждебным шиитским миром приведет к утрате всех источников доходов от заграничной торговли (с Индией и Западной Европой). Одна огромная торговля астрабадским шелком через Кавказ с Западом приносила купечеству эпохи Султан-Хусейн-мирзы (ум. в 1506 г.) весьма большие выгоды. Теперь всему этому коммерческому процветанию грозил крах, ибо все было объято войной, передвижениями войск, разорениями городов и селений и приостановкой движений торговых караванов, а стабильность будущего была неизвестна.

Наконец следует отметить, что во всех перипетиях этой ожесточенной борьбы принял участие новый элемент — моголы, до того не выступавшие столь активно в истории Средней Азии. Эти обитатели восточной части бывшего Джагатаева улуса, расположившиеся в районах р. Чу, находились под властью своих ханов-потомков Чингиза. Они всегда враждовали с Тимуром и его преемниками. В рассматриваемую эпоху моголы уже не были народом, который случайно, лишь временами, нападал на Мавераннахр. Если несколько раньше моголы настолько продвинулись на запад, что овладели Ташкентом и его областью, то теперь они появились в Мавераннахре в большом числе, выступая то как союзники тимуридов в их борьбе с узбеками, то как союзники последних против тимуридов и «кызыльбашей». Всё поведение беспринципных моголов, одинаково убивавших и грабивших как своих союзников, так и врагов, не говоря уже о мирном населении, с интересами и личной безопасностью которого абсолютно никто не считался, вносило в эту борьбу за Мавераннахр еще большую неразбериху, еще большее кровопролитие и отягчало страдания мирных жителей.

Когда известие о гибели Шейбани-хана под Мервом дошло до Самарканда и Бухары, оно страшно поразило членов ханского дома и породило среди них растерянность и тревогу, а в таких центрах бывших тимуридских владений, как Герат, Мешхед и др., та же весть была принята с нескрываемою радостью и с надеждами на скорое освобождение из-под ига кочевников. Что именно происходило в среде узбеков Мавераннахра в это трагическое для них время, персидские историки, наблюдавшие ход событий из Ирана, ничего не говорят об этом и описывают лишь то, что фактически произошло в первые моменты во взаимоотношениях узбеков и шаха Исмаила I. Эти факты в интерпретации современных той эпохе персидских источников представляются в таком виде.

Когда узбекские султаны решали вопрос, кому быть главою государства и что делать дальше, шах Исмаил совершал триумфальное шествие по Хорасану, подвигаясь на Восток почти без сопротивления. Высланный им авангард без боя занял Герат, в который вскоре торжественно въехал шах, по свидетельству историка-очевидца, восторженно встреченный как высшими, так и всеми прочими классами столицы, а равно и окрестным сельским населением, потому что все видели в новом завоевателе избавителя от произвола, грабежей и насилий узбеков, на которых теперь обрушилась народная ярость. В тот же день в соборной мечети Герата, на торжественной общественной молитве была прочитана хутба на имя шаха Исмаила с шиитской религиозной формулой и с упоминанием двенадцати шиитских имамов. Интересно отметить, что тогдашние персидские источники, сочувствующие освободителю-шаху, ничего не говорят о том фанатизме Исмаила I, который им был обнаружен при вступлении в Герат. Когда шах въехал в столицу Хорасана и приказал прочитать в соборной мечети хутбу с упоминанием двенадцати шиитских имамов и шиитской формулой, то престарелый хатиб, Хафиз Зайнуддин, отказался это сделать, за что и был изрублен на куски во дворе мечети. Восьмидесятилетний шейх-ул-ислам Герата, правнук известного ученого теолога и законоведа Са'дуддина Тафтазани (ум. в 792/1390 г.), приведенный к шаху и отказавшийся исповедать шиизм, был собственноручно застрелен шахом из лука, его тело было приказано вздернуть на высокое дерево, а потом это дерево выдернуть с корнями и сжечь вместе с телом шейх-ул-ислама. Даже имя знаменитого персидского поэта Джами было приказано переправлять на Хами (выскоблить точку под буквою джим и поставить ее наверху), вследствие этого имя поэта приобретало значение: «недопеченность», «незрелость». Самый памятник поэта на его могиле, богато отделанный, с пышной декорацией из деревьев, зеле-

ни и водоема посредине обширного двора, который был выполнен Алишером Навои, шах Исмаил приказал разрушить до основания.

Шах провел зиму в Герате, назначив на высшие посты правителя города, судьи и др. своих ставленников, за это время им были приняты выражения покорности от многих соседних владельцев. Среди последних были и тимуридские принцы: султан Увейс-мирза и Мухаммед-Яр-мирза, внуки Абу-Са'ид-мирзы (855/1452-873/1469). Первый, известный под именем Хан-мирзы (иначе Мирзы-хана), был владельцем Бадахшана. Оба они были особенно ласково приняты шахом, причем Хан-мирза получил от шаха грамоту на управление не только Бадахшаном, но и Хисаром.

Торжественно отпраздновав в столице Хорасана Новруз (Новый год), шах Исмаил весной 1511 г. выступил с войсками из Герата, предполагая этим движением начать поход в Заамударьинские области.

Когда шахские войска дошли до Меймене и Фарьяба, то, узнавши об этом, наиболее энергичные и волевые представители ханского дома, сын Шейбани-хана, Мухаммед-Тимур-султан, и племянник Шейбани, Убайдулла-султан, и примкнувшие к ним некоторые другие узбекские султаны, решили выразить шаху покорность, послать ему подарки, просить смилостивиться над Мавераннахром и не вступать в него, ибо они полагали, что как только шах перейдет Аму-Дарью, то узбекам уже никогда не придется больше жить в Мавераннахре. Повидимому, чтобы повезенное к шаху письмо и подарки были им благосклонно приняты, действовали через вышеупоминавшегося Ходжу Камалуддин-Махмуда Согарджи, бывшего везира Шейбани-хана, а теперь сановника шаха. В целях наилучшего оформления принципов заключаемого с узбеками договора Ходжа Камалуддин, испросив разрешение шаха, отправился с узбекскими послами в Мавераннахр. Там Ходже был оказан особенный почет, и Мухаммед-Тимур-султан и Убайдулла-султан торжественно обещались во всем повиноваться шаху и не выходить из покорности ему, если шах предоставит им области по правую сторону Аму-Дарьи. Ходжа Камалуддин обнадежил узбекских султанов в милостивом к ним отношении шаха Исмаила. Последний согласился на просьбу узбеков и мир был заключен при условии, что все районы по левому берегу Аму-Дарьи отходят к Ирану.¹

Источники, написанные в это время или в очень близкое к этому времени в Мавераннахре и Кашгаре, рисуют любопытную картину событий, происшедших в Мавераннахре в связи с гибелью Шейбани-хана. Таких источников три; один из них на тюркском языке, два — на персидском. Первый называется «Зубдат ул-Асар» (Сливки летописей) и написан неким Абдуллой, сыном Мухаммеда, сына Али-Насруллахи, состоявшим прежде на службе у тимуридов (у балхского наместника), а потом у Шейбани-хана. Автор написал свой труд по поручению двоюродного брата Шейбани-хана, Мухаммед-султана, сына Суюнч-Ходжа-хана. Этот источник известен лишь по двум рукописям: ташкентской — в Институте востоковедения АН УЗССР, и по ленинградской — в Институте востоковедения АН СССР. В свое время этот труд был очень подробно описан академиком В. В. Бартольдом с приведением больших из него

¹ «Хабиб ус-Сиэр», Хондемира, т. 3, ч. IV, Тегеран, 1271, стр. 308-309. То же в «Раузат ус-Сафа», Мирхонда, т. 7, Тегеран, 1274, без пагинации, и в «Тарих-и Алэмарани Аббаси, Искендера «мунши», Тегеран, 1314, стр. 29.

В отношении проявления фанатизма шаха Исмаила в Герате см. ркп. «Бахр ул-Асрар», Махмуда б. Вели, л. 173-6 и «Джами», биография, Али-Асгара «Хикмета», Тегеран, 1320/1942 г., стр. 52 и 222.

выдержек.¹ Второй первоисточник по этой эпохе — из лагеря, враждебного узбекам, принадлежит перу двоюродного брата султана Бабура, Мирзы Мухамед-Хайдара, и называется обычно «Тарих-и Рашиди» (Рашидова история). Двенадцатилетним мальчиком автор состоял при султанине Бабуре во время его вторжения в Мавераннахр в качестве союзника шаха Исмоила I. «Подобно своему брату Бабуру, Мухаммед-Хайдар был не только свидетелем, но и участником событий этой эпохи, когда последние представители государства, основанного в Средней Азии монголами, боролись против нашествия новых завоевателей, узбеков и калмыков».²

Я пользовался для настоящей работы полной и довольно исправной рукописью труда Мухаммед-Хайдара в собрании Института востоковедения АН УзССР за инв. № 1430. Третий труд, современный этой эпохе, составлен вышеупомянутым компаньоном Шейбани-хана, ученым персом Рузбеханом Исфahanским, и называется «Сулук ул-Мулук» (Путь государей). Это этико-политическое сочинение посвящено обязанностям и правам государя, осуществляемым им через целый ряд подчиненных ему правительственных лиц, направляющих и определяющих всю внутреннюю политику государя (везир, шейх-ул ислам, муфти, судья, мухтасиб и проч.).³ Составленный автором по просьбе Убайдуллы-султана, этот труд в своей вводной части или в введении включает многие небезыңтересные подробности. Я пользовался очень старым списком этого труда, имеющимся в Институте востоковедения АН УзССР за инв. № 3639. И, наконец, следует упомянуть еще два труда, из коих один составлен в Иране (в 980-985 гг.) Хасан-и Румлу и наз. «Ахсан-ут-Таварих». Хотя он написан в Иране много лет спустя после описываемых здесь событий, но в нем есть для данной эпохи небезыңтересные сведения, особенно в той части, которая касается совместных действий шаха Исмоила и султана Бабура против узбеков. Я пользовался печатным изданием этого труда (в тексте) *A Chronicle of the Early Safawis being the Ahsani 't-Tawarikh of Hasan i-Rumlu. Ed. by C. N. Seddon, M. A., J. G. S. Vol. I Varoda. 1931.*

Второй труд составлен в XVII в. и для данной эпохи тоже далеко не первоисточник, ибо в этой части он написан, главным образом, по «Тарих-и Рашиди», но иногда в нем встречаются некоторые небезыңтересные подробности, не встречающиеся в вышеназванных трудах. Это III часть сочинения бухарца Махмуд-бен-Велия «Бахру л-Асрар» (Море тайн); я пользовался списком Института востоковедения АН УзССР за инв. № 1375.⁴

По этим источникам происходившие в Мавераннахре события после поражения и гибели Шейбани-хана представляются в следующем виде.

Когда Шейбани-хан, направляясь форсированным маршем в Мерв,

¹ См. Бартольд В., Отчет о командировке в Туркестан в ЗВО, т. XV, стр. 187-205.

² Бартольд В., *The Tarikh-i Rashidi of M. Muhammad Haidar, Dughlat. ...The transl. by E. Den. Ross., London, 1895.* (Рецензия в ЗВО, т. X, стр. 216).

³ См. Rieu, Sh. Cat. of the Pers. mss in the British Museum. II, London, 1881, p. 448.

⁴ К сожалению, я не мог воспользоваться рукописью (повидимому, уникальной) труда анонимного автора на узбекском языке **تواریخ گزیده نصره نامه** (Избранные истории книги побед), что в фондах Института востоковедения АН СССР. По словам научного сотрудника Института истории АН УзССР, тов. Мукминовой, пользовавшейся этой рукописью, в конце ее есть выражение «мой сын, Тимур султан...». Это как будто указывает, что автором указанного труда был сам Шейбани-хан.

послал гонцов в Мавераннахр, требуя от своих феодалов, узбекских султанов, спешной ему присылки подкреплений для борьбы с шахом Исмаилом, то, естественно, что при огромных расстояниях и единственно быстрой передаче вестей верховными нарочными, не все султаны получили одновременно приказ своего сюзерена-хана. Те, которые сидели далеко на севере, в Туркестане, получили его позже всех. К числу таких принадлежал дядя Шейбани-хана, Суюнч-Ходжа-хан, имевший своим уделом Ташкент. Он с значительным войском переправился через Сыр-Дарью, намереваясь идти на помощь Шейбани-хану к Мерву. Брат Суюнч-Ходжи, Кучкунджи-хан (иначе Кучум-хан), задержался в своем уделе, в Туркестане, опасаясь нападения энергичного казахского Касим-хана. Но, приближаясь к Самарканду, Суюнч-Ходжа в пути получил потрясшее его известие, что Шейбани-хан, не дожидаясь подхода узбекских султанов с войсками, неосмотрительно вышел из Мерва против шаха, потерпел страшное поражение и погиб в бою. Самаркандская знать, повидимому, несколько ранее узнавшая о катастрофе под Мервом, услышав о приближении Суюнч-Ходжи, поспешила выехать к нему навстречу и ввести его в город. Там в соборной мечети Тимура, в ближайшую пятницу, была прочитана хутба и выбита монета с именем Суюнч-Ходжи-хана. Последний расположился в цитадели города, во дворце Ак-Сарае, где ему принесли свои поздравления узбекские султаны, бии, знатные и благородные лица из самаркандского населения; были, по обычаю, разбросаны в народ деньги. По погибшем Шейбани-хане был справлен траур и оплакивание.

Судя по источнику XVII в., это спешное провозглашение ханом Суюнч-Ходжи вызывалось чрезвычайными обстоятельствами. Когда узбекские султаны Самаркандского вилаята узнали о прибытии Суюнч-Ходжи в Самарканд, они поспешили туда представиться ему. Этим временем среди них распространилось известие, что покинувшие войско Шейбани-хана моголы овладели некоторыми районами Бадахшана, что, опираясь на них, против узбеков выступил наместник Бадахшана — тимурид Хан-мирза, который побуждает к такому же выступлению другого тимурида, султана Бабура, чтобы тот избавил Мавераннахр от господства узбеков. «И мысли узбекских султанов в силу (велений) древнейясы склонялись к тому, чтобы предоставить ханский престол Кучум-хану, как старейшему из ханского дома, но поскольку он был занят (теперь отражением (казахского) Касим-хана, отстречка же (избрания хана) явилась бы причиной (дальнейших) несчастий, то в соборной «сахибкыранской» мечети (т. е. в Биби-Ханым), перед совершением пятничной молитвы узбекские султаны и правители сошлись на том, чтобы быть в ханском достоинстве Суюнджик-хану. И в месяцы 917 г. хиджры (март 1511 — март 1512 г.) украсили хутбу и чекан монеты его августейшим именем и титулом. После пятничной молитвы его величество (Суюнджик-хан), прибыв в Ак-Сарай, очастливил царский трон своим благополучным восшествием на него».¹

Утвердившись на престоле, Суюнч-Ходжа-хан предоставил области государства отдельным принцам своего рода. Так, Хисар он отдал в совместное владение своим сыновьям, Хамза-султану и Мехди-султану, Фергану — Джанибек-султану, Бухара была попрежнему сохранена за Убайдулла-султаном, как и Туркестан за Кучум-ханом и его сыновьями, Кеш (Шахрисябз), Нахшеб (Жарши), Хузар и Дербенд с их районами

¹ «Бахр ул-Асрар», Махмуда бен-Велия, ркп. Инст. востоковедения АН УзССР. за инв. № 1375, л. 174 а-б.

до берегов Аму-Дарьи были отданы во владение сына Шейбани-хана, Тимур-султана.

Через некоторое время после этого Тимур-султан вступил с шахом Исмаилом в мирные переговоры (повидимому, в то время, когда над Мавераннахром нависла реальная угроза вторжения шахских войск; в этом случае первой жертвой были бы владения Тимур-султана). Шах Исмаил послал к Тимур-султану своих уполномоченных лиц и мирные переговоры открылись. Историк XVII в. говорит по этому поводу, что Тимур-султан, владевший обширным районом по побережью Аму-Дарьи, «воспользовался удобным случаем и, неосторожно преклонив ухо к басням и лести иранцев, растворил ворота общения с ними».¹ Действуя так, Тимур-султан надеялся, что за ним последуют и все узбекские султаны и ханы. Но для завершения мирного договора нужна была санкция верховного главы узбеков, каковым в это время был Суюнч (Суюнджик)-хан. Когда в Самарканд к нему прибыли кызыльбашские послы с богатыми подарками и хан узнал о мирном договоре с шахом Тимур-султана, он пришел в страшную ярость и, пересыпая речь горькими упреками, заявил: «приличествует ли нам мириться с таким человеком, на котором лежит наша месть за кровь убитого им нашего вождя-родича и который к тому же враг веры?!».² В результате всего послы с позором и унижением были выдворены из Самарканда, а Тимур-султану было послано ультимативное наставление, чтобы он без кровавой битвы и без аргумента в виде острой шашки не стремился прекратить сношений с кызыльбашами. Вследствие этого у Тимур-султана возникли крайне неприязненные отношения к Суюнч-хану, что вызвало со всех сторон выступление врагов узбекского государства, кызыльбашей, моголов и джагатаев. Если первые могли угрожать государству шейбанидов извне, то моголы и джагатаи являлись внутренними врагами, жившими среди узбекских улусов; до сего старательно служившие узбекским султанам и бекам, они теперь, видя междоусобную распрю в государстве узбеков, отвернулись от узбеков и передалась на сторону султана Бабура.³

Шах Исмаил, получивши неприятное для себя известие о неудачном исходе мирных переговоров с Тимур-султаном и с примыкавшими к нему узбекскими султанами, стал действовать по другому. Он послал письмо к вышеупомянутому владельцу Бадахшана, тимуриду султану Увейс-мирзе, поощряя его к выступлению против узбеков и обещая ему свою помощь в этом деле. Мирза-хан, как иначе назывался султан Увейс-мирза, весьма обрадовавшись такому призыву шаха, мобилизовал все свои силы и выступил с ними в Кундуз. Перед прибытием туда он отправил письмо в Кабул своему родственнику, султану Бабуру. Мирза-хан писал в нем, что 20 тысяч верховых моголов подошли к Кундузу, что узбекский правитель Кундуза, Урус-бек «дурмень», бежал в Хисар и что он сам, Мирза-хан, направляется туда. При этом Мирза-хан приказал своим посланцам передать Бабуру на словах, что если Бабур решит при такой весьма благоприятной ситуации присоединиться к нему, то будет полная уверенность в том, что наследственные области Бабура будут в его руках. По получении таких вестей, Бабур с наивозможной поспешностью, в зимнюю пору, выступил в поход на Мавераннахр через Абдере. Праздник Рамазана он провел в районе Бамиана, оттуда быстрым мар-

¹ «Бахр ул-Асар», та же ркп., л. 174-б.

² «Зубдат ул-Асар», Абдулла-бен-Мухаммед-бен Али Насруллы, ркп. Института востоковедения АН УзССР, л. 471-а, Ленинградская, л. 94-б.

³ «Зубдат ул-Асар», та же ркп., л. 471-а, Ленинградская, л. 94-б.

шем, в середине месяца шевваля (декабрь 1511 г. — январь 1512 г.), достиг г. Кундуза, где его поджидал тимурид султан Увейс-мирза с войском моголов, отделившихся от узбеков. Он встретил Бабура с большим почетом и тот вступил в крепость Кундуза, где отдыхал в течение нескольких дней. Сюда к нему прибыли послы от шаха Исмаила I в сопровождении сестры Бабура, Ханзадэ-бегим. Когда Шейбани-хан осадил Бабура в Самарканде, то Бабур, по выражению среднеазиатского историка XVII в., не благоволившего к тимуридам, — «за выкуп своей жизни, отдав хану упомянутую принцессу, покинул город». С того времени Ханзадэ-бегим оставалась в гареме хана, где у нее родился Хуррам-шах-султан.¹ Под конец своей жизни Шейбани преисполнился к жене подозрения, как бы она не посягнула на его жизнь, и потому дал ей развод. Вскоре Ханзадэ-бегим вышла замуж за Сеййида Хади, принадлежавшего к высокочтимой в Средней Азии фамилии «Сеййид-Атаи».² Когда Сеййид-Хади погиб в битве под Мервом и город был взят тюрками шаха Исмаила, к ним попала в плен и сестра Бабура. Когда шах узнал об этом, он оказал ей свое покровительство и внимание. Отправляя ее к брату в Кундуз со своими надежными придворными, шах предлагал с ними Бабуру начать против узбеков военные действия, обещая ему в этом свою помощь. Султан Бабур, ознакомившись с такими лестными для себя предложениями шаха Исмаила и видя его столь внимательное отношение к себе, послал к шаху султана Увейс-мирзу (Мирзу-хана) в сопровождении других лиц из своего окружения с богатыми подарками из произведений Индии и Мавераннахра. Благодаря шаха за все его внимание и расположение к себе, султан Бабур выражал свою искреннюю готовность быть шиитом и провозгласить шиизм государственной религией в своих владениях.³

Повидимому, это посольство Бабура с его искательством у шаха Исмаила имело для него благоприятные последствия в смысле оказания ему помощи в виде посылки персидских военных сил. По крайней мере двоюродный брат султана Бабура, Мирза Хайдар «дуглат», мальчиком сопровождавший Бабура в его походе за Аму-Дарью, вспоминая в своих мемуарах это время, определенно говорит, что «Государь, получивши помощь от шаха Исмаила и весьма усилившись в военном отношении, выступил походом на Хисар».⁴

¹ Султан Бабур в своих мемуарах говорит о Ханзадэ-бегим, что она была его родною сестрою, старше его на пять лет, что когда он при вторичном занятии Самарканда, перенеся все трудности осады города узбеками, потратив массу энергии на его укрепление и защиту, в конце концов, не получив ни от кого помощи, доведенный до отчаяния, покинул Самарканд и ушел из него, Ханзадэ-бегим при всех этих передрагах попала к Шейбани-хану. У нее от него родился сын Хуррам-шах. «Он был хороший мальчик. (Отец) дал ему Балхскую область. По смерти отца, через год или два, он (тоже) отправился к божьему милосердию», замечает Бабур. Во время поражения под Мервом Шейбани-хана шахом Исмаилом Ханзадэ-бегим была в Мерве. «Ради меня (шах) хорошо с нею обошелся и от него с провожатыми она была доставлена ко мне в Кундуз. Мы не виделись десять лет. Я и Мухаммеда — «кукельдаш» вдвоем пришли (к ней). Бегим и ее близкие не узнали меня и только когда я назвал свое имя, они через некоторое время признали меня» (Vabeh-Nameh, ed. N. Iminski, pp. 10-11).

² Фамилия Сеййид-Атаи вела свой род от ученика известного патрона пастухов, ташкентского шейха Зенги-ата, жившего в XII в. Шейх Сеййид-Ахмед-Ата был славен не только своими суфийскими подвигами и благочестием, но и участием в войнах за веру с «неверными». Переселившись из Ташкента в дельту Аму-Дарьи, на Арал, он там умер в 691/1291-92 г. (см. «Тухфат ус-Зарин», Насируддин-тюрки. Бухара, 1328, стр. 86-88).

³ «Бахр ул-Асрар», та же ркп., л. 175 а-б.

⁴ «Тарих-и Рашиди», рукоп. Института востоковедения АН УзССР, за инв. № 1430, л. 1556.

Неверный политический шаг, погубивший все начинание Бабура в деле освобождения Мавераннахра от узбеков, — признание себя перед шахом шиитом и обещание ввести шиизм, как господствующую религию, в Мавераннахре, а через это, естественно, стать вассалом шаха Исмаила — был вызван крайней военной слабостью Бабура. Он располагал лишь ничтожным отрядом своих «чагатаев» и значительными силами совершенно недобросовестных и вероломных моголов, которые под Самаркандом, как мы видели, были его союзниками, но видя, что перевес в битве Бабура с Шейбани обозначился на стороне последнего, бросились грабить и убивать бабуристов; потом мы видим значительные кавалерийские отряды моголов в армии Шейбани-хана, а после гибели Шейбани эти отряды бросили узбеков и, уйдя на восток, подошли к Кундузу, где поступили под начальствование вышеназванного тимурида султана Увейс-мирзы (Мирза-хана). Насколько ненадежны были моголы, показывает такой поразительный факт. Когда султан Бабур был еще в Кундузе, то некоторые из наиболее влиятельных могольских главарей предложили лучшему другу Бабура, его двоюродному брату, Султан-Са'ид-хану,¹ следующее. В лагере Бабура теперь находится около 20 тысяч моголов, а «чагатаев» не наберется и 5 тысяч, поэтому они, моголы, устроят Бабура, а на его место посадят Султан-Са'ид-хана. Последний отверг это вероломное предложение и, видя, что надежда на верность моголов ничтожна, что они не преминут, при случае, перейти во враждебный лагерь, и что сам он, как могол, может оказаться в очень неприятном положении, попросил одного из наиболее приближенных к Бабуру эмиров, Касим-Али «кучина», дипломатично доложить Бабуру, что «поскольку со дня на день увеличивается счастье и благополучие (государя) и все народы обращают свои взоры на черты убежища мира, особенно моголы, выделяющиеся из большинства народов своим могуществом, численностью и силою, а их эмир из числа прочих особенно возвеличен и всегда энергично выступает, то теперь он, Султан-Са'ид-хан, просит Бабура старое с ним единение превратить в новосозданную разлуку. И если бы его отправили куда-либо с тем, чтобы узы любви между ними оставались все такими же крепкими, то это будет более подходящим для благополучия обеих сторон». Бабур отложил разрешение этой просьбы до другого времени.²

По другой версии дело обстояло так. Блестящие успехи первого представителя династии «сефевидов» в его борьбе с узбеками окрылили всех, кто не мог примириться с завоеванием кочевниками культурного государства тимуридов. Первым поднялся против узбеков султан Мухаммед-Захируддин Бабур, после потери Самарканда упрочившийся в области Кабула. После занятия шахом Исмаилом Герата, он обратился с просьбою к шаху сообщить ему, не будет ли шах противодействовать его попытке отвоевать у узбеков свои наследственные владения? Шах ответил, что на все отвоеванное им, Бабуром, последний будет иметь неоспоримое право. В 917/1511-12 г. султан Бабур выступил в поход в направлении Бадахшана, где к нему присоединился Султан-Увейс-мирза.³ Каковы в действительности были причины, побудившие выступить султана

¹ Султан-Са'ид-хан (ум. в 939/1533 г.) был потомком Тогдук-Тимура, внуком Юнус-хана (могольского) и сыном Султан Ахмед-хана (Алача-хана), воевавшего с Шейбани-ханом (См. Вельяминов-Зернов В. В., Исследование о касимовск. царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 130). Потом этот Султан-Са'ид-хан был Кашгарским ханом.

² «Бахр ул-Асрар» ркп., лл. 1756—176а.

³ «Хабиб ус-Сизэр», т. III, ч. IV, стр. 360.

Бабура с последней попыткой освободить Мавераннахр от власти узбеков, мы бы могли найти это в мемуарах Бабура, но, к сожалению, у него совершенно нет об этом никаких сведений, ибо записи с 915 по 924 год хиджры у него совершенно отсутствуют.¹

Как бы то ни было Мирза-хан успешно выполнил свою посольскую миссию к шаху Исмаилу и тот прислал султану Бабуру просимую военную силу. Располагая теперь достаточно сильной армией, Бабур решил двинуться на Хисар. При этих обстоятельствах он получил из Андижана от своего дяди, Сеййид-Мухаммед-мирзы, письмо, в котором тот писал: «При счастливом посредничестве вашего величества Фергана освобождена от узбеков и опять введена в ваши владения, посему — какие последуют ваши указания, чтобы я их мог выполнить?». Этот Сеййид Мухаммед-мирза был братом Мирзы Мухаммед-Хусейна «дуглата», которого предал смерти в Хорасане Шейбани-хан, и приходился родным дядей известного историка-мемуариста Мирзы Хайдара, двоюродного брата Бабура. Во время взятия и спустошения узбеками Ташкента Сеййид-Мухаммед-мирзе удалось спастись и бежать в Моголистан. Там он провел некоторое время под покровительством Мансур-хана, но вследствие доносов на него разных завистников вынужден был покинуть Мансур-хана и пристать к Султан-Мухаммеду, сыну могольского хана Султан-Махмуд-хана, с которым Сеййид-Мухаммед-мирза близко сошелся. Это не понравилось многим «и группа людей презренных» посягнула на него. Сеййид-Мухаммед-мирза был схвачен и доставлен в Андижан к Джанибек-султану, узбекскому правителю Ферганы. Джанибек не только сжалился над пленником, но и почуствовал к нему расположение. Сеййид-Мухаммед-мирза был принят им к себе на службу; в конце концов его служебное положение при Джанибеке превысило положение его сослуживцев. По получении в Андижане вести о поражении шахом Исмаилом I узбеков под Мервом и о гибели Шейбани-хана, а затем о походе султана Бабура на Мавераннахр, Джанибек-султан и другие узбекские принцы поспешили из Ферганы направиться в Самарканд, при этом захватили с собою и Сеййид-Мухаммед-мирзу.

Когда узбекские ханы и султаны собрались в Самарканде, то устроили совет, как быть, какие принять решения в виду создавшейся ситуации, крайне неблагоприятной для узбекского владычества в Мавераннахре. На этом совете, между прочим, было решено, что если где в Мавераннахре остались еще моголы, то никому из них нельзя давать пощады, учитывая, повидимому, их измену узбекам и переход на сторону султана Бабура. Но с таким решением не согласился Джанибек-султан и распорядился отправить в Андижан Сеййид-Мухаммед-мирзу и всех находившихся при нем моголов. Сеййид-Мухаммед-мирза, зная о непостоянстве характера своего патрона, с наибольшей быстротой покинул Самарканд. Действительно, рассказывая в том, что он был противником вышеприведенного решения совета узбекских ханов и султанов, Джанибек-султан послал за моголами в погоню отряд узбеков с наказом: кого бы они ни настигли, пусть того убьют.

Когда Сеййид-Мухаммед-мирза достиг Андижана, он собрал вокруг себя остатки бывших в Фергане моголов и выступил против узбеков, число которых в Фергане было к этому времени, повидимому, ничтожно, ибо, по выражению историка, оставшиеся в Фергане «уполномоченные Джанибек-султана просили прощения и удалились из Ферганы». Когда Анди-

¹ См. Baber-Nameh, Djagataica ad codicis Petropolitani ed. N. Uminski, Cazani, 1857, pp. 285-286.

джан без боя и сопротивления оказался в руках Сеййид-Мухаммед-мирзы, он через Каратегин послал Бабуру вышеприведенное письмо.¹

Бабур живо откликнулся на приятное известие Сеййид-Мухаммеда, что его родина, Фергана, освобождена от узбеков и, воспользовавшись теперь прорывом своего двоюродного брата, Султан-Са'ид-хана, отпустил его в Андиджан править Ферганой, послав с ним несколько человек могольских эмиров. Когда все они достигли Андиджана, то Сеййид-Мухаммед-мирза, все эмиры, способствовавшие освобождению Ферганы от узбеков, и народная масса вышли навстречу прибывшим и все засвидетельствовали свою преданность Султан-Са'ид-хану «целованием его стремени», потом с почетом ввели его в город.²

Тем временем Бабур-мирза с объединенными силами джагатаев, моголов и тюрков шаха Исмаила в конце зимы переправился через Аму-Дарью, повидимому, у Кунда-гузара, ближайшей переправы от Кундуза,³ и двинулся в направлении Хисара. По свидетельству современника из узбекского лагеря, местное население, узнав о выступлении Бабура против узбеков и о переходе его через Аму-Дарью, с восторгом встретило это известие, «так как жители Мавераннахра, конечно, питали к тимуридам искреннюю любовь». Моголы и джагатаи, жившие среди узбекских улусов, подняли всеобщее восстание. Бесконечное количество простонародья присоединилось к Бабуру.⁴

Ввиду создавшегося положения, узбеки мобилизовали все свои силы, решив действовать так: правители Хисара, Хамза и Мехди-султаны, сыновья Суюнч-Ходжи-хана, Тимур-султан, сын Шейбани-хана, и другие пограничные правители-султаны должны выступить со своими объединенными силами и дать отпор «джагатаям», а Убайдулла-хан, по образному выражению историка XVI в., «по своему авторитету полномочный устранять и назначать султанов», запершись в крепости Карши, должен был воспрепятствовать движению шахских вспомогательных войск, Джанибек-хан и Кучкунджи-хан (Кучум-хан) — выступить походом на Андиджан, чтобы не допустить потери всей Ферганы, теперь бывшей в обладании моголов, союзников Бабура. Суюнч (Суюнджик) — Ходжа-хан должен был оставаться в Самарканде, чтобы, радея о всех, посылать оттуда, в случае нужды, всем другим необходимую военную силу. Словом, все у узбеков пришло в движение, все объединились вместе перед лицом грозной опасности, все стремились проявить энергию, чтобы защитить и спасти доставшиеся им области Мавераннахра.⁵

Бабур тем временем дошел до «Каменного моста» (Пул-и-сангин) на р. Вахше; соединенные силы вышеназванных узбекских султанов, узнавши об этом, вышли из Хисара и, чтобы преградить дальнейшее движение «джагатаев», форсированным маршем двинулись вперед; в тылу Бабура переправились через реку ниже «Каменного моста» и также спешным порядком направились к одной из боковых речных долин, лежавшей на пути армии Бабура, чтобы занять в ней выгодное стратегическое положение и отрезать дальнейшее движение Бабура на Хисар. Но Бабур успел рань-

¹ «Бахр ул-Асрар», ркп., л. 176а.

² «Тарих-и Рашиди», Мирзы Хайдара, ркп. Института востоковедения АН УзССР, за инв. № 1430, л. 158б. Также в «Бахр ул-Асрар», упом. ркп., л. 176а.

³ В «Бахр ул-Асрар», по упомянутой ркп., л. тот же, сказано, что Бабур воспользовался переправой И(а, т. б) кур. (3) Т. рам, что может быть прочитано как Токуз-Терам, то как Нукур-Терам и проч. Ныне с таким или похожим на это названием переправы на Аму-Дарье нет.

⁴ «Зубдат ул-Асар», ркп. л. 471б. «Бахр ул-Асар» ркп., л. 178а.

⁵ «Бахр ул-Асрар», ркп., л. 176 а-б.

ше узбеков подойти ко входу в упомянутое ущелье. Когда следующим утром караульные дозоры донесли Бабуру о подходе узбекских сил, он сел на коня и вместе со своими эмирами и войском занял возвышенность у входа в ущелье. Отсюда в направлении неприятелей, кроме узкой тропинки, никакой другой дороги не было. Справа от этой возвышенности находилась другая такая же возвышенность, на которую тоже вела единственная дорога; их разделяла друг от друга глубокая низина или овраг. Подошедшая узбекская армия убедилась, как трудно подняться на ту высоту, где находился Бабур. Занявшись в равнине построением воинских рядов в боевой порядок, узбекские военачальники решили занять вторую высоту. На нее направился с отрядом около 10 тысяч человек Тимур-султан; Бабур, поняв его маневр, направил против него Мирзу-хана с отрядом наиболее испытанных бойцов, к которым потом были приданы воины бывшего с ним двенадцатилетнего Мирзы Хайдара, его двоюродного брата. Происшедшая битва вначале была нерешительная, перевес одерживала то одна сторона, то другая.

«В этой схватке, — рассказывает участник боя Мирза-Хайдар, — в отступлениях и нападениях мои воины («мулозимы») захватили одного узбека и привели его к государю. Тот счел это за хорошее предзнаменование и сказал: «пусть запишут этого первого пленного за Мирзой-Хайдаром». Итак, на левом фланге протекал бой в наступлениях и отступлениях до следующего дня.¹ На стороне же, где был государь, никакого боя не было, потому что дорога туда была узкая и с обеих сторон (к той возвышенности) не легко было подойти. Когда окончился «намоз-и пешин» (т. е. около полудня—А. С.), отряд, бывший перед государем, спешился и сошел вниз. Когда настал вечер, то оказалось, что неприятелю сойти с коней и расположиться на отдых было невозможно из-за отсутствия воды, так как ближайшая вода была в расстоянии одного фарсанга. С намерением провести ночь подле воды, узбеки повернули лошадей вспять. Тогда сошедший вниз отряд (Бабура вскочил на лошадей) и, понукая их, бросился вслед за узбеками, (уходившими вместе с Хамзой-султаном). Тогда и те узбекские силы, которые противостояли Мирзе-хану, увидав, что Хамза-султан, бывший их злым демоном, повернул назад, тоже бросились назад.

Да и когда они стояли лицом к лицу (с Мирза-ханом), ни у кого из них не было (особенного) стремления сражаться. (Теперь), когда неприятели повернули коней обратно, противостоявшие им части Мирзы-хана бросились на узбеков в атаку и те сразу обратились в бегство. Когда же они увидели демона того войска, обращенного (отрядом султана Бабура) в бегство, то они тоже выпустили из рук поводья самообладания. И когда произошло это поражение узбекского войска, было время вечерней молитвы (намоз-и шом, т. е. вскоре после захода солнца — А. С.). Хамза-султан, Мутталиб-султан (Мехди-султан) и Мамак-султан были взяты в плен и доставлены к счастливому стремени падишаха. И государь им сделал то, что сделал Шейбак (т. е. Шейбани-хан) могольским ханам и джагатайским султанам. Всю ночь до утра продолжалось преследование неприятелей, как и следующий день до ночи. Гнали их до границ Железных ворот (Дербенд-и Ахенн)».²

Таков рассказ участника этого решительного сражения султана Бабура с узбекской армией, вышедшей ему навстречу. Последствия этой победы тимуридов были самые для них благоприятные, ибо местное население

¹ Следует иметь в виду, что у мусульман «следующий день» начинается с вечера, следовательно, мысль М. Хайдара была та, что бой так протекал до вечера.

² «Тарих-и Рашиди», дд. 1556—1566.

ние, быстро узнав об этой победе над поработителями-кочевниками, с еще большей энергией стало помогать султану Бабуру в его борьбе с узбеками. Тимур-султан с остатками разбитого войска бежал в Самарканд, где присоединился к Суюнч-Ходже-хану. Дорога на Хисар была совершенно открыта. От шаха Исмаила опять пришла помощь «в виде полков из представителей всех племен мира», — по выражению мирзы Хайдара, — «так что общая численность армии Бабура теперь достигла 60 тысяч человек». Пройдя через Хисар, Бабур со своими войсками подошел к г. Карши, где заперся Убайдулла-султан. На военном совете, где выступали наиболее опытные эмиры, было решено не задерживаться под такую сильную крепостью, как Карши, ибо осада ее может затянуться на долго, а надо идти прямо на Бухару, которая теперь переполнена мирными людьми, но совершенно пуста от войск, почему ею будет легко овладеть.¹

Пройдя мимо Каршей и расположившись лагерем на ближайшей остановке, Бабур-мирза узнал от следовавших за ним своих арьергардов, что Убайдулла-султан по уходе джагатаев покинул Карши и со своими войсками ушел в направлении Бухары. Бабур немедленно послал для его преследования 10-тысячный отряд под командою Мирзы-хана. Ввиду общего крайне враждебного настроения против узбеков и считая, что преследование его Мирза-ханом создает ему крайне серьезную угрозу в стране, охваченной общим восстанием, Убайдулла счел рискованным для себя движение на Бухару и повернул степной дорогой на Туркестан. Поскольку Убайдулла-султан был фактическим вершителем судеб Узбекского государства, то бывшие в Самарканде Суюнч-Ходжа-хан, Тимур-султан и все прочие узбекские султаны покинули Самарканд и последовали за Убайдуллою.²

События в фергане

Пока происходили эти события, Кучкунджи-хан и Джанибек-султан со своими войсками выступили в Фергану, осуществляя часть вышеупомянутого плана отражения джагатаев и защиты Мавераннахра от них и их союзников — кызыльбашей. И не успел присланный в Фергану Бабуром Султан-Са'ид-хан что-либо предпринять в Андижане для укрепления своего положения, как получил известие о движении на Андижан узбеков. Посоветовавшись со своими эмирами, Са'ид-хан решил немедля дать отпор врагам на границе Андижанского вилаета. Если, сверх ожидания, битва будет проиграна, тогда — отсиживаться за стенами сильных крепостей. Прежде всего Султан-Са'ид-хан послал в крепость Касан, которая была наиболее крепкой и сильной среди ферганских крепостей, двух своих эмиров, Султан-Али-мирзу и Тубра-мирзу, привести Касан в наилучшее оборонительное состояние и приготовиться к его защите от узбеков. Едва эти эмиры успели укрепить Касан, как узбекские войска подошли к крепости и сильно блокировали ее, стремясь освободить ее от моголов. Когда весть о тесном кольце осады Касана дошла до Султана-Са'ид-хана, он немедленно послал всех командиров с их воинскими частями к Касану добиться снятия с него осады. Но действия могольских военачальников были неудачны, хотя население Касана, услышав о подходе к крепости выручки, постаралось со своей стороны проявить большую активность в отражении неприятелей.

¹ «Тарих-и Рашиди», ркп., л. 157а.

² «Бахр ул-Асрар», ркп., лл. 1776—178а. Так же «Тарих-и Рашиди», ркп., л. 157а-б.

Известие о вторжении узбеков в Фергану, об осаде ими Касана и о затруднительном положении Султан-Са'ид-хана дошло до кашгарского хана Аба-Бекр-мирзы, который еще перед этим прибыл из Кашгара с целью завоевания Ферганы и успел уже захватить районы, лежавшие восточнее Андиждана, вроде Узгента, Оша, и других мест. Так как Андижан был большею крепостью, а имевшийся там гарнизон из 2-3 тысяч человек был не в состоянии защищать обширный город, то Аба-Бекр-мирза учел это обстоятельство и, захватив катапульты и другие осадные машины, двинулся с своими силами к Андижану. Султан-Са'ид-хан и население Андиждана, услышав о подходе кашгарцев, сильно перетрусили. Тем временем узбекские войска, осаждавшие Касан, пробили бреши в его стенах и, подставив к стенам лестницы, бросились штурмовать город с такой яростью, что его защитники были не в состоянии отбить этот штурм и потому вышли из крепости через одни из ворот, ведущие на сухое и удобное место. Штурмовавшие город узбеки, бывшие пешими и совершенно не предполагавшие такого шага со стороны гарнизона, теперь, узнав об этом, вернулись назад в свой лагерь, сели на коней и бросились преследовать уходивших моголов. Но так как те ушли уже далеко, то узбеки перебили всех оставшихся и население Касана. Ушедший же из крепости гарнизон присоединился к могольским войскам, посланным Са'ид-ханом на выручку Касана и находившимся в прилегающих к Касану горах. Теперь все эти воинские отряды направились в Андижан. В расстоянии полуфарсанга (ок. 4 км) от города они наткнулись на расположившееся здесь войско Аба-Бекр-мирзы, которое готовилось к общему штурму города, намечавшемуся на следующий день. Подошедшие со стороны Касана могольские силы совершенно не знали о наличии здесь кашгарцев.

Султан-Са'ид-хан этим временем рискнул дать бой кашгарцам у стен Андиждана и, выйдя из города с гарнизоном, построил его в боевой порядок и вступил с кашгарцами в бой; те потерпели полное поражение; много из них было убито, масса была взята в плен. Пленных сажали порознь и убивали. Однако андижданское население упросило Султан-Са'ид-хана пощадить кашгарцев во избежание потом их мести; таких пощаженных оказалось 3000 человек.

При таких обстоятельствах узбекские вожди, ведущие кампанию в Фергане, Кучкунджи-хан и Джанибек-султан, получили неожиданное известие о поражении и гибели Хамзы-султана, Мехди-султана и других узбекских султанов и о победоносном движении Бабура с его союзниками — кызыльбашиами в глубь Мавераннахра. Повидимому, опасения быть отрезанными от прочих узбекских сил и факт прочного утверждения Султан-Са'ид-хана в Андижане побудили их немедленно оставить Фергану и спешно удалиться в Туркестан.¹

Султан бабур—падишах Мавераннахра

Таким образом все теперь складывалось весьма благоприятно для тимуридов в отношении изгнания узбеков из их владений. Весь Мавераннахр оказывался свободным от кочевников; по выражению историка XVII в. — «теперь все области Мавераннахра естественным образом закреплялись за Бабур-мирзою, а Фергана — (за его союзниками), «мулозимами» Султана-Са'ид-хана».²

Беспрепятственно подойдя к Бухаре, султан Бабур вступил во вторую

¹ «Тарих-и Рашиди», ркп., лл. 1586—160а.

² «Бахр ул-Асрар», ркп., л. 178а.

столицу Мавераннахра, где задал ряд пиров вспомогательному корпусу шаха Исмаила. Можно думать, что поражение узбеков, общее народное восстание населения против них и их быстрое бегство в Туркестан вскружило голову молодому победителю и он широко предался увеселениям и излишествам, беззаботно почивая на лаврах. Узбекский источник того времени говорит, что «Бабур-мирза (хотя и) занял значительную часть Мавераннахра, но по беспечности и легкомыслию он сам и его войско только и делали, что занимались веселым времяпровождением и всякими излишествами чувственного порядка. Не считая для себя греховным делом питье вина, Бабур-мирза, повторяя: «я завоевал эти области!» — занялся пьянством и не только он с своими беками и свитскими, но и все его рядовые военные, предаваясь удовольствиям и безделью, избрали своим девизом бесстыдные повадки Лотова народа».¹

Как бы то ни было, но по захвате Бухары Бабур решил двинуться на Самарканд, потому что все предвещало успех и удачу. По словам очевидца, сопровождавшего султана Бабура во всей этой кампании, «население городов Мавераннахра из числа как великих людей, так и просто-народья, будь то принадлежавшие к привилегированному классу знати и ученых, будь то низкие по положению и широкие народные массы, — все они стали радостными и счастливыми от импозантного прибытия (в страну) государя».² Когда же Бабур достиг окрестностей Самарканда, то все население, великие люди, ученые, ремесленники и весь простой народ «с наивозможной быстротой выступили ему навстречу» и с восторгом приветствовали его прибытие. В городе с наименьшим подъемом готовились к торжественной встрече победителя над жестокими кочевниками: все ряды огромных базаров древнего города, все лавки и улицы на его пути украсили дорогими шелковыми тканями и парчею, развесили портреты (Бабура?) и разные рисунки (тамасилванакуш).

В половине раджаба 917 г. хиджры (в начале октября 1511 г.) султан Бабур, по словам того же очевидца, «выехал в город с таким величием и пышностью, какие человеческий глаз никогда не видел и в таком убранстве, о котором ничье ухо не слышало. Ангелы и херувимы встречали его (арабскими) восклицаниями: «войдите с миром и безопасностью!». А народ приветствовал его (арабским) славословием: «хвала Аллаху, господу миров!». Все же население Мавераннахра, в частности жители Самарканда, «целые годы со вздохами на утренней заре о разлуке с государем всжигавшее перед чертогом божественного убежища вселенной факелы страстных желаний (соединения с ним), просило, чтобы тень государева осенения простерлась над их головами от благоуханного древа его ума, которое со (своими) прохладными местами (прикрывающими) плоды (государевых) благодеяний, было бы (всегда) плодоносно».³ Но двум блюстителям строго суннитского правоверия, духовенству и шейхам — руководителям дервишских корпораций, вроде такого правоверного ордена, как «ходжагон» (накшбендия), несомненно, претила даже мысль, что Бабур может связать себя союзом с еретиками-кызыльбашами. И такое воззрение этих «вождей» сообщалось и народным массам, но, скрепя сердце, все надеялись, что такой противоестественный союз есть явление только временное, вызванное чрезвычайными обстоятельствами борьбы с поработителями — узбеками, что как только цель будет достигнута и иго кочевников будет сброшено, то всякая связь с нечистыми шиитами будет

¹ «Зубдат ул-Асар», л. 471б.

² «Тарих-и Рашиди», л. 158б.

³ «Тарих-и Рашиди», л. 157б—158а.

порвана. Что именно таково было настроение всех, показывают слова двоюродного брата Бабура, Мирзы-Хайдара, весьма симпатизировавшего Бабуру и всегда с почтением о нем отзывающегося в своих мемуарах, но в вопросе о связи его с шиитами занимающего непримиримую позицию. Он говорит, что население просило (Аллаха) и надеялось, что раз по необходимости пришлось переодеться в одежду кызыльбашей, которая является специфическим новшеством и даже близка к (проявлению) неверия, то как только совершится восшествие (государя) на престол Самарканда, (укрепленный) пророческим шариатом, и он возложит на голову венец сунны Избранного (т. е. Мухаммеда), то государь, сбросив с головы шахскую корону, особенностью которой является ересь, а внешней формой — ослиный уд, отправит ее в задницу шиитской партии, поскольку последняя увенчала себя ею по своей ослиной природе».¹

Но велико было разочарование самаркандцев, когда в ближайшую пятницу в соборной мечети столицы была прочитана хутба с провозглашением Бабура падишахом, но с упоминанием двенадцати шиитских имамов и с провозглашением титулов и эпитетов шаха Исмаила I.² Пошли толки и пересуды совершенно не в пользу Бабура. Ко всему этому приходилось сносить высокомерие и грубость иранских тюрков-кызыльбашей, союзников теперешнего падишаха. «Вследствие этого, — говорит Мирза-Хайдар — население Мавераннахра, до сего заглазно страстно желавшее видеть у себя государя, (теперь) от него отвернулось, (хотя) внешне оказывало и государю, и туркменам (кызыльбашам) почет и поддержку».³ Никто и думать не мог, чтобы столь желанный государь стал шиитом и клеветником шаха Исмаила. Отсюда, пожалуй, не далеко до того, что нечистая шиитская ересь будет объявлена венценосным сюзереном Бабура господствующей религией и начнется такое же жестокое преследование правоверных суннитов, какое столь недавно было в Иране, о чем хорошо осведомили население Мавераннахра многочисленные эмигранты-сунниты, спасшиеся здесь от яростного фанатизма шиитов. С другой стороны, повидимому, беспечность и более чем рассеянный образ жизни почившего на лаврах Бабура также не вызывали восторгов населения.

Ко всему этому присоединилось и то обстоятельство, что в Самарканде находились в это время и такие люди, которые в тайне жалели о времени господства узбеков и предпочитали их возвращение установлению власти падишаха Бабура, предавшегося нечистым и ненавидимым шиитам. К числу таких лиц принадлежал собеседник и непремный член всех научных собраний у Шейбани-хана, ученый перс шафитского толка, вышеупомянутый Рузбехан Исфаганский, теперь оставшийся в Самарканде. Из его свидетельства можно вывести заключение, что за такими узбекскими доброхотами было установлено строгое наблюдение и надзор, чтобы они никуда не отлучались из столицы, но тем не менее они общались между собою и, надо думать, своею тайной агитацией вносили в близкую к ним по духу среду еще большее недовольство установившимися порядками. Как относились к новой эре такие лица, лучше всего показывают следующие слова Рузбехана Исфаганского.

«После гибели Шейбани-хана в 916 г. х. (1510 г. н. э.) узбекские султаны не остались в Мавераннахре и удалились в Туркестан на зимовку, где были в удрученном состоянии. Падишах Бабур, сын Омар-шейха «джагатая», с помощью отступников-красношапочников (т а к и э-й и

¹ «Тарих-и Рашиди», л. 158а.

² «Хабиб ус-Сиёр», т. III, ч. IV, стр. 360.

³ «Тарих-и Рашиди», л. 159а.

с ур х) вступил в Самарканд и Бухару, имея при себе большую армию, свыше 70 тысяч кавалерии, состоявшую из джагатаев, моголов, туркмен и бадахшанцев до (обитателей) областей Индостана включительно. Звезда обладателей (правой) веры померкла, огонь же ереси отступников возжегся. В вере государства и в областях мусульманских общин проявились развращенность и порча, голос отрицания и отступничества, никогда не доносившийся через воды Джейхуна (в Мавераннахр), теперь (здесь) доходил до апогея небес. Еретики-красношапочники сделали кафедры соборных мечетей Мавераннахра, бывших доселе местами (божьего) благоволения и милости, пребыванием вражды и проклятия; (прочие рядовые) мечети ислама, бывшие убежищем молитв правоверных суннитов, они превратили в объекты распространения мерзостей отрицания (правоверия) и (разных) гадостей, чем (в места) молитвенных обрядов и покорности (Аллаху). И если, — не дай бог! — разгорится искра огня их соблазна и упрочится их неустойчивое господство в этих областях, то близко будет к тому, что от проявлений (истинной) веры не останется никакого следа, а от ислама — ни одной с ним страны».¹

«Я в это время, — рассказывает Рузбехан Исфahanский, — был в богохранимом Самарканде собеседником печали и уныния, пленником еретиков и заблудшихся и не было у меня ни возможности отправиться куда-либо, ни способа общения с другом и каким-либо (сочувствующим) собеседником. Я все время взирал с ожиданием на ту большую дорогу, по которой могли бы придти узбекские султаны, и тем самым, как бы факелом, освещал темные ночи своей жизни. Каждый день птичка души моей вылетала за ячменем страстного желания видеть предмет отсутствующий (т. е. узбеков—А. С.), авось какая-либо голубка доставит мне письмо из той (узбекской) страны, или какое-либо облако со стороны Туркестана брызнет каплю милосердия умиряющему от жажды в пустыне страстного желания (прихода узбеков)».²

Появление узбеков в мавераннахре

Но что же делали в степях Дешти-Кипчака, прилегавших к Туркестану, ушедшие туда со своими ордами узбекские ханы и султаны, еще столь недавно чувствовавшие себя полными хозяевами в бывших обширных владениях тимуридов? Какое у них было настроение после перенесенного ими поражения и утраты Мавераннахра? Каковы у них были планы и виды на дальнейшее и как они опять завоевали совершенно вышедший из под их власти Мавераннахр? Об этом достаточно подробно сообщает тот же Рузбехан Исфahanский, несомненно, со слов самих узбекских султанов и, возможно, со слов своего патрона и ученика, Убайдуллы-хана.

По его словам, в ту зиму, которую удалившиеся из Мавераннахра узбеки проводили в степях Туркестана, у их глав было крайне удрученное состояние: они никак не могли примириться с ужасною гибелью их верховного главы Шейбани-хана и захватом Бабуром и его союзниками—кызыльбашами всех богатых областей тимуридов, которых так счастливо удалось покорить покойному Шейбани-хану. У всех царили печаль и горесть смятение и нерешительность — уходить ли дальше в степи Дешти-Кипчака или, мобилизовав все силы, выступить в поход на Маверан-

¹ «Сулук ул-Мулук», ркп., Института востоковедения АН УзССР, за инв. № 3639, л. За.

² Назв. труд, лл. 5—аб.

нахр, сделав попытку отвоевать его у захватчиков? Пока что все узбекские султаны опирались на ряд укреплений в Туркестанских степях, каждый из них со своим личным войском и со своим племенем жил в одной из крепостей с прилегающим к ней степным районом. Из них наиболее энергичный и талантливый, племянник Шейбани-хана, Убайдулла-султан, имел своим пребыванием укрепление Аркук, лежавшее, по видимому, на левом берегу Сыр-Дарьи. В эту трагическую для узбеков пору, по цветистому выражению Рузбехана, «вдохновляющий голос из потустороннего мира внушил названному принцу следующее: «не время теперь прятать тебе ноги безопасности в подол благополучия и переносить оскорбительное злорадство врагов и тяжесть укоризны друзей, — необходимо выступить стопами энергии на большую дорогу мести и спешно пойти по ней на поле священной войны с неверными». Когда Убайдулла-султан укрепился в мысли — идти в поход против тимурида и его союзников, он тем не менее стал сомневаться, будут ли сочувствовать ему в задуманном им предприятии старейшие и младшие члены дома Шейбана, окажут ли они ему необходимую помощь? Он знал, что по сути дела ни у кого из его родственников и соплеменников не было никакого желания идти походом в Мавераннахр, ибо все боялись многочисленной армии султана Бабура, всем импонировал своими силами его союзник шах Исмаил I, у всех была свежа память о его потрясающей победе над главою их рода, «отцом побед» Шейбани-ханом.

Движимый религиозным чувством, Убайдулла переправляется через Сыр-Дарью и направляется к высокочтимому мазару известного среднеазиатского мистика XI в. Ходжи Ахмеда Есевийского, где совершает поклонение его гробнице. После этого он устраивает совещание со своими наиболее уважаемыми и старейшими родственниками и другими близкими ему лицами из его дома. Он делится с ними своим намерением идти войною против общего врага и говорит: «Каждому из моих дядей и близких родственников, который согласится с таким моим дерзанием и пожелает выступить на путь священной войны с красношاپочниками, я выкажу в этом предприятии беспрекословное подчинение, склоню свою голову перед вручением ему главного командования над армией и, как простой солдат, буду разить врагов своим мечом в рядах его воинов». Однако никто из присутствовавших на этом совещании узбекских ханов и султанов, «несмотря на наличие у них вооружения и воинского снаряжения», не выказал ни малейшего желания выступить в этот поход. Все они не только не согласились с предложением Убайдуллы-султана, но даже встретили с крайним удивлением его слова, осыпав его при этом насмешками и укорами. Здесь со всею наглядностью выступил традиционный обычай всех тюрков — подчиняться лишь старшим в роде. Все родственники Убайдуллы-султана заявили «При наличии твоих почтенных по возрасту и по общественному положению близких родственников, являющихся главами и вождями узбекских племен, предлагаемое тобою такое великое дело достойно лишь умудренных опытом старцев и великих людей. А тем, которые числятся среди детей и малолетков, как ты, глупо предлагать несбыточные военные предприятия и кичиться ими. Тебе прежде всего нужно поступать так, как укажут старшие, и потом — не подавать своего мнения, пока тебя о нем не спросят. Нас, может быть, не менее тебя занимает мысль о войне с красношاپочниками и когда мы решимся на это, мы сделаем тебя участником в этом деле и совместно, когда нужно, обсудим, как действовать против врага».

«Убайдулла-хан, — по словам Рузбехана, — отчаявшись в помощи

своих дядей и братьев в затеянном им предприятии, а равно, не надеясь больше на кого-либо из тварей, обратился к божьему милосердию». Он возвращается в г. Еси и ночь на 20 мухаррама 918 г. (7 апреля 1512 г.) проводит у гробницы шейха Ходжи Ахмеда в жаркой молитве, прося себе помощи в затевавшемся им большом предприятии, в одолении с малыми силами многочисленных врагов. При этом Убайдулла дает торжественное обещание, что если Аллах дарует ему победу над врагами, то «он в течение всей своей жизни никогда не преступит велений божественного закона (шариата) и все свои дела и поступки будет исполнять в соответствии с ним. Он призывал в свидетели сего всевышнего и души пророков, святых и суфиев».

Убайдулла на свой страх и риск перешел через Сыр-Дарью, приняв намерение идти на Бухару. Собравши бывших с ним эмиров и знатных узбеков он сказал: «Наше пребывание в состоянии унижения и презрения указывает на нашу слабость и неуважение к нам других; лучше смерть, чем жизнь в позоре! Теперь, в силу превратностей судьбы, целое большое государство со всеми его ресурсами и богатствами перестало быть узбекским, и если так пойдут и дальнейшие наши дни, то неизвестно еще, останется ли нам даже жизнь. Предпочтем же теперь нашей жалкой жизни, пока есть еще сила в наших душах и крепость в нашем теле, — мужественное и храброе нападение на врагов веры, завладевших нашим государством и достоянием, чтобы войти нам в память народа овеянными легендой о необычайной нашей неустрашимости и мужестве. Всякий из вас, желающий принять со мною участие в предстоящей борьбе, должен быть готов к гибели и, распроставшись с своим домом и семьей, вступить в смертельную битву с неприятелем, вовсе не думать о своей голове, а обращать внимание только на ноги, чтобы они шли лишь вперед. Кто не желает следовать этому, пусть сидит дома!»

В результате всего у Убайдуллы составилась пятитысячный отряд кавалерии из испытанных бойцов и военачальников, служивших ему и его отцу, Махмуд-султану. Все это были люди решительные и мужественные; все они сошлись на том, что пока у них есть жизнь в теле, они не отвратятся от боя с врагами и все свои усилия направят на истребление последних, что они сложат свои головы на том пути, по которому их поведет хан.

С этим отрядом в сафаре 918 г. (в апреле-мае 1512 г. н. э.) Убайдулла-султан выступил в поход дорогою на Тёрт-Куй.¹ Через несколько дней он достиг Гидждувана, где совершил поклонение гробнице известного бухарского суфия XI века, шейха Абдулхалика Гидждуванского, прося у него помощи в своем предприятии. Отсюда Убайдулла направился к г. Бухаре. Правитель Бухары, ставленник Бабура, укрепился за городскими стенами. Когда известие о движении узбеков дошло до Самарканды и разведчики выяснили, что узбекские силы крайне незначительны, что они подошли к Бухаре с целью простого набега и что их крайне легко захватить, то султан Бабур немедленно отдал приказ о сборе всех своих войск. В короткий срок почти 80 тысяч всадников в

¹ Быть может, это современное урочище и колодцы в юго-восточной части Кызыль-Кумов Дёрт-Кудук (Четыре колодца). Если это так, то движение узбеков происходило по степным местностям и, быть может, имело целью избежать разных роковых для себя случайностей при следовании по густо населенным местам. У Мирзы Хайдара (ркл., л. 165а) сказано, что Убайдулла выступил в поход дорогою через Еди-Кудук. В этой части Кызыль-Кумов имеется и Уч-Кудук, и Дёрт-Кудук, может быть есть и Еди-Кудук (Семь колодцев).

полном боевом вооружении, принадлежащих к тюркам-кызыльбашам, джагатаям, моголам и бадахшанцам, собрались под знаменами Бабура и последний, в полной уверенности в легком разгроме горсти узбеков своими превосходными силами, выступил из Самарканда. Он был уверен, что едва узбекам станет известно о движении против них большой армии, как они, не задерживаясь, обратятся в бегство. Бабур шел с наивозможной быстротой, стремясь как можно скорее настичь неприятеля. Узнавши о выступлении Бабура, Убайдулла отступил от Бухары и направился в туман Хайрабад.¹ Бабуров правитель Бухары, видя отход узбеков от города, вообразил, что они попросту обратились в бегство. В этом смысле он послал донесение Бабуру, советуя ему как можно скорее двигаться, иначе узбеки, чего доброго, могут уйти через Харезмскую степь (т. е. через Кызыль-Кумы) и скрыться в своих степях, тем самым избегнув своего неминуемого истребления. Это сообщение побудило султана Бабура ускорить свой марш и на берегах озера Кул-и Малик (Царское озеро), в тумане Хайрабад, он настиг отряд Убайдуллы-султана. К этому моменту Бабур располагал 50-тысячной отлично вооруженной армией, у Убайдуллы же в это время было не больше трех тысяч всадников. С ними он мужественно встретил неприятеля. Когда армия Бабура увидела ничтожный узбекский отряд, она предприняла маневр охватить узбеков со всех сторон и не дать им вырваться из этого кольца. Все были в полной уверенности, что узбекам не удастся избежать поголовного истребления. Узбеки же, видя намерение врагов окружить их, сейчас же разделились на три части, каждая по тысяче всадников. Первая из них, под командованием эмира Шуджауддин—«Уруса», бросилась на центр Бабуровой армии, смешалась с ней и, пробившись и захав в тыл, ударила на неприятеля. В происшедшем ожесточенном бою в ряды армии «джагатаев» было внесено расстройство и смешение рядов. Этим воспользовался второй отряд войск Убайдуллы; он бросился на фланг Бабура и по узбекскому военному приему зашел в тыл джагатаям и произвел жаркую сечу, побив множество неприятелей. В конце концов все кончилось для султана Бабура катастрофой, полным поражением его армии, которая обратилась в беспорядочное бегство, по образному выражению Рузбехана Исфahanского — «подобно не сшитым листам тетради, подхваченным ветром». Бабур бежал в Бухару и, достигши ночью столицы, переночевал в арке, а рано утром сел на быстроходного сильного верблюда и с наивозможной быстротой направился в Самарканд. Там он оставался не больше одного дня и, забравши свою семью и домочадцев, бежал в Хисар. На другой день после победы над джагатаями и их союзниками Убайдулла вступил в Бухару, «восстановил правоверие и уничтожил следы шиизма».²

Так прагматически рассказывает Рузбехан Исфahanский о подвиге своего высокого узбекского патрона и ученика, Убайдуллы-султана, вкладывая в его уста не то слова своего сочинения, не то приукрашивая своим красноречием действительно произнесенные вождем узбеков речи. Но самый факт совершенно исключительного и небывалого разгрома трехтысячным отрядом узбеков почти 50-тысячной армии Бабура подтверждается совершенно такою же констатацией историка из лагеря Бабура. Вышеупоминавшийся двоюродный брат последнего, Мирза-Хайдар,

¹ Туман Хайрабад в ту эпоху, повидимому, имел центром современное бухарское селение Хайрабад, лежащее при арыке Шахр-руде (Шахруде); оно в 10 км. к юго-востоку от Вабкента и км. в 17 к югу от Гидждувана.

² «Сулук ул-Мулук», ркп., лл. 3-6 — 8а.

в своих мемуарах, вспоминая пережитое им время совместной жизни в Мавераннахре с падишахом Бабуrom, говорит: «Когда узбеки Убайдуллы-хана приблизились к Бухаре, они, получивши известие о движении против них государя, тою же дорогою, по которой пришли, повернули обратно. Государь последовал за ними, преследуя их, и подле Кул-и Малика настиг их. У Убайдуллы-хана было в отряде три тысячи человек, а у государя — сорок тысяч. Произошло ожесточенное сражение, в котором государь потерпел решительное поражение, это было в сафаре 918 г. (апреле-мае 1512 г. н. э.). Он процарствовал в Самарканде шесть месяцев. Вернувшись туда после поражения, он не мог удержать за собою престола и удалился в Хисар».¹

Трудно сказать, какие были причины столь необычайного факта полного разгрома ничтожным отрядом узбеков армии, в 10-15 раз превышавшей численностью своего противника, причем ни у той, ни у другой стороны не было огнестрельного оружия и орудий, сражались в конном строю только холодным оружием. Виновато ли было в этом никуда негодное командование султана Бабура своими большими силами, сыграл ли в этом деле какую-нибудь роль своеобразный прием узбеков вести бой, вышеупоминавшаяся т у л ь г а м а, которая хорошо была памятна Бабуру, когда на берегах Зерафшана он потерпел поражение от Шейбани-хана, или же вся армия Бабура в силу своей разнокалиберности и отсутствия внутренней спайки и единства была в военном отношении совершенным ничтожеством? Источники того времени умалчивают о причинах такого беспримерного поражения Бабура. Может быть видную роль в этом сыграли всегда вероломные, беспринципные и нестойкие в бою моголы, с которыми судьбе суждено было связать Бабура, с другой стороны соплеменников Бабура, тюрков-джагатаев, было в его войске небольшое число. При всем том мы не знаем, в какой мере сунниты-моголы, джагатаи и бадахшанцы поддерживали в бою союзников Бабура, ненавистных тюрков-кызыльбашей из армии шаха Исмаила, и не предпочитали ли они скорее видеть рядом с собою узбеков, чем кызыльбашей?

Несколько иначе рассказывается о движении узбеков на Мавераннахр и с большими подробностями разворачивается картина происшедшего в это время в Мавераннахре — в мемуарах Мирзы-Хайдара и у базировавшегося на них историка XVI в. узбекского периода, Махмуда бен Велая.

Когда в раджабе 917 года (сентябрь-октябрь 1511 г. н. э.) султан Бабур вступил на престол в г. Самарканде и население быстро разочаровалось в нем за его союз с еретиками-кызыльбашами и близкой перспективой подчинения шаху Исмаилу, то будто бы вся знать и просто-народье столицы сошлись на том, что лучше быть под властью узбеков, чем кызыльбашей. Поэтому в Туркестан к узбекским ханам были направлены просьбы о скорейшем их прибытии в Самарканд для освобождения от пришельцев. Население обещало немедленно восстать против джагатаев и их союзников и изгнать их из города, как только узбекские знамена покажутся в окрестностях города, и затем передать столицу уполномоченным лицам от узбекских ханов.² Когда зима того же 917/1511-12 г. подошла к концу и стала пробиваться зелень, а солнце припекать, узбеки двинулись из Туркестана на Мавераннахр и все подошли к сильно укрепленному Ташкенту, которым правил наместник Ба-

¹ «Тарих-и Рашиди», л. 166а.

² «Бахр ул-Асрар», ркп., л. 178б Мирза-Хайдар и Рузбехан Исфahanский об этом ничего не говорят.

бура эмир Ахмед-Касим «кухбур» (рассекающий гору). Отсюда узбекские ханы послали Убайдуллу султана с трехтысячным отборным отрядом на Бухару с целью разведки о положении и планах войск джагатаев и их союзников-кызыльбашей; сами же решили блокировать Ташкент и очистить Ташкентскую область от «джагатаев» Бабур, узнав о подходе узбеков к Ташкенту, послал на помощь эмиру Ахмед-Касиму подкрепление из отрядов нескольких своих эмиров, а сам с 40 тысячной армией выступил против направлявшегося к Бухаре Убайдуллы султана. После вышеописанного своего поражения, султан Бабур-мирза не мог удержаться в Самарканде и покинул его после шестимесячного пребывания падишахом Мавераннахра.

Интересно отметить, что в то время как историки Мавераннахра, современные данной эпохи и принадлежавшие к обоим враждебным лагерям, описывают одинаково этот беспримерный разгром армии Бабура, персидские историки, писавшие в Иране, вдали от этого события, объясняют это поражение Бабура иначе. Так, Хондемир говорит, что узбеки в огромном числе пришли в Мавераннахр, а Бабур с небольшим отрядом выступил против них, несмотря на то, что опытные лица из его ближайшего окружения, вроде Мухаммед-Мазид-«тархана», просили его не предпринимать такого безрассудного шага. Более подробно рассказывает поражение султана Бабура автор «Ахсан ат-Таварих». По его словам, Убайдулла-хан, Тимур-султан и Джанибек-султан с многочисленным войском выступили в поход на Бухару, их авангард достиг окрестностей города. Когда Бабур услышал об этом, он с небольшим войском выступил из Самарканда для отражения узбеков, не слушая уговора Мухаммед-Мазид-«тархана», что недостойно государя выступать против врагов без достаточного воинского снаряжения и силы. Под г. Бухарою Бабур услышал, что узбеки отступили от столицы на несколько переходов. Исполненный храбрости и отваги, Бабур бросился вслед за ними и настиг их. Убайдулла-хан и Тимур-султан, завидя джагатаев, сейчас же построили правое и левое крыло своего войска с опытными витязями и бойцами. Произошла ожесточенная битва, в которой джагатаи оказались победителями. Урус-бий, Көлек-бий и Ходжа Ахмед «кунграт» с полком узбеков были захвачены в плен и приведены к Бабуру, который приказал всех их перебить. Джагатаи преследовали обратившееся в бегство узбекское войско; среди этого бегства Убайдулла-хан отделился с двумястами воинов от общей беспорядочной массы беглецов и укрылся в одной пещере, в ожидании удобного случая поразить врагов. Когда Бабур увидел, что на поле сражения никого из узбеков не осталось, он послал за убегающими узбеками центр своей армии, оставив при себе не больше 500 человек. Убайдулла-хан немедленно воспользовался таким случаем и яростно бросился из засады на Бабура. Последний, несмотря на храброе сопротивление, потерпел поражение и бежал в г. Бухару. Дальновидный Убайдулла-хан на том месте, где стоял Бабур с отрядом, водрузил штандарт Бабура, дабы джагатаи, возвращаясь после преследования узбеков, видели бы издали, что их государь находится здесь, а когда они подойдут ближе, то узбеки их побьют. Так оно и случилось, причем в этой сече погибло больше пятисот джагатаев.¹ Бабур укрылся в Хисаре, где в ожидании неминуемого прибытия узбеков вместе с Мирза-Ханом занялся укреплением Хисарской цитадели,

¹ «Хабиб ус-Сиэр», Хондемира, т. III, ч. IV, стр. 360. «Ахсан ут-Таварих», Хасан-и Румлу, стр. 129-130. Так же «Тарих-и Алэм-ара-и Аббаси», Искандера «мунши», стр. 30.

распорядившись вырыть ров вокруг города, устроить баррикады по кварталам и улицам. Вместе с тем он отправил посольство к шахскому наместнику Балха, к Байрам-беку из азербайджанских тюрок «караманлу», прося оказать ему помощь. Байрам-бек послал Бабуру небольшой отряд в 300 человек храбрейших газиев, т. е. борцов за веру (в данном случае за шиизм), под начальством эмира Мухаммед Ширазия. Узбеки, начавшие было военные действия против Хисара, узнавши о предпринятых мерах к защите города и о походе балхских газиев, повернули обратно в Мавераннахр.

Этим временем известие о поражении Бабура узбеками сильно обеспокоило виднейшего и влиятельнейшего персидского сановника, эмира Наджм-и Сани.¹ Собственное имя этой высокой персоны Ирана было Яр-Ахмед-и Исфакани. Он славился как человек опытный и больших познаний в государственных и военных вопросах, пользовался полным доверием шаха Исмаила, который предоставил ему полномочия от своего шахского имени вершить важнейшие государственные дела. При таком своем высоком положении этот эмир отличался также необычайно пышным и роскошным образом жизни, как никто из эмиров и даже принцев крови. Его личный конвой состоял почти из 5000 человек в полном боевом снаряжении, его богатство в деньгах и разного рода имуществах было колоссально. На его стол ежедневно шло около ста баранов и огромное множество кур, гусей, риса, масла и проч. При таких масштабах кухни эмира Наджм-и Сани его обеды были многочисленными и пышными пирами. Опасаясь, повидимому, вторжения узбеков в Хорасан, Наджм-и Сани, в целях их отражения, с отрядом в 10-13 тысяч человек газиев прибыл в Хорасан, где его встретил наместник Герата и правители других районов Хорасана, поднеся подарки и совершив древний обычай осыпания его деньгами. Собравшиеся со всего Хорасана сеййиды, судьи, знать и высшие правительственные лица приветствовали прибывшего Наджм-и Сани, вознеся молитвы о его благополучии; все эти лица были им обласканы, наделены разными подарками и отпущены, кроме одного, эмира Гиясуддин-Мухаммеда-бен эмир-Юсуфа. После этого эмир Наджм-и Сани через Джам направился к р. Мургабу, а оттуда в Балх, где его кортеж был встречен балхским наместником Байрам-беком «караманлу», который дал в честь высокого сановника и полномочного шахского представителя богатый пир. Эмир Наджм провел в Балхе около двадцати дней, послав к Аму-Дарье группу военачальников с наказом приготовить у Термезской переправы суда для перевозки армии через реку. Эмир Гиясуддин-Мухаммед-бен-эмир Юсуф был направлен им к султану Бабуру в Хисар со словами одобрения и надежды на бесконечное к нему, Бабуру, благоволение и милостивое отношение шаха Исмаила и чтобы Бабур со своими силами присоединился к армии Наджм-и Сани, когда она переправится через Аму-Дарью. После этого в месяце раджабе 918 г. (сентябрь-октябрь 1512 г.) шахские войска, численностью в 60 тысяч кавалерии, переправились на другой берег реки и не успели они еще двинуться от Термеза, как из Хисара вернулся эмир Гиясуддин-Мухаммед и доложил о приближении Бабурова кортежа. Эмир Наджм поспешил выехать ему навстречу с некоторыми из своих эмиров и небольшим отборным конвоем. В ущелье Чекчек, называемся также Железные ворота, произошла встреча эмира Наджма и

¹ Повидимому, после своего покойного предшественника по такому же положению, эмира Наджм-и «Заргара».

Бабура, обе стороны обменялись не только приветствиями, но и приличествующими подарками и осыпанием друг друга монетами.

Как только узбекские султаны узнали о переправе эмира Наджда с армией на этот берег Аму-Дарьи, они поспешили собрать все запасы зернового хлеба в свои крепости и укрепить их.¹ Повидимому, никто из узбекских ханов и султанов уже не думал об уходе из Мавераннахра в Туркестан: небывалый разгром армии Бабура теперь действовал на всех ободряюще и ореол непобедимости кызыльбашей значительно потускнел.

С великолепием своей жизни эмир Наджм не расстался и в этом своем походе за Аму-Дарью, который он предпринял, очевидно, не по особому шахскому повелению, а в силу данного ему Исмаилом I полномочия самостоятельно решать важнейшие государственные дела.² Правда, он не мог тащить за собою огромные запасы провизии для своей кухни и многочисленный штат поваров, поварят, мясников и прочих обслуживающий кухонный персонал, но тем не менее ежедневно на его кухне ставили для варки пищи тринадцать больших серебряных котлов, из которых разнообразные кушанья подавались на золотой, серебряной и китайского фарфора посуде. «Я слышал, — говорит Хондемир, — от достоверного человека, который находился при дверях помещения, где был пир у этого заместителя шаха, как этот человек, с видом крайнего изумления спросил у майордома (хэ в и д ж д а р) эмира Наджда: «Каким образом ты можешь в чужой стране собрать такое количество разных продуктов для такого угощения?». Тот ответил: «Благодаря божественной помощи, у нашего господина много баранов, птицы, сахару-леденца, зелени, муки, риса и прочих припасов, но ежедневно мне нужно десять м е н о в³ корицы, шафрана, имбиря и других пряностей, а равно некоторые виды круп; ввиду затруднительности найти все это в таком количестве, мне приходится поневоле уменьшать ежедневное потребление этих специй». Можно себе представить, во что обходилось такое продовольствие персидского главнокомандующего и, сверх того, его войска несчастному населению Мавераннахра?! С одной стороны, его грабили, насиловали и убивали узбеки, с другой стороны, его нещадно теперь обирали «освободители» иранские турки-кызыльбашаи.

Гордый своим высоким положением первого сановника в Иране и своими огромными богатствами, эмир Наджм не видел никаких трудностей в овладении Мавераннахром и в изгнании оттуда узбеков. Первым объектом его военных действий стала крепость Хузар, лежавшая почти в 50 км к юго-востоку от г. Карши. Комендантом Хузара был Ак-Пулад-султан, который, видя бесполезность сопротивления такой большой армии кызыльбашей, с согласия начальствующих лиц и знати Хузара, выразил эмиру Наджму полную покорность и сдал ему крепость. Эмир Наджм приказал его заковать в цепи и затем казнить вместе с несколькими ставшими бывшими с ним узбеков. Отсюда силы кызыльбашей и джагатаев двинулись на Карши, где правителем был Шейхим-мирза, дядя Убайдуллы-султана по матери, оказавший союзникам энергичное сопротивление.

¹ «Хабиб ус-Сиэр», Хондемира, стр. 360-361. То же самое, почти в тех же выражениях, повторяет автор «Ахсан-ут-Таварих», стр. 131.

² Это обстоятельство особо подчеркивает Искандер-«мунши», говоря, что Наджм-и Сани предпринял поход на Мавераннахр на свой риск, не имея на то санкции шаха Исмаила (см. «Тарих-и Алэмара-и Аббаси», стр. 30).

³ Трудно сказать, какой м е н разумел здесь Хондемир, но поскольку он был гератец, то, можно думать, он имел в виду хорасанский мен, который в ту эпоху равнялся современному, так называемому «малому тавризскому мену», т. е. 2,994 килограммам.

Эмир Наджм, блокировав окруженный стеною город, разделил его осадку между своими эмирами, определив каждому зону его операций против крепости. Под действием осадных орудий и стрельбы в крепостной стене скоро образовались трещины и проломы и в каких-нибудь два-три дня участь Каршей была решена. Город был взят (в 1512 г.), Шейхим-мирза со всеми подчиненными ему лицами были преданы смерти и эмир Наджм отдал приказ о поголовном истреблении всех жителей г. Карши, не щадя ни пола, ни возраста. И хотя несколько человек из кызыльбашских эмиров, вроде вышеупомянутого Гиясуддин-Мухаммеда и многих других, просили эмира Наджма пощадить невинных, он не стал их слушать и около 15 тысяч человек из гарнизона и населения Каршей были перебиты.¹ В числе погибших был и придворный поэт и историк Шейбани-хана, Бенаи; говорят, что спасаясь от врагов, Бенаи забрался на крышу дома и бросал оттуда на них кирпичи, приговаривая: Мадад мехохам аз султон-и 'арши, *Хамин санг аст пушт-и бом-и Карши, т. е. «Прошу помощи у царя небесного престола, (а пока что) этот же кирпич есть (моя) защита с кровли Карши», пока не был убит.²

После этого эмир Наджм имел совещание с султаном Бабуром о крепостях Мавераннахра и об их состоянии. Султан Бабур дал о каждой крепости надлежащие сведения, сообщив, что из всех их он находит наиболее слабою Гидждуван. Союзники решили прежде всего овладеть Гидждуваном и близко лежащим к нему г. Бухарою.³

Но прежде чем излагать последующее, вернемся к тому, что произошло у узбеков после бегства из Самарканда Бабура в Хисар. По источникам, благожелательным узбекам, после того, как известие о поражении Бабура у Кул-и Малика быстро разнеслось по близким и отдаленным пределам Бухары, знать столицы поспешила выступить навстречу победителю Убайдулле-султану с богатыми подарками и разного рода подношениями и поздравила его с блестящей победой. Убайдулла, бывший в тот момент в милостивом настроении, не попомнил неискренности и предательства бухарцев, не раз проявлявшихся ими в отношении узбеков, и не стал мстить населению города и карать его, «но всем дал приют в убежище справедливости и благожелательства». Обрадованный вскоре полученным известием, что султан Бабур покинул Самарканд и направился в Хисар, Убайдулла султан без замедления отправился из Бухары в Самарканд. Там после ухода Бабура знатные лица устроили совещание — что, теперь делать? Большое влияние на знать имел теперь важный сановник Убайдуллы султана Ходжа Низам. Все сошлись на том, что нужно пригласить Убайдуллу. Написанную об этом петицию самаркандцы уполномочили отвезти к Убайдулле Ходжу Султан-Ибрагима, клеветника узбеков. Этим временем Убайдулла двигался на Самарканд; ради осторожности он послал вперед себя некоего Ак-Мухаммед-«оглана». На середине пути последний встретил ехавшего к Убайдулле с петицией самаркандцев Ходжу Султан-Ибрагима. Рассказавши о всем происшедшем в Самарканде Ак-Мухаммед-«оглану», Султан-Ибрагим рекомендовал ему с наивозможной быстротой спешить в Самарканд, а сам направился к Убайдулле. Он представил последнему петицию жителей столицы и в самых льстивых и изысканных выражениях доложил извинения самаркандцев за их поведение в прошлом. Убайдулла, «как он знал и смог», все же упрекнул самаркандское насе-

¹ «Хабиб ус-Сияр», Хондемира, стр. 361.

² «Бахр ул-Асрар», Мухаммед-бен Велия, ркп., л. 181а.

³ «Тарих-и Рашиди», ркп., л. 166а.

ление в неискренности. Когда Убайдулла приближался к городу, то все знатные и начальствующие лица столицы выехали к нему навстречу с богатыми и многочисленными подарками и стали просить его разрешить прочесть хутбу и отчеканить монету с его именем, как государя Мавераннахра. И хотя это шло совершенно вразрез с древним узбекским обычаем — не обходить старшего в роде, но во внимание к трудностям переживаемого момента и по отсутствию в это время старейших членов дома Шейбана, Убайдулла-султан согласился на просьбу самаркандской знати и в ближайшую пятницу в соборной мечети Самарканда была прочитана хутба с именем государя Убайдуллы-хана и выбита монета с его именем и титулами. Узнавшие об этом все прочие узбекские ханы и султаны поспешили в Самарканд, где устроили ряд празднеств с разного рода увеселениями и затем совещание, на котором Убайдулла-хан вынужден был признать принятие им ханского титула противным Чингизовой ясе, прося бразды правления передать в компетентные руки старшего в роде. Поскольку Суюнч (Суюнджик)-Ходжахан, бывший прежде наместником Ташкента и находившийся в добрых отношениях с ташкентским населением, теперь отказывался от ханского достоинства и просил оставить за ним Ташкент с его областью, то ханом Мавераннахра и, следовательно, главою всех узбеков, был провозглашен брат Суюнч-Ходжи-хана, старый Кучкунджи-хан (иначе — Кучум-хан). Однако, кроме высокого ханского звания, у него по существу не было реальной власти, потому что все важнейшие государственные дела предоставлялись на разрешение Убайдуллы хана (он так и продолжал теперь именоваться со времени победоносного разгрома армии Бабура у Кул-и Малика). С его санкции были закреплены уделы за феодальными узбекскими султанами. После этого все ханы и султаны разъехались по своим вотчинам.¹ Повидимому, в это же время у узбекских ханов и султанов наметился и общий план действий против своих врагов. В то время, когда Джанибек-султан спешно укреплял Гидждуван, а Убайдулла-хан, вернувшись на свою родину и в свой удел, в Бухару, засел там в ожидании джугатаев и их союзников, Суюнч-Ходже-хану было поручено освобождение Ферганы от моголов, союзников султана Бабура, а Кучкунджи-хану — укрепление Самарканда и принятие мер к его защите на случай возможной осады столицы государства. Услышав о движении сил Надж-и Сани на Бухару, Кучкунджи-хан послал в помощь Убайдулле-хану Тимур-султана и своего сына Абу-Са'ид-султана с отрядами войск. Эмир Наджм, услышав о том, что часть узбекских султанов укрепились в Бухаре, а другая часть — в Гидждуване, послал против Гидждувана 10-тысячный отряд под начальством вышеупомянутого балхского правителя Байрам-бека «караманлу», а сам с остальными силами двинулся к Бухаре. Подойдя к Гидждувану, Байрам-бек немедленно построил свой отряд в боевой порядок; из крепости вышли Тимур-султан и Абу-Са'ид-султан и вступили с кызыльбашами в бой, продолжавшийся до сумерек, когда обе стороны прекратили из-за темноты сражение. Байрам-бек после этого немедленно отправил гонца к эмиру Наджму с извещением, что прежде всего необходимо поспешить со взятием крепости Гидждуван, прикрывающей пути на Бухару, что если она падет, тогда можно будет надеяться, что и Бухара, и другие крепости и замки этих районов перейдут в наши руки. Эмир Наджм согласился с

¹ См. в ЗВО, т. XV, стр. 202-203 изложение В. В. Бартольда по ркп. «Зубдат ул-Асар» в б. Аз. Музее, ибо в ркп. Вяткина нет конца. С большими подробностями — в «Бахр ул-Асар», Махмуда б. Вэлия, ркп, л. 1816.

таким мнением и, переменяв маршрут, направился со своими силами и силами Бабура на Гидждуван. Убайдулла-хан, получивши известие о том, что войска кызыльбашей и джагатаев свернули на Гидждуван, бросился туда с примкнувшим к нему Джанибек-султаном и, опередив союзников, вступил в Гидждуван. Когда к последнему подошли главные силы Наджм-и Сани и соединились с отрядом Байрам-бека, то узбеки с утра вышли из крепости и построили войска в ряды посреди улиц и кварталов, бывших вне цитадели. Союзники также приготовились к бою и первые атаковали узбеков в городе. В этом и заключалась ошибка союзного командования, вызвавшего непоправимую катастрофу. Так как силы узбеков расположились среди тесных улиц и арена боя была крайне ограниченной, то узбеки, спешившись, стали стрелять в неприятелей из всех углов, из-за прикрытий, стен и ворот домов. Правда, в начале боя султан Бабур храбро сшибся с отрядом Джанибек-султана и контратакой отбросил его к отдаленным городским улицам, но в своем движении по трудно проходимым узким переулкам и улицам войска союзников замешкались и расстроились. Этим воспользовались узбеки и, зайдя в тыл неприятелю, ударили его столь яростно, что он уже не мог удержаться на месте и привести в более или менее нормальное положение свои расстроенные и перемешанные ряды, «в какой-нибудь час тюрки-кызыльбашни и падишах (Бабур — А. С.) потерпели жестокое поражение». Особенно яростно теперь мстили кызыльбашам избежавшие резни в Каршах. Это мщение, надо полагать, объединяло и узбеков, и таджиков. Эмир Наджм-и Сани и все его офицеры погибли. Мирза Хайдар, тогда спутник своего двоюродного брата Бабура, как правоверный суннит, несмотря на провал общего дела, красочно восклицает: «эмира Наджма и всех туркменских эмиров (узбеки) послали в (адский) огонь и в преисподнюю».¹ В руки узбеков попала несметная добыча из золотых, серебряных вещей, драгоценных камней, тканей, платья и прочие предметы, бывшие в лагере такого великолепного вельможи, каким был Наджм-и Сани.²

Любопытно отметить, что персидские историки более позднего времени, писавшие об этом событии, с известной горечью говорят о нем и как-то стараются обвинить во всем Наджм-и Сани, погубившего репутацию кызыльбашей шаха Исмаила, как непобедимых. Из примечания 2-го на стр. 32 мы видели, что обстоятельный историк XVII в., Искандер-«мунши», говорит, что самый поход Наджм-и Сани в Мавераннахр был совершен им на свой риск без санкции шаха. Более поздний (конца XVI в.) персидский историк, Хасан-и Румлу, даже причину появления за Аму-Дарьей Наджм-и Сани излагает совершенно по иному (он часто пренебрежительно называет его просто Наджм-бек). По его словам, когда султан Бабур был провозглашен падишахом в Самарканде с прочтением хутбы с именем шаха Исмаила и с выбитием монеты с именами двенадцати шиитских имамов, он послал к шаху с многочисленными подарками и, надо полагать, с извещением о своем благополучном восшествии на престол Мавераннахра некоего Ахмед-бека Суфи оглы. Тем временем отправившийся в Самарканд по одному важному делу Мухаммед-Джан, «ишик-агаси» Наджм-бека, допустил большую оплошность. Вернувшись из Мавераннахра и прибыв в Кум, где в то время находился шах Исмаил, он доложил ему о замыслах Бабура отложиться

¹ См. «Тарих-и Рашиди», ркп. л. 166а. Так же «Бахр ул-Асрар», Махмуд-бец Велия, ркп., л. 1816.

² «Бахр ул-Асрар», л. 182а—182б.

от шаха, чем посеял в уме шаха необходимость устранить Бабура. Наджм-и Сани, бывший полномочным шахским заместителем или представителем (в э к и л ь), стал просить Исмаила I отправить его в Мавераннахр (для осуществления задуманного шахом замысла). Шах согласился на это; с Наджм-и Сани в Мавераннахр должны были отправиться знаменитые кызыльбашские эмиры: Зайнуддин-бек с э ф э в и д, Пир-бек к а д ж а р и Баденджан-бек р у м л у. И в то время, как с большою помощью Наджм-и Сани собирался осуществить свой поход за Аму-Дарью, Бабур потерпел жестокое поражение от Убайдуллы-хана и бежал в Хисар. Получивши об этом известие, Наджм-и Сани решил предпринять решительные действия против узбеков и выступил в Хорасан. (Дальше все излагается так, как выше упомянуто).

При этом Хасан-и Румлу передает о таком эпизоде при взятии Карши Наджм-и Сани, не скупясь на «поносительные» эпитеты последнему. Каршинские сеййиды со своими семьями укрылись в соборной мечети города, когда происходило всеобщее избиение горожан, и послали человека к вышеупоминавшемуся эмиру Мухаммед-Юсуфу с просьбою, что они — сеййиды, потомки Алия, и хорошо знают что кызыльбаши признают себя возлюбленными Алия, почему надеются, что им будет дарована пощада. Эмир Мухаммед, отправившись к Наджм-и Сани, доложил ему просьбу каршинских сеййидов, прося со своей стороны пощадить их, но «этот безбожный негодник сказал: «когда (наши) газии захватывают в войне какое-либо владение, то они всех от мала до велика убивают там, не разбирая, кто сеййиды и несеййиды». И когда кызыльбашские военные услышали про такие слова этого «развращенного невежды», они бросились в соборную мечеть Каршей и безжалостно перебили всех сеййидов со всеми их семьями.¹ Причину рокового поражения Наджм-и Сани и Бабура под Гидждуваном Хасан-и Румлу передает так. После взятия Карши Наджм-и Сани и Бабур направились походом на г. Бухару, потому что там расположились со своими войсками Убайдулла-хан и Джанибек-султан, ожидая вступления в сражение с ними кызыльбашских и джагатайских сил. Не доходя двух фарсангов (13 км) до Бухары Наджм-и Сани услышал, что Тимур-султан и Абу-Са'ид-султан (сын Кучкунджи-хана), выйдя из Самарканда с многочисленным войском, направляются к Бухаре. Наджм-и Сани послал для их отражения Байрам-бека «карамани». Услышав о выступлении против них гази е в, узбеки вошли в крепость Гидждуван и укрепились там. Наджм-и Сани осадил Гидждуван. Тимур-султан и Абу-Са'ид-султан выслали из крепости полк, чтобы он завязал бой с кызыльбашскими газиями. Из последних отряд нахрабрейших сшибся с узбеками и после жаркого боя обратил их в бегство. И в течение ряда дней происходили подобные жестокие бои между кызыльбашиами и делавшими вылазки узбеками, пока в лагере Наджм-и Сани не обнаружилась нехватка продовольствия. Между тем приближалась зима; Бабур посоветовал на зиму снять осаду Гидждувана и отступить к Карши, где и перезимовать, а лагерные поставщики тем временем подвезли бы из Балхской области хлеб и прочие припасы. «А когда зима станет подходить к концу и у узбеков окажется недостаток в продовольствии, мы со свежими и большими силами выступим в поход на их районы и города». Однако эмир Наджм отверг этот план и сказал, что завтра же он даст узбекам решительный бой.

¹ «Ахсан ут-Таварих», Хасан-и Румлу, стр. 127-133,

В воскресенье 3 рамазана 917 года (24 ноября 1511 г.), утром, из-за деревьев, окружавших Гидждуван, показался узбекский передовой отряд. Дело в том, что как только в Бухаре узнали, что дела у Наджм-и Сани под Гидждуваном не подвигаются вперед, то Убайдулла и Джанибек решили вступить с кызыльбашиами в сражение и, мобилизовав армию из кавалерии и пехоты, быстрым маршем двинулись к Гидждувану. Там к ним присоединились войска Тимур-султана и Абу-Са'ид-султана, все они теперь выступили объединенно против кызыльбашей, предвосхищая намерение эмира Наджма дать узбекам генеральное сражение и беря инициативу в свои руки. До этого же у главнокомандующего армией кызыльбашей произошли какие-то крупные разногласия со своими эмирами (что историк кратко определяет словами «из-за вражды, которую они питали к эмиру Наджму») и эти эмиры «в то же самое время» отделились со своими отрядами от армии Наджм-и Сани и ушли в Хорасан. Теперь эмир Наджм и Байрам-бек вынуждены были выступить против узбеков с небольшими оставшимися у них силами; в прошедшем бою кызыльбаши потерпели полное поражение. Эмир Наджм был захвачен в плен и доставлен к Убайдулле-хану, который приказал его убить. Много кызыльбашских газиев, преследуемых узбеками, утонуло в Аму-Дарье.¹

Никаких сведений о богатстве эмира Наджма, о его роскошном образе жизни и о пышном столе Хасан-и Румлу не дает и все его описание действий этого эмира носит явно недоброжелательный характер, между тем как к Бабуру он относится с симпатией, называя его «государем» (п а д и ш а х), иногда с добавлением слова «гази» (борец-победитель за веру). Невольно иногда кажется, что историк скорее был расположен к суннитам, чем к шиитам.

Наконец, имеется третья версия гидждуванского поражения кызыльбашского войска, рассказываемая мемуаристом первой четверти XVI в., Зайнуddином Васефи, в его мемуарах «Бада'и ул-Вака'и». По его словам, в начале месяца раби'-ул-эввеля 918 года (вторая половина мая 1512 г.) эмир Наджм с 80-тысячами кызыльбашей перешел Аму-Дарью. В Самарканд пришли вести, что он похвάζεται взять Самарканд, разрушить его до основания, вспахать это место, развести бахчи и сбор с них арбузов и дынь посылать в подарок шаху; после этого он намерен идти походом на Китай. Самаркандцы сильно струсили и в городе началась паника. Когда кызыльбаши осадили Карши, то Убайдулла-хан и Джанибек-султан были в районе Кермине, а Кучкунджи-хан и Тимур-султан с прочими узбекскими принцами — в Миянкале, откуда все собирались уходить. В это время в Бухару прибыл из Туркестана проживавший в Сайраме весьма авторитетный в народе сеййид, эмир Абдулла, по прозвищу Эмир-и Араб, которого Васефи наделяет пышными суфийскими титулами. Видя растерянность и смятение Убайдуллы-хана, он стал его успокаивать и утешать, но Убайдулла заметил: «господин мой, у неприятеля армия больше 80 тысяч, т. е. гораздо большая, чем наши силы». Но эмир Араб заметил, что дело не в количестве войск, а в божественной помощи и в военной доблести. Во время этого разговора было получено известие о взятии Карши кызыльбашиами и о поголовном истреблении ими жителей города; узнавши это, Убайдулла заплакал, возмущаясь таким бесчеловечием. Эмир Араб ободрил его и посоветовал ему сесть на коня, стать во главе войска и выступить против врагов; сам же направился к Джанибек-

¹ «Ахсан ут-Таварих», Хасан-и Румлу, стр. 127-133.

султану побудить его присоединиться к Убайдулле-хану, но застал его войска в состоянии разброда и ухода по разным местам. Эмир Араб стал выговаривать Джанибеку: «Как тебе не стыдно, что при всей твоей храбрости и отваге у тебя теперь в мыслях осталось лишь одно — бежать от неприятеля. Убайд-хан, являющийся по летам твоим сыном, уповаает на милость Аллаха и рассуждает совсем иначе. Какое великое благородство, — говорил он, — пожертвовать жизнь за религию Мухаммеда и за его общину!». И такими словами побудил Джанибека принять участие в борьбе с кызыльбаши.

20 зи-л-ка'дэ 918 года (20 августа 1512 г.) кызыльбаши обложили Гидждуван со всех сторон и начали его осаду. О заключительном эпизоде гидждуванской драмы впоследствии рассказывал Васефи очевидец ее, эмир Мухаммед, сын эмира Юсуфа, который в эпоху Султан-Хусейн-мирзы и Шейбани-хана был одним из известнейших накибов¹ и ученых людей Хорасана, при шахе Исмаиле он перешел в шиизм и достиг при нем больших служебных степеней. Когда потом Тимур-султан отослал его из Хорасана в Самарканд, он там и рассказал Васефи следующее. В то время были два знаменитых игрока в шахматы и в нард, Дуст и Бэрначэ, которых эмир Наджм не отпускал от себя, ибо, играя в шахматы, они говорили всякие остроты, пели и потешали его разными забавными выходками. В роковой день они сидели у эмира Наджма и, играя, пели приличествующие случаю стихи с упоминанием поэтического псевдонима их автора, Васефи, иначе — нашего мемуариста. Эмир Наджм, обращаясь к эмиру Мухаммеду, спросил: «Кто такой Васефи? Не тот ли, который в Хорасане в свое время написал превосходное заявление по поводу паломников к гробницам святых? Я его долго разыскивал в Хорасане, но так и не нашел. Я теперь думаю, что он — очень одаренный человек, раз составил такие прекрасные стихи и такое замечательное заявление». Эмир Мухаммед стал всячески расхваливать Васефи и его талантливость. И эмир Наджм, узнавши, что Васефи теперь в Самарканде, у узбеков, отдал распоряжение эмиру Мухаммеду, чтобы он непременно теперь же послал туда кого-либо за Васефи и тот привез бы последнего к эмиру Наджму, потому что нельзя допустить, чтобы такой высокоталантливый человек, как Васефи, погиб при общей резне, которую собирается устроить он, эмир Наджм, при взятии Самарканда. Вдруг в этот момент со всех сторон слышался шум, боевые крики и звуки воинских труб: это было нападение узбеков. Эмир Наджм отдал приказание: «приведите мне живого Убайда и я его отправлю к шаху, а с оставленными узбеками делайте, что хотите!». Но едва он успел сесть на подведенного ему коня, как налетевшие узбеки стащили его с лошади, отрубили ему голову и тотчас подняли ее на копьё.²

Таковы эти, мало сходные между собою в подробностях, три версии поражения под Гидждуваном кызыльбашей и султана Бабура, версии, написанные в разное время и в разных местах, но самый факт разгрома кызыльбашского войска, повидимому, хорошо вооруженного и храброго, остается налицо.

Султан Бакур бежал в Хисар и тут-то ему пришлось пережить всю

¹ Накиб ведал приведением войска в боевой порядок, назначением и расстановкою командного состава по своим местам перед битвою. На эту должность обычно назначались лица сейидского происхождения.

² См. «Бадаи' ул-Вакаи», Васефи, ркп., Института востоковедения АН УзССР, за инв. № 5061, с датой 20 Шавваля 1102 г. (16 июля 1690 г.) лл. 266—29а. Ср. также «Зубдат ул-Асар», в ленинградском списке по пересказу В. В. Бартольда в его «Отч. о команд. в Туркестан», стр. 202.

горечь унижения и издевательства со стороны своих бессовестных и беспринципных союзников — моголов. Еще в пути в Хисар между ними и моголами, отвернувшимися от узбеков в свое время, после гибели Шейбани-хана, пошли распри, дошедшие до того, что могольские эмиры в одну из ночей напали на Бабура и тот, полуголый, едва избежав гибели, с большим трудом смог добраться до Хисара и укрыться за его стенами. Собственные силы у Бабура, состоявшие из его джагатаев, повидимому, были крайне ничтожны, чтобы дать отпор моголам, и потому, поручив защиту г. Хисара верным ему эмирам, Бабур направился за Аму-Дарью, в Кундуз. Теперь весь Хисар, за исключением крепости, перешел в руки моголов. Они начисто разграбили прилегающие к г. Хисару районы, причем у населения был отнят весь хлеб, скот и домашние вещи. Мирза Хайдар, говоря об этом, прибавляет: «У моголов есть пословица: когда остается не занятым место, то его занимает свинья со всем, что у ней на спине». Кар результат всех неисчислимых бедствий, скоро настал ужасный голод, так что народ был вынужден питаться мертвечиной, «но так как телесные силы от нее не укрепились, то стали поедать живых людей», — говорит узбекский историк.¹ Один из моголов, бывший «мулозимом» Мирзы Хайдара, рассказывал ему в качестве образца творимых моголами безобразий, следующее: «Для получения мной фуража написали для меня б е р а т на имя одного дикого военного (могола); я остановился в его доме и передал ему б е р а т. Он с час размышлял, (что же ему делать и потом) вышел из дома и пригнал мне (по его разумению) достойное меня, именно: двести коней, соответствующее этому число баранов, верблюдов и рабов, доставив также разное платье и дорогие ткани».² Резюмируя все происходившее, узбекский историк образно говорит: «В те дни всякий корыстолюбец чувствовал себя, как на свадебном пиру, всякая ослиная башка воображала себя умницей, и все высунули руки насилия и ненависти из рукавов возмущения и вражды и всю мощь безнравственности и беззакония бросили в среду населения и его семей, в имущество и достояние подданных». В итоге из 40 тысяч жителей Хисара уцелело лишь две тысячи, все прочие погибли либо от шашек моголов, либо от голода; жены и дети этих несчастных стали пленниками моголов и влачили жизнь в ужасных страданиях.³

Но прервем здесь изложенное и посмотрим, как происходили и развивались события в других местах Мавераннахра до поражения Бабура, и после поражения его и его союзников — иранских тюрков. Как выше упоминалось, в своем походе из туркестанских степей в Мавераннахр весной 1512 г. узбеки подошли к Ташкенту, где заперся ташкентский наместник Бабура, Ахмед-Касим «кухбур», которому Бабур послал перед своим поражением у Кул-и Малика подкрепление. Узнавши о поражении Бабура и о вступлении в Самарканде на ханский престол Убайдуллы-хана, Ахмед-Касим решил, что теперь бесполезно стараться сохранить Ташкент в обладании Бабура, да и сделать этого он не был в состоянии, поэтому в одну из ночей он бежал из Ташкента, благополучно пробравшись через лагерь блокировавших город узбеков. Узбеки не стали его преследовать. Ахмед-Касим направился в Андижан и там некоторое время оставался под покровительством Султан-Са'ид-хана, а затем через Каратегин прибыл в Хисар, где и присоединился к свите Бабура. Но брат Ахмед-Касима, Катта-бек, правивший от имени Бабура Сайра-

¹ «Бахр ул-Асрар», л. 183а.

² «Тарих-и Рашиди», л. 1666.

³ «Бахр ул-Асрар», л. 183а.

мом, по невозможности в зимнюю пору куда-либо направиться, оказался осажденным узбеками. Он решил сопротивляться им, чтобы по прошествии зимы попытаться прибегнуть к защите могущественного казахского хана Касима¹ и привлечь его к освобождению Сайрама. Тем временем овладевший Ташкентом Суюнч-Ходжа-хан, во исполнение общего плана борьбы с джагатаями и кызыльбашами, с большим войском выступил в Фергану, на Андиджан, против моголов. Когда Султан-Са'ид-хан услышал про это, он мобилизовал бывшие в его распоряжении силы и выступил против узбеков. У Пскента произошла встреча двух противников. В жестоком бою, в котором Султан-Са'ид-хан выказал большую личную храбрость, его войско было разбито, и он бежал в Андиджан. В это время узбеки получили известие о подходе к джагатаям помощи от кызыльбашей, что заставило Суюнч-хана отказаться от дальнейших военных операций против ферганских моголов и обратить внимание на изыскание мер к отражению более опасного врага. Султан-Са'ид-хан, засевши в Андиджане, занялся приведением в порядок своих разбитых войск и пополнением их рядов мобилизацией новых сил. Сюда к нему через Каратегин, с разрешения побежденного Бабурра, прибыл двоюродный брат последнего, Мирза-Хайдар, который с тех пор, т. е. с 918/1512 г., оставался при этом хане до его смерти, последовавшей 9 зу-л-хиджэ 939/2 июля 1533 г.

В начале весны правитель Сайрама, Катта-бек, направил ключаря Сайрама (арбаб-и калид-и Сайрама) в сопровождении одного из своих «мулозимов» к казахскому хану Касиму с просьбой освободить его от узбеков. Касим-хан послал одного из своих особо доверенных людей, которому Катта-бек сдал крепость и сам отправился к Касим-хану. Всяческими способами ему удалось уговорить Касим-хана выступить против узбеков. Касим-хан с большим войском выступил походом против Ташкента, где сидел Суюнч-хан. Последний, узнавши о приближении казахского войска, заперся в городе. Однако Касим-хан не стал осаждать Ташкент и ограничился грабежом и опустошением окружавших его районов, после чего вернулся в степь и расположился в районе Сайрама, используя для своих стад окрестные пастбища. Узбеков здесь уже не было. Этим временем Султан-Са'ид-хан, выжидавший всегда удобного случая напасть на узбеков, воспользовался походом Касим-хана на Ташкент, выступил с войском из Андиджана и напал на долину Ахенгерана, бывшую одной из значительных местностей Ташкентского вилаета. Сильно разграбив население, Султан-Са'ид-хан вернулся в Андиджан. Касим-хан, пробыв в районе Сайрама некоторое время, снялся оттуда и откочевал к отдаленным пределам своих владений.

Когда Суюнч-хан успокоился от погрома своих владений Касим-ханом, он вторично выступил походом на Андиджан. Султан-Са'ид-хан, сомневаясь в своих силах, чтобы с ними можно было дать отпор узбекам, препоручил все крепости и местности Ферганы своим наиболее надежным эмирам, а сам отправился к Касим-хану за помощью

¹ Этот Касим-хан был сыном упоминавшегося в предшествующем очерке Джанибек-хана, врага Абулхайра и его дома. По словам Мирзы Хайдара, когда казахский хан Бурундук, сын Гирей-хана, был изгнан из степи и умер на чужбине, в Самарканде, Касим-хан стал полновластным властителем во всем Дешт-и Кипчаке. Там он был так могуществен, как еще никто не бывал после Джучи-хана: число его войск превышало сто тысяч. Он умер после 924 (1518 г.) (См. Вельяминова-Зернова В. В., Исслед. о Касим. царях и царевичах, ч. II, стр. 152-153).

против узбеков, но тот под разными благовидными предложениями отказал ему в этом и Султан-Са'ид-хан вернулся в Андижан ни с чем. При зрелом обдумывании создавшегося положения Султан-Са'ид-хан пришел к тому заключению, что оказать узбекам серьезного сопротивления он не может, а те, которые бы могли им противостоять, уже ушли из областей, занятых узбеками, иначе говоря, если кто до сих пор боролся с узбеками, так это был султан Бабур, но и он, отчаявшись одолеть их, ушел в Кабул. Поэтому самым разумным будет то, чтобы до приближения узбеков самому удалиться из Ферганы. И Султан-Са'ид-хан покинул пределы Ферганской области и бежал в Моголистан, а оттуда в Кашгар; эту страну он впоследствии вырвал из-под власти вышеназванного хана, Мирзы Аба-Бекра, и стал полновластным правителем Кашгара.

Мирза-Хайдар в своих мемуарах дает любопытную картину, какими соображениями руководствовались моголы, решившись покинуть Фергану; этот эпизод в его интерпретации лишний раз подчеркивает своеобразную психологию моголов.

Когда весть о выступлении узбеков походом на Фергану «дошла до (Са'ид)-хана, то к нему собрались все эмиры и мужи совета и разума и подвергли создавшееся положение всестороннему обсуждению. Мой дядя, Сеййид-Мухаммед-мирза доложил: «Узбеков много, а нас мало и потому в военных действиях с ними мы неизбежно потерпим поражение. Между тем кашгарский хан, Мирза Аба-Бекр, имеет свыше 60 лет, ханствует около 50 лет, его тирания превысила всякую меру; своих эмиров он совершенно забросил и, занятый войнами, выдвинул на их места много людей презренных и подлых. Поэтому нам есть полное основание приложить все усилия к тому, чтобы завоевать Кашгар, тем более, что к людям, состоящим на службе и в прислуживании Мирзы Аба-Бекра, я имею непосредственное отношение, поскольку Мирза Аба-Бекр является моим братом. И когда я заявлю претензию на то, чтобы заместить брата на престоле Кашгара, то вполне возможно, что все они передадутся ко мне. Это же есть одно из самых теперь подходящих для нас дел. И хотя, — повторяю, — Мирза Аба-Бекр — брат мне, но как говорят (персидским стихом):

«Тысяча родственников чуждых господу

Будут принесены (им) в жертву чужестранцу,

который близок к нему».

Продолжая свои рассуждения в таком же духе и дальше, дядя Мирзы Хайдара произвел на слушателей известное впечатление, и Мирза Са'ид-хан заявил, что он вполне согласен с соображениями, высказанными Сеййид-Мухаммед-мирзой, и попросил присутствовавших высказаться по данному вопросу. Все эмиры присоединились к мнению Мирзы Са'ид-хана и вполне одобрили высказанные Сеййид-Мухаммед-мирзой планы и намерения. Вследствие такого единогласного решения в раби'ул-эввеле 920 г. (апрель-май 1514 г.), прежде чем Суюнч-Ходжа-хан успел подойти к границам Ферганского вилаета, Мирза Са'ид-хан выступил из Андиждана с своими моголами на Кашгар через Моголистан.¹

Так или иначе, но теперь Суюнч-Ходже-хану уже ничто не мешало занять Андижан, управление которым он поручил своим двум сыновьям, а сам вернулся в Ташкент. Таким образом, Фергана, Ташкент и Туркестан со всеми бывшими в них крепостями и местностями оказались во владении узбекских ханов и султанов из дома Шейбани.

¹ «Тарих-и Рашиди», л. 181а.

Между тем, после поражения Бабур и его союзников в Гидждуване, Джанибек-султан, преследуя остатки разбитых кызыльбашей, проник в Хорасан, Убайдулла-хан также последовал его примеру. Блокируя неприятельские крепости и форты, они брали их; подойдя к Герату, осадили его. Но вскоре между Джанибеком и Убайдуллоу-ханом возникли крупные разногласия, в результате которых раздраженный Джанибек со своим войском повернул на Балх, а Убайдулла, сняв осаду Герата, ушел в Мерв. Там к нему присоединился сын Шейбани-хана, Тимур-султан, и уговорил Убайдулла не возвращаться в Мавераннахр и идти соединенными силами на Мешхед. Последний был осажден узбеками и взят. Когда известие об этом дошло до Герата, то его шахский гарнизон, не рассчитывая удержать город собственными силами, покинул столицу Хорасана и двинулся в далекий Исфахан. Едва узбеки узнали об этом, как Тимур-султан немедленно направился в Герат и по прибытии туда заставил провозгласить себя ханом с упоминанием на хутбе и на монетах его имени. Но он успел пробыть ханом лишь сорок дней, как распостранившееся в Герате известие о приближении шаха Исмаила со своими тюрками сильно обеспокоило Тимур-хана и он, забрав сколько можно было гератцев, увел их с собою за Аму-Дарью. Убайдулла-хан, услышав о таком неустойчивом положении узбеков в Хорасане, тоже поспешил покинуть Мешхед и, захватив много жителей города и его районов, вернулся к себе в Бухару. Джанибек-султан, узнавши о всем этом, также забрал с собою много народа из Шибиргана, Андхоя и Балха и, перейдя за Аму-Дарью, удалился в свой удел в Кермине.¹

Таким образом, по древнему монгольско-тюркскому обычаю узбеки уводили за собою множество пленных для превращения их в рабов в местах своего обитания или для продажи на сторону, благо-уведенные были еретики-шииты. Тем более, что шиитская ересь фетвою бухарских и других среднеазиатских мулл и законовеев была приравнена к «неверию», ее последователей дозволялось продавать в рабство, а браки с ними признавались мерзкими (макрух). По словам первого по времени европейского историка Бухары, А. Вамбери, будто бы виновником «этой роковой для Ирана фетвы был знаменитый правовед молла Шамс-эд-Дин Герати», живший в правление Султан-Хусейн-мирзы.² Но поскольку в эту эпоху ни о каких преследованиях шиитов источники ничего не говорят, равно как никаких обособленных друг от друга шиитского и суннитского государств в то время не существовало, — то появление такой фетвы следует отнести к последнему времени. Автором или инициатором этой фетвы, весьма возможно, был соплеменник упоминаемого А. Вамбери ученого, мулла Шамсуддин-Мухаммед, бывший, при Убайдулле-хане, в Бухаре ахундом.³ При его содействии, — согласно свидетельству бухарского историка первой половины XIX в., — была издана фетва бухарского духовенства, по которой шииты были объявлены «неверными», «вследствие чего было признано возможным совершать их куплю и продажу. Пятая часть вырученной суммы была дана хану Убайдулле, который в свою очередь передал деньги сейидам и улема(м), последние большую часть денег передали эмиру Абдулле Йемени, известно-

¹ «Бахр ул-Асрар», ркп., лл. 179а—180а, 182б, 183а, 184а—184б.

² Вамбери А., История Бохары или Трансоксании, т. II, СПб., 1873, стр. 25.

³ Термин ахунд в позднейшее время в Бухаре совпал с термином а'лам (ученейший — подразумевается — из ученых законовеев). Без его печати, прикладывавшейся после печатей муфтиев — составителей фетвы или юридического решения, фетва была не действительна.

му под именем Мир-Араба, который построил на эти средства медресе в Бухаре в 942 г.» (1535-1536 г. н. э.).¹

Теперь пришедшие к власти узбекские ханы и султаны, будучи не только рабовладельцами по своим кочевым феодально-хищническим воззрениям, но и большими фанатиками суннитского правоверия, с двоякою яростью осуществляли поправки самых элементарных человеческих прав тех же мусульман.

Победа Убайдуллы-хана над моголами. Удаление Бабур из Средней Азии

Мы оставили моголов, бесчинствовавших в Хисаре, где они, почти истребив население, а оставшихся в живых обобрава до последней нитки, сами в конце концов оказались без хлеба, ослабели и пришли в расстройство. Узнав об этом, Убайдулла-хан в конце зимы выступил в Хисар против них походом. Моголы, понимая безвыходность своего положения, не знали, что им предпринять: идти к Бабуру после того, сколько зла они ему причинили, было невозможно, направиться в Андижан к Султан-Са'ид-хану их удерживало отсутствие с ним добрых отношений и масса снега, завалившего пути и перевалы в Фергану. Моголы поэтому решили засесть и укрепиться в горах по Сурхобу-Вахшу. Так как с одной стороны р. Сурхоб представляла сама по себе естественную преграду, то моголы укрепили те места, где проходили горы, причем одну сторону оставили без внимания ввиду массы выпавшего снега, который может явиться непреодолимым препятствием для неприятеля. Когда Убайдулла-хан подошел к местности, где сосредоточились моголы, и стал соображать, что ему делать, как небо неожиданно прояснилось и засияло солнце, стало сильно припекать и за время с утра до вечера весь снег в горах стаял, открылся широкий доступ в горные теснины. Узбеки не замедлили воспользоваться этим, атаковали моголов и рассеяли их. Значительная часть их погибла от узбекских шашек, остальные были захвачены в плен. По словам историка, все, что моголы сделали с населением Хисара, им в одночасье было отплачено Убайдуллой ханом. Спасшиеся от меча и плена моголы бежали в Андижан к Султан-Са'ид-хану. Подчинив себе Хисар, Убайдулла-хан отдал его в удел сыновьям погибших в борьбе с Бабуром Хамзы-султана и Мехди-султана и возвратился в Бухару.

Когда известие о победе узбеков над моголами дошло до султана Бабура, он окончательно распростился с мыслью когда-либо овладеть Мавераннахром и удалился в Кабул, оставшийся за время его отсутствия во временном управлении его брата Насир-мирзы. Торжественно встреченный братом, Бакур вступил в Кабул, Насир-мирза был отпущен им в его удел, г. Газну, где он вскоре умер. Теперь для султана Бабура наступала пора действовать в ином направлении, но осуществление этого очень долго им вынашивалось и, повидимому, горькие уроки опрометчивых решений и легкомысленных предприятий в борьбе с узбеками послужили ему на пользу. Почти восемнадцатилетнее сидение в Кабуле было употреблено на зрелую подготовку осуществления того великого

¹ См. сбор. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 196, прим. 3 со ссылкой на ркп., труда Мухаммед-Якуба «Гульшан ул-Мулук» (Розовый цветник царей), Среднеаз. Госуд. библиотеки по каталогу Каля № 3, л. 121-6 (теперь — Института востоковедения АН УзССР за инв. № 1507/III).

плана, — завоевания Индии, — начало которому было положено в 1526 году в исторической равнине Панипата, где в жаркой битве джагатаи нанесли жестокое поражение делийскому султану Ибрагиму II Лоди (923/1517-932/1526). Занималась заря обширной индийской империи «великих моголов», которую в узбекской Средней Азии всегда именовали «государством джагатаев» (или чагатаев).

Когда узбекам уже ничто не угрожало со стороны джагатаев, моголов, казахов-узбеков и иранских тюрок-кызыльбашей, старый Суюнч-Ходжа-хан решил осуществить давно занимавшую его мысль — войну с еретиками-шиитами, которую он теперь предпринимал, как старший в потомстве Шейбани-хана. Весною 930/1524 г. он выступил с большим войском в поход на Хорасан. Когда он вступил в район Бухары, то все узбекские царевичи и эмиры, во главе с Убайдулла-ханом с большой свитой, выехали ему навстречу. Поскольку предлогом этого похода являлась месть шиитам за смерть Шейбани-хана, то все они выразили готовность оказать Суюнч-Ходже всемерную помощь в его предприятии и безотлагательно занялись подготовкою и снаряжением к этому походу. Со значительно увеличенным войском хан двинулся дальше. На Аму-Дарье собрали множество каюков и на них в течение трех дней навели pontонный мост через реку, по которому армия переправилась на другой берег. Когда разбили лагерь в районе Балха, то зная города, поговору судьи Салих-бен Сеййид-Ахмеда, вышла на встречу хана с богатыми дарами с просьбою простить антиузбекские проступки начальствующих лиц и военачальников Балха. Хан не замедлил простить виновных, а казий Салих был удостоен особых ханских милостей.

Выступившая из Балха узбекская рать двинулась дальше. Когда дошли до урочища Чихиль-Духтеран и разбили там лагерь, прибыли узбекские шпионы, посланные из Балха разведать о кызыльбашах. Они доложили, что наследный персидский принц Тахмасп, сын шаха Исмаила, тревожимый набегами узбеков, боится их и предпочитает открытой борьбе с ними отсиживанье за стенами крепостей. Ввиду этого Суюнч-хан поспешил выступить против Герата, но некоторые узбекские султаны проявили самоволие и вместо того, чтобы идти вместе под стены столицы Хорасана, они самочинно пошли отдельно и под Гератом расположились лагерем подальше от ханского лагеря, бывшего в Баг-и Мураде. По образному выражению историка, они, «расстеливши ковер двуличия, по своему коварству предались игре в нард плутовства и обмана».

На следующий день произошло ожесточенное сражение между узбеками и выступившею против них армией Тахмаспа. Победа уже склонялась на сторону узбеков, но эти султаны, вместо подачи помощи хану, неожиданно, сзади ханского лагеря, снялись и все повернули коней к Аму-Дарье, на Мавераннахр. Суюнч-Ходжа-хан потерпел поражение и долу-дарен был удалиться из Хорасана. Кызыльбашаи не преследовали его. Когда в Герат пришло известие, что узбеки разбили свой лагерь на р. Мургабе, тогда только кызыльбашаи вышли из Герата и занялись приведением в порядок всех разрушений и опустошений, произведенных узбеками.

В конце того же 930/1524 г. Суюнч-Ходжа вернулся в Ташкент и устроил там пышное празднество. Однако мысль о мести за гибель племянника его не оставляла и он решил вторично выступить походом на Хорасан, но в самый разгар подготовки к этому предприятию он заболел и, несмотря на все усилия таджикских врачей и тюрокских камов (камане-тюрк) спасти его, он умер, назначив перед смертью

своим преемником своего сына Мухаммед-султана (иначе, Кильды Мухаммеда). Это произошло в середине 932/весною 1526 г. Мухаммед-султан был провозглашен ханом Ташкента и Ферганы.¹ Туркестан же в ту пору принадлежал Убайдулле султану, сыну Кучкунджи-хана. Перед этим он с помощью Мухаммед-кыргыза, бывшего в этих местах начальником, сделал набег на Туркестан, но, когда с добычей возвращался назад, то Мухаммед-кыргыз неожиданно с тыла напал на него и после ожесточенной схватки Убайдулла был взят кыргызами в плен, но потом отпущен, — повидимому, за выкуп — со всеми своими соратниками. Могол Султан-Са'ид-хан был с этим Мухаммед-кыргызом в большой вражде и своими неоднократными нападениями на него привел кыргызский народ в состояние полного рассеяния. В один из таких походов на кыргызов Султан-Са'ид-хан получил известие о смерти Суюнч-Ходжи-хана и «о расстройстве важных дел в Андиджане». Султан-Са'ид решил сделать диверсию в направлении Андиджана и попытаться утвердиться там. На это его подбивал и кашгарский хан Сеййид-Мухаммед-мирза. Султан-Са'ид, бывший в это время в районе Иссык-Куля, оставил свое семейство в Кучкар-Уланге и сам с большою успешностью выступил в поход на Андижан, прося кашгарского хана присоединиться к нему и общими силами овладеть Ферганою. Сеййид-Мухаммед-мирза не замедлил откликнуться на этот призыв. Отряды обоих союзников соединились у Узгенда и после кратковременной осады этой крепости овладели ею, а потом — Мади и Ошем; прилегающие к этим городам районы были начисто разграблены моголами. Союзники предполагали, что прежде чем узбекские султаны объединятся и попытаются соединенными силами двинуться на Фергану для отражения моголов, последние за это время успеют овладеть Андиджаном и его вилаетом и укрепиться в нем. Но сын и преемник Суюнч-Ходжи-хана, Султан-Мухаммед-хан, которому отец завещал также в удел и Андижан, узнавши о вступлении моголов в Фергану, выступил из Ташкента против них со своими войсками. Ему оставалось сделать еще пять переходов до встречи с неприятелем, как кашгарский хан, не решившись вступить в сражение с узбеками, забрал с собою массу населения андижанского района и повернул обратно в Кашгар. Когда Султан-Мухаммед достиг Узгенда и узнал о возвращении во свояси кашгарского хана и Султан-Са'ида, он решил двинуться в Кашгар против Сеййид-Мухаммед-мирзы, не давая ему времени опомниться и собраться с силами. Когда известие об этом дошло до хана, он растерялся и стал совещаться со своими эмирами, как быть в виду такой угрозы узбекского нашествия. Решили, что, так как все это произошло вследствие набега моголов на Андижан и увода оттуда в Моголистан множества населения, то необходимо поэтому всех насильственно переселенных в Моголистан андижанцев отправить назад с принесением соответствующих извинений Султан-Мухаммеду. С этой целью к нему был отправлен Мовляна Хусейн-и Руми с богатыми подарками и со всеми андижанцами. Этому прелату был дан наказ принести Султан-Мухаммед-хану самые убедительные и красивые по форме извинения за все сделанное в Фергане моголами в надежде, что Султан-Мухаммед откажется от похода против Кашгара. Этот суфийский шейх Кашгара был принят Султан-Мухаммедом в Ташкенте с большою торжественностью и чрезвычайно милостиво; поднесенные подарки и утонченные извинения были благосклонно приняты, все сделанное моголами

¹ «Бахр ул-Асрар», ркп., лл. 183а—186б.

было предано забвению и шейх был с почетом отправлен обратно в Моголистан.

Однако на границах узбекского государства далеко не везде было спокойно, особенно на севере и на северо-востоке по соседству с беспокойными кочевниками казахами-узбеками, кыргызами и моголами; набеги их, общая смута и бунты не прекращались, и Султан-Мухаммед-хану, как владельцу удела, приграничного с кочевой степью, приходилось не раз выступать походом против мятежных кочевников, казахов-узбеков и кыргызов. В это время некто Тахир-хан, сын Ядик'а (Джадик), внук известного врага Шейбани-хана, Джанибека, после смерти вышеупоминавшегося узбекско-казахского хана Касима, овладел всеми землями Дешт-и Кипчака и некоторыми районами Моголистана, но своими поступками и грубостью характера возбудил общее недовольство не только со стороны своих военных и старшин кочевников, но и со стороны родных. Испугавшись за свое благополучие и видя неустойчивость собственного положения, Тахир-хан прибег под защиту Султан-Мухаммед-хана, приславши к нему посольство с просьбой о помощи. Кильды-Мухаммед очень благосклонно принял послов Тахир-хана, согласился помочь ему и отправил к нему свое посольство, которое было принято Тахиром с чрезвычайною степною пышностью, радушием и почетом. Послы передали Тахир-хану, что их хан вполне к нему расположен, поможет ему во всем, что ему будет нужно. В ответ на это посольство узбекско-казахский хан отправил к Султану-Мухаммеду второе посольство с богатыми и многочисленными дарами. Оно было принято Султан-Мухаммед-ханом с необыкновенным почетом.

Известие об установлении таких близких дружественных отношений Тахир-хана с сильным Ташкентским правителем быстро разнеслось по степи и дошло до врагов Тахир-хана, которые теперь стали опасаться, что Тахир, опираясь на помощь узбеков, может их уничтожить, поэтому они принесли Тахиру извинения за свое враждебное к нему отношение и выразили ему покорность. Теперь Тахир-хан опять стал могущественным и важным степным ханом, обладавшим большим войском, собравшимся к нему снова после рассеяния.

Когда Султан-Мухаммед узнал об упрочившемся положении Тахир-хана, он послал к нему посольство с поздравлением по случаю его возвышения и укрепления его могущества. Но страшно возгордившийся казахский хан теперь настолько возомнил о себе и настолько решил показать, что не нуждается ни в чьей помощи, что приказал послов Султан-Мухаммеда арестовать и всем собираться в поход на Ташкент. Услышав об этом совершенно неожиданном обороте дела, Султан-Мухаммед, несмотря на декабрьские холода, решил предупредить намерение казахского хана и выступил против него в Дешт-и Кипчак. Вперед для разведки он послал отряд бахадуров, который дня через три захватил одного неприятеля-казаха и доставил его хану. Пленника подвергли допросу о местонахождении Тахир-хана, сопровождая это пытками и разными истязаниями, он показал, что Тахир-хан взял влево и пошел в набег на Туркестан. Султан-Мухаммед повернул свое войско и бросился вслед Тахир-хану через Тюльки-Баш и р. Айша.¹ Он настиг под Туркестаном казахского хана, войска которого в значительной части состояли

¹ Таким образом из этого маршрута Султан-Мухаммеда видно, что он проник в Дешт-и Кипчак со стороны Аулия-Ата и теперь поспешил кратчайшим путем, через Тюльки-Баш (на полпути между Аулия-Ата и Чимкентом) и теперешнюю р. Арысь, к Туркестану отстоять последний.

из кыргызов, и после жаркого боя Тахир-хан был разбит и некоторые районы его владений перешли в руки победителей — ташкентских узбеков. Управление ими Султан-Мухаммед поручил сыну Кучкунджи-хана, Абдулле-султану, сопровождавшему ташкентского правителя в походе и помогавшему ему преследовать Тахир-хана. После этой большой победы над последним ближайшее окружение Султан-Мухаммеда получило от него разные пожалования чинами, поместьями (икта¹) и подарками. Засим Султан-Мухаммед возвратился в Ташкент.

Смерть Джанибек-султана

Когда Кучкунджи-хан или, сокращенно, Кучум-хан был избран в Самарканде всеми узбекскими князьями верховным главою всех узбеков вместо отказавшегося от этого звания его брата Суюнч или Суюнджик-Ходжи-хана, то за последним было все же оставлено право престолонаследия после Кучкунджи-хана. Когда же Суюнч-Ходжа-хан умер по весне 1526 г., то совет узбекских военачальников и старейшин избрал наследником престола выдающегося по уму и способностям внука Абулхайр-хана (от его сына Ходжи Мухаммеда), принца Джанибек-султана, успешно и мужественно сражавшегося с моголами и тюрками шаха Исмаила I. Его уделом были Кермине и Фергана.

В высокоом звании наследника престола верховного хана всех узбеков Джанибек-султан пробыв девять лет и за последние годы своей жизни уже не помышлял ни о каких бранных подвигах и походах, но с искренностью непосредственной натуры кочевника, оставив все светские дела и развлечения, предался благочестию, проводя большую часть времени за чтением Корана напевным порядком, слушая жития суфийских шейхов и общаясь с учеными-теологами и мистиками и в то же время неослабно побуждая своих сыновей, которых у него было двенадцать,¹ к искоренению нечестия «и к борьбе с еретиками-шиитами». Джанибек умер в ночь на пятницу 10 раджаба 935 г. х. (20 марта 1529 г. н. э.).²

Из факта избрания Джанибек-султана наследником престола можем с несомненностью установить, что принцип старшинства в роде играл у первых узбеков решающую роль, ибо если старейший в ханском роде, каковы бы ни были его личные качества, избирался верховным главою или ханом всего народа, то следующий за ним по старшинству избирался его наследником престола. Для отправления же государственных дел со всеми вытекающими из этого ответственными решениями и последствиями носитель верховной власти узбекского государства как бы передоверял свои права наиболее волевому и талантливому человеку своего рода, что можем видеть на примере номинального ханствования Кучкунджи-хана и фактического распоряжения всеми делами государства его внучатного племянника, Убайдуллы хана.

Кучкунджи (Кучум) хан.

Ставший главою узбекского государства, в силу своего старшинства по летам, в 918/1512 г. внук Улуг-бека, Кучкунджи-хан, по складу свое-

¹ Их имена были следующие: Рустем-хан, Искандер-хан, Асфендияр-султан, Сулейман-султан, (все четверо от дочери Паянде-Мухаммед-султана), Кистень-Кара-султан (от матери, взятой из семьи эмиров-тарханов, к которой принадлежал упоминавшийся в истории Шейбани-хана, бухарский наместник Абдулалы-«тархан»), Джан-Мухаммед-султан, Нур-Мухаммед-султан (от матери наложницы [кума]) и Узбек-султан (от дочери Пулат-султана, сына Тимур-хана, сына Ша-бий-бек-султана).

² «Бахр ўл-Асрар», ркп., стр. 187а—190б.

го характера совсем не годился для роли хана только что слагавшегося узбекского государства, в котором так болезненно происходил процесс слияния кочевников-завоевателей с местным оседлым и кочевым населением и когда не прекращалась борьба между узбеками и тюрками сефевидов. Кучкунджи-хан, в просторечии называвшийся Кучум-хан, был человеком кротким и добродетельным, более всего занятым делами веры и благочестия. Говорили, что он ежедневно по тысяче раз прочитывал напевным порядком коранскую 112-ю главу И х л а с (Искреннее исповедание единства Аллаха) и в уединении занимался посуфийски сердечным зикром (з и к р - и к а л ь б и). Он любил поэтому общение с представителями духовенства, с суфиями и отшельниками, а также с учеными людьми, проявляя, повидимому, особенный интерес к истории. Вероятно, совсем не владея или не вполне владея таджикским языком, Кучкунджи-хан распорядился перевести на узбекский язык два наиболее примечательных исторических труда, всеобщую историю (Д ж а м и' у т -Т а в а р и х), Рашидуддина, именно ту ее часть, которая носит в просторечии название «Газановой истории» (Т а р и х-и Г а з а н и), и «Книгу побед» Тимура (З а ф а р -н а м э), Шарафуддина Езди. Переводчиком обоих этих трудов был Мухаммед-Али-ибн Дервиш Али ал-Бухари. Второй из этих переведенных по-узбекски трудов, повидимому, не дошел до нас, но первый сохранился в единственном в своем роде списке, хранящемся в Институте востоковедения АН УзССР за инв. № 2: это, повидимому, автограф переводчика, причем, судя по большому, «ханскому» формату книги, по отличной самаркандской бумаге, по заставкам, исполненным золотом и красками, по тексту, переписанному хорошим и крупным почерком (наста'лик), великолепно читаемым и заключенным в рамки из цветных и золотых линий и, наконец, по упоминанию в ряде случаев в тексте истории имени Кучкунджи-хана, выделенного кинovarью (например, автор говорит о смерти Ильхана Аргуна, а переводчик от себя добавляет пожелание, чтобы Аллах продлил на долгие годы жизнь государя, Кучкунджи-хана), — мы в этой рукописи, вероятно, должны видеть подносный экземпляр «Газановой истории» на узбекском языке самому Кучкунджи-хану. Рукопись переписана Мухаммед-Алием, сыном Мовлана Яр-Али, в г. Самарканде в 932/1525-26 г. во время правления Кучкунджи-хана.

После смерти Кучкунджи-хана в 936-1530 г. и после кратковременного правления его сына Абу-Са'ид-хана (936/1530-940/1533 г.) главы узбекских племен и старейшие представители дома Шейбана провозгласили верховным ханом всех узбеков Убайдулла хана. Теперь, после напряженной борьбы с тимуридами и их могущественными союзниками, кызыльбаши и моголами, после опустошительных войн на территории Мавераннахра, вконец разорявших местное коренное оседлое и кочевое население, наступала известная стабилизация узбекского государства, способствовавшая тюркизации его иранской части населения и слиянию здешних старых тюркских племен с пришедшими узбекскими племенами. Этому содействовало интенсивное поселение в городах края правящей узбекской верхушки в качестве разных начальствующих лиц армии и администрации, управлявших страной, и превращение областей Мавераннахра в «юрты» отдельных узбекских племен. По сути дела теперь закончилось последнее в истории Средней Азии огромное по своим размерам и небывалое по обширности территории многолетнее сражение между тюркскими племенами. В этой ожесточенной битве, охватившей территорию от границ Китая до Черного моря и от пределов Индии до

Сыр-Дарья, принимали участие почти все главные представители тюркского народа, начиная с узбеков севера и кончая азербайджанскими тюрками на крайнем юго-западе. Иранское население, как Хорасана и Ирана вообще, так и Средней Азии, играло роль пассивную или, вернее, страдательную, как и всякое оседлое земледельческое население при столкновениях на его территории кочевников и некочевников-тюрков. Если 300 лет тому назад тюрки проиграли Чингиз-хану и его монголам всю кампанию за обладание Средней Азией и явились, таким образом, единственно-ответственными элементами за все ужасное и беспримерное опустошение страны, то теперь мы видим на той же территории не менее ожесточенную борьбу того же тюркского народа, но ныне истощавшего свои потенциальные силы не в войне с чуждыми его пришельцами, а в междоусобной брани за обладание Средней Азией и Хорасана. К этому еще примешивалась и религиозная распря, корень который был скрыт в глубине веков, в ничтожном по существу историческом факте, — в трагической гибели в 880 г. в равнине Кербела второго сына халифа Алия, имама Хусейна.

Любопытно при этом отметить, что в завязке этой ожесточенной междоусобной тюркской борьбы, которую мы только что изложили, общетюркские начала племенных и родовых связей и какого-то сознания своего общетюрко-монгольского единства, возглавлявшегося восхождением рода правящей верхушки к высокопочитавшемуся Чингиз-хану, превалировали над взаимною ненавистью и военным ожесточением. Главные персонажи этой войны все были между собою в тесных родственных отношениях; так, сыновья верховного хана всех узбеков Абулхайра, Суюнч-Ходжахан и Кучкунджи-хан, приходились внуками тимуриду Улуг-беку, ибо, как мы выше упоминали, их мать Раби'а-бегим была дочерью этого учебного государя; мать султана Бабура, Кутлук-Нигар-ханум, была второю дочерью известного могольского Юнус-хана, прямого потомка Джагатая, сына Чингиза, следовательно, Бабур приходился племянником Султан-Ахмед-хана (Алача-хана) и двоюродным братом Султан-Са'ид-хана, могола, впоследствии Кашгарского хана; ташкентский могольский хан Султан-Махмуд-хан, на первых порах верный союзник Шейбани-хана, приходился дядею султану Бабуру, ибо был братом матери Бабура, упомянутой Кутлук-Нигар-ханум; на другой сестре последней, бывшей сначала замужем за самаркандским правителем, тимуридом Султан-Ахмед-мирзой, был женат Шейбани-хан, объединивший таким образом царственные дома Джучи и Джагатая; потом Шейбани женился, как мы видели, на сестре султана Бабура, Ханзадэ-бегим, и происшедший от этого брака Хуррем-шах, впоследствии узбекский наместник Балха, приходился родным племянником султана Бабура. Вторая тетка султана Бабура, Рукия-Султан-бегим (иначе Каракуз — Черноглазая), была замужем за сыном вышеупомянувшегося узбекского правителя Хисара, Хамзы Султана, Абдуллатифом, потом она была замужем за вышеупомянутым Джанибек-султаном, узбекским правителем Кермине и Ферганы, и многие другие брачные связи, а чрез них и родственные, переплетаясь, тесно связывали глав этих столь свирепо боровшихся между собою узбеков, тимуридов-джагатаев и моголов. Нечего и говорить, что от всех этих браков было большое потомство, в жилах которого текла кровь всех этих трех народов. И надо при этом отметить одну характерную тюркскую черту — точное знание имен своих родственников и кто на ком был женат. «Записки» султана Бабура в этом отношении весьма показательны; он не только перечисляет в них своих род-

ственников по мужской линии, но и по женской, с точным указанием, кто на ком был женат и у кого сколько было детей, отдельно мужского пола и отдельно женского. Ни таджикско-персидские, ни таджикоязычные тюркские авторы разных мемуаров и исторических хроник этого не знали, у них имена матерей, сестер и теток были вообще не в почете.¹

Следует отметить, что в этой последней войне тюрков не оказалось ни победителей, ни побежденных, но реальные последствия ее остались и их губительное влияние продолжало со всею остротою чувствоваться во все последующие века.

Весь обширный Хорасан отныне становится ареною непрерывных опустошительных набегов узбеков и их войн с шахами Ирана. Существовавшее до сих пор культурное и политическое единство Заамударьинских стран с Хорасаном и тяготевшими к нему районами разрывается навсегда, чтобы уступить место как бы неугасимой легендарной борьбе Ирана с Тураном; братство среднеазиатского оседлого населения по происхождению и языку с населением областей за левым берегом Амударьи заменяется взаимною ненавистью и оттуда люди попадают в Мавераннахр только в качестве рабов. В результате всего обширнейшие области запустели, некогда цветущие города и селения обезлюдели и превратились в развалины, а земля, ввиду разрушения сложной оросительной системы, стала пустыней, вроде той обширной северо-западной части Хорасана, которая в течение 1881-1886 гг. была присоединена к России под именем Закаспийской области. На ее необъятной территории в 540 тыс. кв. верст русские застали 280 тысяч полукочевников-туркмен (т. е. на 1 кв. версту не приходилось и 2 человек); из коренного оседлого населения здесь уже почти никого не осталось

¹ Так, например, имя дочери бухарского хана Абулфейза ((1123/1711-1160/1747), бывшей замужем за Мухаммед-Рахимом и Шах-Мурадом (от последнего у ней был сын Мир-Хайдар, будущий эмир), у историков передается по-разному. Мирза Шемс-и Бухари, автор интересных записок, опубликованных в 1861 г. проф. В. В. Григорьевым, состоял когда-то на посылках при этой ханше, дожившей до глубокой старости, но не знал ее имени. «У нас, — говорит он, — звали ее просто «старой государыней», да и вообще избегают называть женщин по имени; я не знаю даже имени сестры моей, бывшей в замужестве за Мир-Хусейном (сыном эмира Хайдара). («О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре, Записки Мирзы Шемса Бухари». «Учен. записки, издан. И. Казанск. унив.-м., 1861. Кн. I, Казань, 1861; стр. 91, прим. 5).

Ответ. редактор *В. А. Козачковский.*

Техред. *П. М. Фролов*

Корректор *Л. Д. Полисская*

КЛ 01591 Подписано к печати 21/V-1954 г. учетн. изд. 13,0 авт., печ. 9,5 листов
ф. бум. 70x108 1/16 Заказ № 274. Тираж 1000

Типография Издательства АН Таджикской ССР, Сталинабад, ул. Айни, 7

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
20	14 сверху	настроения	нестроения
53	1 снизу	رشحت	رشحات
54	14 снизу	Зеравфшана	Зерафшана
58	1 снизу	روضه لصفقا	روضه الصفا
74	8 снизу	الممالك	الممالك
77	1 снизу	Перил.	Персия
86	9 снизу	Очерки из истории жизни	Очерки из жизни
93	2 снизу	формы	реформы
135	18 снизу	Из примечания 2-го на стр. 32	Из примечания 2-го на стр. 132
139	15 сверху	Кар	Как
142	15 снизу	соплеменник	соименник

0-9
Цена 9 руб. 35 коп.

90